

ГУБЕРНСКИЙ

ДОМ

ИСТОРИКО-
КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
НАУЧНО-
ПОПУЛЯРНЫЙ
ЖУРНАЛ

1/96

КОСТРОМА

ГУБЕРНСКИЙ ДОМ 1/96

ИСТОРИКО-
КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
КУЛЬТУРНО
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
НАУЧНО-
ПОПУЛЯРНЫЙ
ЖУРНАЛ

Время Общество Знание

- Я список кораблей прочел до середины. Эссе Юрия Бекишева. 3
В гостях у дирижера лучшего флотского ансамбля. 5
В школьном музее огни не погашены. 9
Мастерская. Творческая встреча с художником Александром Мариевым. 12
Клуб юных моряков: вчера, сегодня, завтра. 15

Свидетельства Архивы Документы

- История царских жалованных грамот. 21
Любопытные воспоминания о 1913 году в Костроме. 23
Письма царя Петра адмиралтейцу Апраксину. 26
Летописец Российского флота.
Из творческого наследия А.А.Григорова. 30
Русско-японская война. Воспоминания Михаила Казиминова. 34
Федор Чижов и Крайний Север. 44
О Костроме и костромичах. Мемуары Александра Лаговского. 46

Литература Искусство Культура

- Обычай и обряды. Масленица. 53
Народное краснословие. Пословицы, песни, потешки, частушки. 56
Валерий Бурдин. Стихи. 60
Эмалевый крестик в петлице. Рассказ. 62
Зри и помни. Записки поручика лейб-гвардии Семеновского полка. 64
Книга в журнале. Царская охота на Руси. 69

Учредитель - администрация Костромской области.

Попечители: областной государственный архив,
Костромское епархиальное управление, объединение "Костромакурорт",
областная научная библиотека, историко-архитектурный музей-заповедник.

Журнал зарегистрирован региональной инспекцией (г. Тверь).

Регистрационный номер Т-0162.

Рисован и гравирован Александр Мариев - Кострома, 1993.

В 1613 году в Троицком соборе
Ипатьевского монастыря
был избран на царство

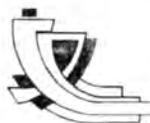
Михаила Федорович Романов

Офорт Александра Мариева.

400 лет со дня рождения царя Михаила Романова, 300-летие Российского флота – эти памятные даты 1996 года определяют, в основном, содержание номера. Интересно и поучительно посмотреть из сегодняшнего дня в то далекое время, когда создавалась российская государственность, когда строился российский флот. И одновременно представить себе обратный взгляд через призму времени:

как мы сейчас живем, что сохранили, что приумножили?

Конечно, обе темы весьма значительны, напечатанное – лишь малая часть возможного. Поэтому костромские страницы истории Дома Романовых и связанной с ней историей Российского флота будут представлены и в следующих номерах «Губернского дома».

Борис КОРОБОВ:

«И ХОЧЕТСЯ ПРАЗДНИКА, РАДОСТИ...»

Борис Константинович Коробов – первый в новой истории Костромы городской голова, избранный всенародно. Он коренной костромич, 25 лет своей жизни отдал службе в системе городского хозяйства, пройдя путь от рядового инженера "Водоканала" до главы самоуправления города.

В нынешнем году ему исполняется 50 лет. Он полон жизненных сил и творческих планов, многое делает для сохранения и приумножения богатейшего культурного наследия нашего древнего города.

Постоянно думать о темном и безысходном вредно. Может быть, не поверите, но мы становимся на ноги. Уповать лишь на поддержку федеральных властей сегодня уже нельзя. Уж очень ненадежна эта власть Центра, сама в заложниках кризиса — и сверху, и снизу.

Вот и ищем напрямую инвесторов. В том числе и на Западе. И находим. Оказывается, никакая это не фантастика — выход Костромы на мировой рынок. Что же делать, если некоторые товары, которые России пока не нужны, за границей в цене. И еще какой. Это и побудило приступить к созданию в городе совместных предприятий, финансово-промышленной компании, службы маркетинга и электронного менеджмента.

Почему я об этом говорю? Потому что без экономической, материальной базы решать любые вопросы развития или сохранения культуры, того что имели, невозможно. Но даже в крайней нужде, в которой город сейчас находится, не закрыта ни одна музыкальная школа, ни один фольклорный коллектив. И даже наоборот — вновь создан симфонический оркестр и впервые — муниципальный детский балет "Арс". С успехом прошли их со-

вместные гастроли в Ярославле и других городах "Золотого кольца". Издана уникальная книга Иосифа Шевелева; состоялась необычная художественная выставка, представившая картины, которые были закуплены и подарены художественному музею областной и городской администрациями, управлением культуры. Надеюсь, что городская галерея, которую мы взяли на содержание, станет еще одним культурным центром.

Искренне преклоняюсь перед людьми, работниками культуры, преподавателями — нашей интеллигенцией, благодаря духовной энергии которой не умирает культурная жизнь в Костроме. Помните Дни Черногории в Костроме, сколько нового и прекрасного мы тогда открыли для себя. А фестиваль "Вехи", дни города? Ведь несмотря на трудности, жизнь-то не умирает. И хочется праздника, радости, особенно детям.

Есть, конечно, скептики: зачем, если такие трудности с финансами, ты волевым решением заставил устроить горки в центре? Ну как зачем... Новый год без детского городка и елки в центре — это, вроде бы, и не праздник. 3 тысячи ребятишек шалили, катались, радовались

здесь. Для многих детей из необеспеченных семей эта елка была единственной. Разве можно забывать, что более 9 тысяч городских ребятишек воспитываются сегодня в семьях, с доходом на человека ниже прожиточного минимума. И более 5 тысяч детей растут в многодетных семьях, иногда не видя самого необходимого.

Уже сейчас большую работу администрация проводит, чтобы достойно встретить 850-летие нашей древней Костромы. Надеемся, что при помощи федерального финансирования начнется восстановление и реставрация всех архитектурных жемчужин города. Таких, как пожарная каланча, дом Борщова, исторические здания по улицам Советской и Чайковского. Нам предстоит реконструкция областной научной библиотеки и драматического театра им.Островского. Давно пора приступать к строительству железнодорожного и речного вокзалов. А сколько проблем предстоит решить по капитальному ремонту объектов народного образования и строительству школ, которых не хватает в городе, и муниципального жилья. Например, должны построить еще один 100-квартирный дом для учителей, врачей, работников культуры — то есть тех, кто сегодня работает на развитие социальной сферы, для каждого горожанина.

Нельзя решать вопросы развития города в отрыве от развития науки, культуры, здравоохранения. Сегодня требуют поддержки наши высшие и средние учебные заведения. А как всем помочь? Искать пути, как же иначе.

Весной на костромской земле пройдут Дни славянской письменности и культуры. В этом году мы отметим 300-летие Российского флота. Как всегда бывает на таких праздниках, они раскроют новые таланты у наших земляков, патриотизм и любовь к своей малой родине. От души желаю всем костромичам доброго здравия, надежды на лучшее будущее.

Время Общество Знание

«Я СПИСОК КОРАБЛЕЙ ПРОЧЕЛ ДО СЕРЕДИНЫ...»

Как занятно, стройно, ремесленным образом устроено мироздание: справа от змейки-реки благополучие, медовые безмятежные лица, движений – малость, шапки – зеленые да малиновые... Боляре! Слева, в посадке, строят, жгут кирпичи, ладят одежду, чеканят монеты, куют, пишут иконы, льют колокола...

Это на миниатюре из летописного свода Ивана Грозного. Редчайшее из запечатленных див трудов – один шпаклюет, другой, кажись, вырубает мачту из безымянного дерева. Ладью ладят?

Гурьба, толкотня – "поехали!" Плыть, плыть: купцами там или просто посмотреть, как живут другие.. Любопытство, любознательность... Заморские чудеса – абизяна харю делает... Море-окиян... Ветра продувные... Вот и худо, и хорошо, и страна... И обернуться, и махнуть рукой незнамо кому...

На древнерусских миниатюрах кораблики – это ладошкой согнутые существа с людьми, будто их запустили по воде, а еще дланью провожают, махают вслед, паруса сжамканы, квелы – теченье несет первопрородцев. Тепепаются в кудря-

вой бездне. А еще, вроде, похожи на заглавные буквы... И письмо летописное – внаклонку, как бы торопясь, плывущая вязь стремительная... Летят письмена – полны товаром, челоуеками, святой надеждой и верой в лучшую жизнь.

Трапезундское царство. Тающие города.Томный Константинополь, Александрия... Трагедия русской души...

Сулой – морское кипение, не пускающее корабли из проливов, в речных устьях пузырится, встает на дыбы природа, ветер... Держава, которой невыносимо тесно в своих берегах.

Где растут сквозные сосновые мачтовые боры, созданные, чтобы уплыть, звенеть телом или гордо стоять прямо, ожидая чудес и открытий. Там дышит, свистит волшебная птичара, всего провозвестница, некая фонологически звучащая вразлад псевдозухия вольных веселых созданий, на щебет которых мы запрокидываем лица.

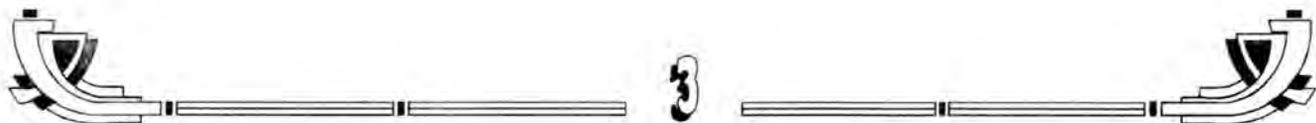
Бессоница. Гилмер.

*Тугие паруса.
Я список кораблей
прочел до середины:
Сей длинный выводок,
сей поезд журавлиный...*

Заволакивают эти строки своей стройной заоблачной истомой, караван легчайших ассоциаций натягивает штормовые нити, связуя времена; небеса касаются небес; гулок, громаден, протяжен образ. Исторический вдох, некий экскурс, действие можно совершить падая, как в омут, в глубину, насквозь, а можно – навзничь, распахивая обитаемые некогда миры, выстраивая "во фронт", озирая весь парад, феерию, регату разом, как на бесконечной панораме волжских пейзажей, рисованной братьями Чернецовыми.

"...бе путь из Варяг в Греки и из Грек по Днепру, и верх Днепра волок до Ловати, и по Ловати внити в Ылмерь озеро великое, из него же озера потечет Волхов и вытечет в озеро великое Нево, и того озера выидеть устье в море Варяжское. И по тому морю ити до Рима..."

Задолго-зadолго до основания Петровского флота, а из сегодня, почти наравне с судами ахейских мужей, ловили славянские паруса вольный ветер странствий. Торгуя и путешествуя, воюя и протягивая ладоны для дружбы.

Юрий Комаров. Союмы. Полдень. 1994 г.

Цепь русских жемчужин-озер, связанных друг с другом великими и малыми реками, наверно хорошо видно из космоса, и они спяют иногда, подобно божьим неосушимым слезам, глаза наших славных космофлотцев. Уж они-то, поди, лучше всех ведают, какова тишина и тьма запредельного пространства – чайка не пролетит мимо иллюминатора, не плеснет вспененная волна, не хлопнут встречные паруса. Можно легко представить, как солнечный бриз накрывает фотонные гроты и кливера их фантастических кораблей.

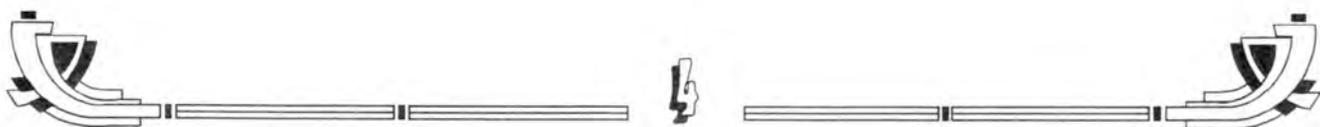
А старинные русские суда, торговые и военные, и просто в переправу, неведомо куда,

вдоль воды везущие дерзновенных пловцов, "сей выводок", все эти кочи, насады, шнеки, ушкуи, бусы, струги, ладьи, даже знаменитые волжские барки быстро исчезают за горизонтом, тают в дымке времен. Скрипит еще где-нибудь под Кемью уключиной веселко поморского кораблика-новодела, проскользят по тому же Ильменю, подобно "летучим голландцам", плавные двойки легендарных двухмачтовых сойм, развернув невидимые при ночном лове латаные-перелатанные паруса, дивно сиящие при дневном свете, построят по старинным чертежам гордый коч, пройдут по путям предтеч-мореходов... Однако, торят вод-

ные пути теперь другие, современные корабли... Сейнера, сухогрузы, танкеры, несть им числа, – скучные названия...

Неужто не сохранится, исчезнет эта культура, часть образа белоснежной янтарной Руси, с неумирающими птицами, галдящими под облаками, с белокаменными же городами "в вечном движении", проплывающими мимо синих и голубых рек, с разноцветными "красными" парусами над водами, прокладывающими новые пути и открывающими любопытному сердцу великие просторы страны, которой так необходимы сейчас крылатость и красота.

Юрий БЕКИШЕВ

«ВОЙНА ПЕРЕИНАЧИЛА МОЮ ЖИЗНЬ...»

С фотографии, на обороте которой маминной рукой выведено: "Июнь 41 г., 15 лет", задумчиво смотрит куда-то вдаль одухотворенный мальчик в белой рубашке. Что тебе видится там, в твоём будущем. Боря Победимский? Карьера пианиста, концерты, успех, победы в конкурсах... А для этого есть вроде бы все основания.

Хотя у родителей были профессии, далекие от музыки: отец – экономист, мать – бухгалтер – оба они были не лишены музыкальных способностей. Отец прилично играл на гитаре и одно время даже вел класс гитары в музыкальной школе, мать от природы имела хороший голос и всю жизнь участвовала в каких-то кружках, пела в хорах. Эти способности передались и сыну. А еще, сколько мальчик помнил себя, его чрезвычайно влекло к себе очень интересное черное существо на трех ножках – рояль фирмы "Беккер". Родители этот интерес заметили и показали ребенка Ларисе Федоровне Иорданской. Та сказала, что нужно непременно учиться музыке, но в музыкальную школу, где Лариса Федоровна преподавала, Борю в тот год не приняли: ручонка пятилетнего ребенка могла взять только квинту, не больше. Но Л.Ф.Иорданская с большой готовностью и совершенно бескорыстно целый год или сама приходила к Победимским, или Боря ходил на занятия в красный дом на углу Пятницкой и Ленина, где жили три сестры Иорданские. А потом уже была школа, рядом, на той же улице Ленина, замечательная костромская музыкальная академия того времени под руководством Зинаиды Василевны Ждановой. И на выпускном экзамене "ударник музыкальной школы Боря Победимский", как совсем в духе того времени писала

"Северная правда", давал целый концерт в двух отделениях: сложные произведения Рахманинова, Брамса, концерты Моцарта и Гайдна...

Июнь 41 г. 15 лет.

Вот газетная вырезка, где говорится об этом вечере в музыкальной школе, а вот благодарственное письмо З.В.Ждановой Борину отцу, Михаилу Николаевичу... Надежда Дмитриевна незадолго до смерти собрала все это в хронологической последовательности в альбом, подписала на первой странице: "Как хорошо посмотреть и вспомнить, что было так давно! Мама." И наказала дочери, которая жила вместе с нею: "Это – Боре..."

Милая, добрая мама, она всегда верила в него. Впрочем, поверил в Борю и такой большой пианист и педагог, как А.Б.Гольденвейзер – тот самый, которого так любил слушать Лев Толстой, игру которого еще в доме своего отца будет потом вспо-

минать Борис Пастернак... После окончания музыкальной школы в Костроме, опять же по совету Л.Ф.Иорданской, Боря приехал в Центральную музыкальную школу для одаренных детей при Московской консерватории. Конкурс при поступлении сносшибательный: человек 170 на место. Боря прошел первый тур, второй. На третьем, когда по воле жребия ему первым пришлось отыграть свою программу, на сцену к нему поднялся седовласый председатель приемной комиссии, тот самый знаменитый профессор Гольденвейзер, как потом уже узнал Боря. "Отвернись, Боря," – и нажал всей ладонью на клавиши. – "Что за звуки?" Боря уверенно перечислил все пять. – "А теперь поиграй свои сочиненьица". Выслушал Борины вариации на тему – сочинение, которое он посвятил своей костромской учительнице, и "Менуэт". – "Ну хорошо, иди, Боря". На следующий день мальчик увидел свою фамилию в списке. Все-все вроде бы складывалось удачно...

И вот сегодня я в костромской квартире заслуженного деятеля искусств Б.М.Победимского, и у меня глаза разбегаются: целый музей здесь. Каких только диковинок со всего света нет! Все это – сувениры, которые в разных странах за честь считали преподнести ему и облеченные высоким положением и должностями люди, и просто слушатели, приходившие на концерты ансамбля песни и пляски Краснознаменного Северного флота. А я снова вспоминаю фотографию того мальчика-пианиста из июня 41-го, не могу удержаться и спрашиваю Бориса Михайловича, как же так получилось, что предпочел он своей мечте карьеру музыканта-руководителя флотского ансамбля.

Ансамбль песни и пляски Северного флота.
Снимок на память с Юрием Гагариным.

— Мою жизнь переориентировала война. В 41-м году наша школа была эвакуирована в Фергану, но я вернулся по совету папы с мамой в Кострому. Здесь участвовал в джаз-оркестре, выступал в госпиталях — об этом в мамином альбоме тоже сохранилась интересная справка. Потом в 43-м попал в фронтовую бригаду: маленький оркестрик, в котором я выполнял роль то пианиста, то аккордеониста, в зависимости от того, где приходилось выступать; две певицы, два актера-чтеца. Все — москвичи. Сопровождал нас раненый старший лейтенант. Возил он нас по Подмоскovie, по подольской дороге, и под Калинин. Выступали месяца три, но не на самом фронте, а в прифронтовых районах: в госпиталях, в местах переформирования приходивших с переднего края дивизий. И я до сих пор помню, как эти бойцы слушали нас. Хочу напомнить великолепные слова, написанные Лебедевым-Кумачом в 42-м году: "Кто сказал, что надо бросить песню на войне? После боя сердце просит музыки вдвойне"... Наверное, те впечатления и повлияли на мою судьбу музыканта.

А после этой поездки — грозный приказ родителей: вернуться в Кострому. Мне еще не было восемнадцати лет, но родителям пообещали в октябре 43-го принять меня, немного раньше положенно-

го, в 3-е Ленинградское артиллерийское училище, которое было в то время в Костроме. Вот там-то я, кстати, и встретился впервые с Вениамином Баснером, ныне известным ленинградским композитором, с которым дружу до сих пор. Он был скрипач, закончивший Ярославское музыкальное училище. Когда в Костромской музыкальной школе преподавателя по классу скрипки взяли на фронт, не знаю уж, каким образом, но З.В.Жданова договорилась с командованием, чтобы курсанту Баснеру разрешили вести в школе уроки...

Как раз перед моим выпуском вышел приказ Сталина: всех имеющих образование актеров, музыкантов и т.д. отозвать с фронта и формировать театры, ансамбли и другие творческие коллективы. Тем самым официально признавалось, что искусство делает свое большое дело и на войне.

Баснер уже уехал, а я еще доучивался, хотя уже был приказ о моем переводе в музыкальную команду. И вот в этот момент произошла страшная трагедия, как раз в нашем 14-м взводе. А называли этот взвод "генеральским", потому что учились здесь дети больших военных начальников, скажем, сын конструктора Игорь Дегтярев, сын начальника Главного управления тыла ге-

нерала армии Хрулева, сын командующего Московским военным округом и т.д. А я один, наверное, такой: у меня папа работал директором бани в то время. Я ползал, наверное, больше всех под нарами, как водится, полымыл — ну, как положено. И вот наступил взвод в последний караул. И случилось следующее. Начальник караула послал своего помощника достать горючего: электричества не было, сидели с коптилками. А тот вместо керосина взял и принес лигроин. Стал наливать в коптилку под горящим фитильком — пары лигроина вспыхнули. Побежал по узкому проходу, чтобы горящую банку выбросить, а навстречу курсант шел из галюна. Они столкнулись — и получился горящий факел. Курсанты на нарах спали, а когда проснулись, стали выбегать, наткнувшись на этот огонь. А тут еще дверь как на грех заклинило. В общем, утром мы вытаскивали обгоревшие трупы. Сгорела почти половина взвода. И когда я прихожу в Костроме на кладбище старое, я всегда смотрю на то место, где похоронены эти курсанты, и думаю о том, что, наверное, тоже лежал бы здесь, если бы как раз в это время я не был на посту, не стоял бы часовым у склада ГСМ. Наверное, это судьба...

А потом была Таманская дивизия. Оттуда, как война закончилась, поехал в Ленинградскую консерваторию. И там, кстати, снова встретился с Баснером, в одном общежитии жили. Консерваторию закончил сразу по двум факультетам: как дирижер и как пианист.

— И на дирижерском вашем педагогом был тоже костромич — Илья Александрович Мусин?

— Да, это педагог — не ошибусь, если скажу, — мирового класса, воспитавший Темирканова, Гергиева и многих других дирижеров с мировыми именами. Мусин — это действительно высокая школа. Но я к тому времени был уже вполне военным человеком и, закончив консерваторию, поехал сначала на Балтику дирижером оркестра, а в 1956-м перешел на Север и с 58-го до окончания службы был связан с ансам-

блем песни и пляски Северного флота. Ансамблю 55 лет, тридцать из них я был его начальником и художественным руководителем, и дирижером. За эти годы ансамбль стал лауреатом трех всесоюзных конкурсов, получил премию Ленинского комсомола.

— Ансамбль был лучшим и, пожалуй, не только среди флотских коллективов. И все же не пожалели вы, что связали свою жизнь с флотом? Все-таки творчество, мне кажется, неизбежно вступает в конфликт с какими-то жесткими рамками — армейскими или флотскими.

— Если вы имеете в виду дисциплину, то я сторонник диктата дирижера. Тем более, что здесь речь идет не о самодеятельности, а о профессиональном коллективе. Безусловно, ансамбль флотский — жанр своеобразный, но я уже своим предшествовавшим жизненным опытом был подготовлен к тому, что это необходимо, чтобы воспитывать воинов, давать им отдых после ратного труда. А флот Северный — это преж-

де всего подводники. Это полгода под водой, тяжелейшие условия. Помнил, как в войну раненые, бойцы во время короткого отдыха слушали песню. И когда мы с ансамблем проходили в морях, океанах и к нам на борт поднимался экипаж подлодки, который шесть месяцев не был на земле, — истощенные, бледные люди — прямо на палубе большого корабля мы давали концерт. И видели, как вдруг преображались эти люди, как загорались их глаза, как начинали буквально розоветь их лица...

Одно необходимое условие — чтобы это было искусство по большому счету. Любой ценой я стремился к этому. Вплоть до того, что мы проводили конкурсы на каждого певца, музыканта, танцовщика. Ездили по всему Союзу, выбирали. А потом из этих лучших надо было сделать хор, оркестр, балет. И удалось создать по комплекту довольно приличный коллектив. А дальше дело, как говорится, мастера — хор-

мейстера, балетмейстера: репертуар, отточка с вызовом коллектива иногда по три раза в день...

И еще я всегда ставил задачу: ансамбль Северного флота должен быть ансамблем, не похожим ни на какой другой. И члены всевозможных комиссий на разных конкурсах, при выездах за границу всегда отмечали, что мы привозили с собой — с е в е р. Мы должны были своими выступлениями пропагандировать и наш флот, его трудную службу, чтобы, скажем, молодежь в Красноярском крае или в каком-то другом отдаленном от моря месте почувствовала романтику моря и флота. Вспоминается такой случай. В Волгограде работали однажды на тракторном заводе, прямо в цехе. После концерта подходит группа парней: "Товарищ полковник, мы хотели бы после вашего концерта — он нам так понравился — служить у вас на флоте. Как это, можно?" Я говорю: "Трудно, но попробуем". Переписал все фамилии ребят и, когда приехали домой, к командую-

Участники ансамбля на встрече с Н.С.Хрущевым. Мурманск. 1962 год.

щему пошел. И эти парни служили потом у нас и часто бывали в ансамбле, и были очень благодарны...

— Борис Михайлович, но ведь, наверное, трудно сделать такую программу, которая была бы всем интересна: и вашим морякам, и другим зрителям и слушателям, как на родине, так и зарубежным?..

— Действительно, одно дело — дирижировать в опере. Там все написано, все оркестровано. Здесь же — ни произведений, ни танцев... А нужно, чтобы и патриотическая тема присутствовала, и флотская, и обязательно шутка, без которой моряка не бывает, и были соблюдены те или иные идеологические установки — ведь мы в то время жили. Мы пели и классику, и итальянцев, и русскую народную песню. Чтобы был у ансамбля репертуар свой, мне приходилось работать с Пахмутовой, и с Френкелем, с Жарковским и Мурадели, с Николаем Букиным и Игорем Шафераном... Соловьев-Седой с поэтом Фогельсоном приезжали к нам — мы их устраивали, они ходили на кораблях — так появился замечательный "Североморский вальс". А пахмутовский цикл о Северном флоте? "Усталая подлодка" и еще ряд прекрасных песен — тоже родились не в Москве...

— Говорят, ваш ансамбль очень нравился Н.С.Хрущеву?..

— С Хрущевым была такая история. Он приехал в 1962 году в Мурманск и, выступая на стадионе, осмелился пошутить: "Ах вы, мои дорогие, дважды дорогие северяне..." Намекнул на нашу северную зарплату. Ну разве можно было попрекать людей тем, что они в таких ужасных условиях на севере, где по существу круглый год зима, где до двадцати процентов кислорода в воздухе и т.д., получают полуторную зарплату? Что тогда поднялось на стадионе! И вот после этого, приехав на флот, Хрущев был отогрет. Он пришел к нам на концерт. Сидит — аж расцвел от удовольствия. После концерта я его пригласил на сцену сфотографироваться с ансамблем. И Никита Сергеевич встает и вперевалочку на сцену. Мы быстренько стулья принесли, рядом с Хрущевым усаживаются тогдашний министр обороны Р.Я. Малиновский,

Главнокомандующий ВМФ С.Г. Горшков, заместитель Председателя Совета Министров СССР Д.Ф. Устинов... А слева, с краю, примостился наш первый секретарь обкома партии, вскоре смещенный за то, что произошло на стадионе. Хрущев тогда еще что-то подхохмил — все засмеялись. Вот такой снимок и был сделан при полном зале Дома офицеров.

А вскоре после того, как Хрущев уехал, нам сообщили, что ансамбль приглашен в Москву на празднование годовщины Октября. Месяц мы выступали на всех центральных

Б. М. Победимский. 1995 г.

концертных площадках столицы, а потом во Дворце съездов был правительственный концерт, и мы его открывали. Когда готовились к этому концерту, к нам подошел Юрий Гагарин. А потом мы с ним еще несколько раз встречались в Североморске.

— У вас ведь было очень много и зарубежных поездок. Какие из них наиболее памятные?

— Пожалуй, больше всех запомнилась самая первая, еще с ансамблем Балтийского флота. У меня есть большая фотография: в Стокгольме, на улице перед Королевским дворцом, как писали тогда газеты, сто тысяч человек. Остановились трамваи, автобусы, личные автомобили. И больше всего нас поразило окончание концерта. Мы еще на сцене. Их ведущий что-то говорит, и в этот момент гаснет свет, и вся эта стоты-

сячная толпа достает и разом зажигает зажигалки. Потрясающее зрелище. А мы-то еще боялись какой-нибудь провокации. Все-таки "холодная война" еще была и время закрытых дверей.

Запомнилась большая — три с половиной месяца — гастрольная поездка по Канаде и Мексике. Как музыканту, мне много дало в самой первой поездке в Норвегию посещение в Бергене дома и могилы Грига. Это — один из самых любимых моих композиторов, и, когда мы вернулись из Норвегии, я почувствовал, что Григ у меня зазвучал по-другому. Вся эта музыка, гармоническая структура его аккордов, мелодические обороты — они настолько мне близки по характеру, потому что я хорошо знаю север. И вот это, кстати говоря, очень помогало в творчестве, в создании своих произведений, в обработках, особенно когда мы делали танцевальные сюиты. Вообще, музыканта, как и любого другого художника, творят не только образование, художественный опыт, но и опыт жизненный. И меня сама жизнь вела к деятельности руководителя флотского коллектива. И работа была интересной и успешной, а главное — людям очень нужной. Так что, хоть и сказал я, что война переориентировала мне жизнь, нельзя обижаться мне ни на войну, ни на судьбу...

Когда Б.М. Победимский прощался с Заполярьем и Северным флотом, командование подарило ему на память парадный военноморской флаг. Возвратившись в родную Кострому, Борис Михайлович живет, как и подобает пенсионеру: самозабвенно отдает время рыбалке. Дня не проходит, чтобы не сядил он и за инструмент, и тогда звучат любимые произведения, чаще всего — Григ, который, как считает Борис Михайлович, лучше всех рассказал и о Севере, и о море. А еще в День Военно-Морского флота каждый год в коллективном саду собирает Победимский всех, кто имел когда-то отношение к флоту, и тогда торжественно поднимается по мачте огромное полотнище. Его видят проходящие по Волге суда и приветственно откликаются гудками...

Беседовал
Владимир СМОРЧКОВ

В ШКОЛЬНОМ МУЗЕЕ ОГНИ НЕ ПОГАШЕНЫ

Вот уже двадцать лет в школе №23 г.Костромы существует интересный музей. Сначала он назывался литературно-художественным, сейчас "вырос" и стал краеведческим музеем культуры. Два года назад появился у него, так сказать, филиал или, как шутят здесь, дочернее предприятие – музейный класс, именуемый "костромской избой". Вот в нее мы сейчас и заглянем.

Хозяйка "избы" учительница начальных классов Валентина Павловна Слепнева встречает приветливо и рассказывает, что все началось с... кочерги. Попалось при чтении русских народных сказок данное слово, а ребята и не знают, что это такое. Объяснить хорошо, а увидеть – лучше. Выручила одна девочка, родом была она из села Шахово Судиславского района. Бабушка оказалась у ней добрая – не только кочергу внучке показала, но и отдала, чтобы другие тоже погля-

дели. А уж вслед за кочергой в классе появились серп да молот, кринка да горшок, прялка да скалка... Теперь всего не перечислишь – тут тебе и плетение, и шитье, и музыка в виде русской гармони. Теперь и уроки стали гораздо интереснее – загадка про решето, а вот и оно само на стене висит. Сказка о печке, а вот и она сама в углу стоит. Чудо-печь, что раньше давала тепло, кормила и лечила. В каждую вещь, в каждый предмет вложен труд человека и его душа, а потому и стал этот класс доброй русской избой.

А еще на полках – поделки, выполненные самими ребятами, предки их, ставшие мастерами, тоже, наверное, начинали с таких незатейливых игрушек. А еще у Валентины Павловны есть мечта: привезти в избу настоящий ткацкий станок и домашнюю мельницу со ступой и жерновами. Впрочем, мечта эта на-

половину осуществленная – припасены уже и станок, и мельница в одной из деревень Поназыревского района. Ржаной сноп рядом с косой и серпом, свежее жито подле мельницы – как хорошо будет изучаться в "избе" "Песня пахаря" или стихи о поле-хлебе нашего земляка Алексея Плещеева.

Прощаемся с гостеприимной "избой" – и на второй этаж. Руководитель краеведческого музея Татьяна Семеновна Шапорова – рассказчик удивительный. Так увлеченно можно рассказывать только о любимом деле. Когда-то давно в школе объединились два кружка – литературный, который вела Татьяна Семеновна, и другой, где были юные историки и следопыты. Умелая поисковая работа в сочетании с художественным вкусом дала хорошие выходы. Помогли музею и многие известные в Костроме люди

Хозяйка «избы» В. П. Слепнева.

Руководитель краеведческого музея
Т. С. Шапорова.

– краеведы, писатели, художники. Одним из первых и самых дорогих друзей был Александр Александрович Григоров. Он помог школьным музейщикам в создании летописи "Лермонтов и наш край", он заинтересовал их судьбой Федора Толстого-Американца, он познакомил с художником Купреяновым, в московской мастерской которого Татьяна Семеновна с ребятами бывали трижды. Столько же раз они были в столице в гостях у поэта Сергея Маркова и драматурга Виктора Розова, ездили и в другие города к известным землякам нашим. А уж Костромскую область изездили, как говорится, вдоль и поперек. Из сел и деревень и привезли будущие экспонаты школьного музея, а есть среди них просто бесценные – подлинные работы Ефима Честнякова, корчага из катенинских мест, коллекции самоваров и уюгов. В Парфеньеве следопыты нашли дом, где жил когда-то Сергей Марков, а теперь там – музей его имени. Другой уроженец Парфеньева, Дмитрий Белоруков, прислал в дар музею картину и рукописную книгу о жизни Солигаличского училища. Теперь собственные книги в виде сочинений и рефератов пишут сами школьники, пополняя свои-

ми исследованиями историю родного края. Памятных встреч, интересных находок за двадцать лет – не перечислить. Да к тому же – лучше один раз увидеть. Поэтому и приходят в музей не только дети, но и взрослые. Поэтому и уроки, проходящие здесь, всегда интересны и "урожайны" – начиная с введения в краеведение в пятых классах и кончая литературным краеведением в десятых-одиннадцатых. А кому не хочется попасть в музей на "крещенский

вечерок" или мальчишник с девишником, или на вечер "Встреча соловушек"? То-то и оно – хочется многим. А проводят все – от экскурсий до вечеров – сами учащиеся, они, кстати, в музее и директорствуют. Татьяна Семеновна – руководитель, а директора – непременно школьники. Первым директором была Татьяна Румянцева, сейчас Татьяна Козырева, большой след в истории музея оставил Андрей Обидин, ныне выпускник педуниверситета. Всего за 20 лет сменилось 7 директоров, "текучка кадров", конечно, заметная, но ведь школу хочешь-не хочешь, а заканчивать нужно. Вот и нынешней директорше уже готовится заместитель – парень из 8 класса.

Коля Купреянов (будущий художник) в роли Гамлета. Домашний театр в Селище. Конец XIX века.

На стенах школьного музея – картины многих хороших художников, на полках – книги известных авторов, в отдельных папках – письма замечательных наших земляков. А это значит – сюда идут и пишут люди, это значит – доброе и полезное дело совершается здесь. Можно говорить много громких слов о патриотизме, а можно просто прийти сюда и оставить книгу, картину или малую вещь, можно просто побыть здесь и понять что-то важное о жизни страны, области, города, а значит, и о своей жизни тоже. Пото-

«Костромская изба».

Коллекция уюгов.

В гостях у поэта Сергея Маркова. Москва. 1975 г.

му и собираются в школьном музее выпускники разных лет, потому и проводят здесь сейчас экскурсии дети тех, кто начинал создавать музей, потому и приезжают сюда за опытом представители других школ нашей области. В этом надежда — будут в этих школах тоже краеведческие музеи да

"костромские избы". Не такие, может, сразу богатые, но ведь большие реки тоже начинаются с родников. А исторических родников, родников народной жизни и культуры на костромской земле великое множество.

Николай МУРЕНИН

Специал цветовиты

Творческое долголетие и богатая культурная жизнь школьного музея, конечно же, не случайны. В школе № 23 г. Костромы разработана и осуществляется программа углубленного изучения материальной и духовной культуры костромского края в курсе общеобразовательного учреждения. Здесь разработаны и выпущены учебно-методические пособия по изучению краеведения как для учащихся разных классов, так и для учителей. Здесь педагогический коллектив объединен высокой целью — воспитанием патриотизма. Несомненно, опыт работы школы в этом направлении будет интересен и полезен для других учебных заведений нашей области, о чем еще будет рассказано на страницах "Губернского дома".

ЗНАЕШЬ ЛИ ТЫ РОДНОЙ КРАЙ?

Викторина для учащихся начальных классов

1. Сколько лет нашему городу?
2. Что можно предположить о прежних занятиях наших предков, живших в населенных пунктах Борниково и Борково, Дегтары и Дегтярево, Смольница, Соль Галичская?
3. Какие города нашего края пострадали от полчищ хана Батыея?
4. Какому народному герою воздвигнут памятник в нашем городе?
5. Кто из наших земляков был первым русским артистом и основателем первого русского театра?
6. Назовите известных морских офицеров из Костромской губернии, которые сделали важные географические открытия.
7. Назовите наших земляков, участвовавших в Отечественной войне 1812 года.
8. Кто из поэтов рассказал в своих произведениях о тяжелой доле волжских рыбаков?
9. Назовите известных поэтов и писателей нашего края.
10. Назовите имена наших земляков-героев, совершивших свои подвиги в годы Великой Отечественной войны.
11. До какого года наш край назывался Костромской губернией? В состав каких областей затем входил?
12. В каком году образовалась самостоятельная Костромская область?
13. Какие виды транспорта развиты в Костромской области?
14. Какие достопримечательности нашего города вам известны?
15. В каком месте Костромской области хотел бы жить каждый?

Составила учитель начальных классов школы № 23 г. Костромы Г. Н. Багрова.

Ответы — в следующем номере, правильно ответившим на все вопросы — гостинцы от "Губернского дома". Ждем новых викторин, шуток, загадок — и от учителей, и от школьников.

ЧТО УВИДЕЛ ГАЛЛИВЕР

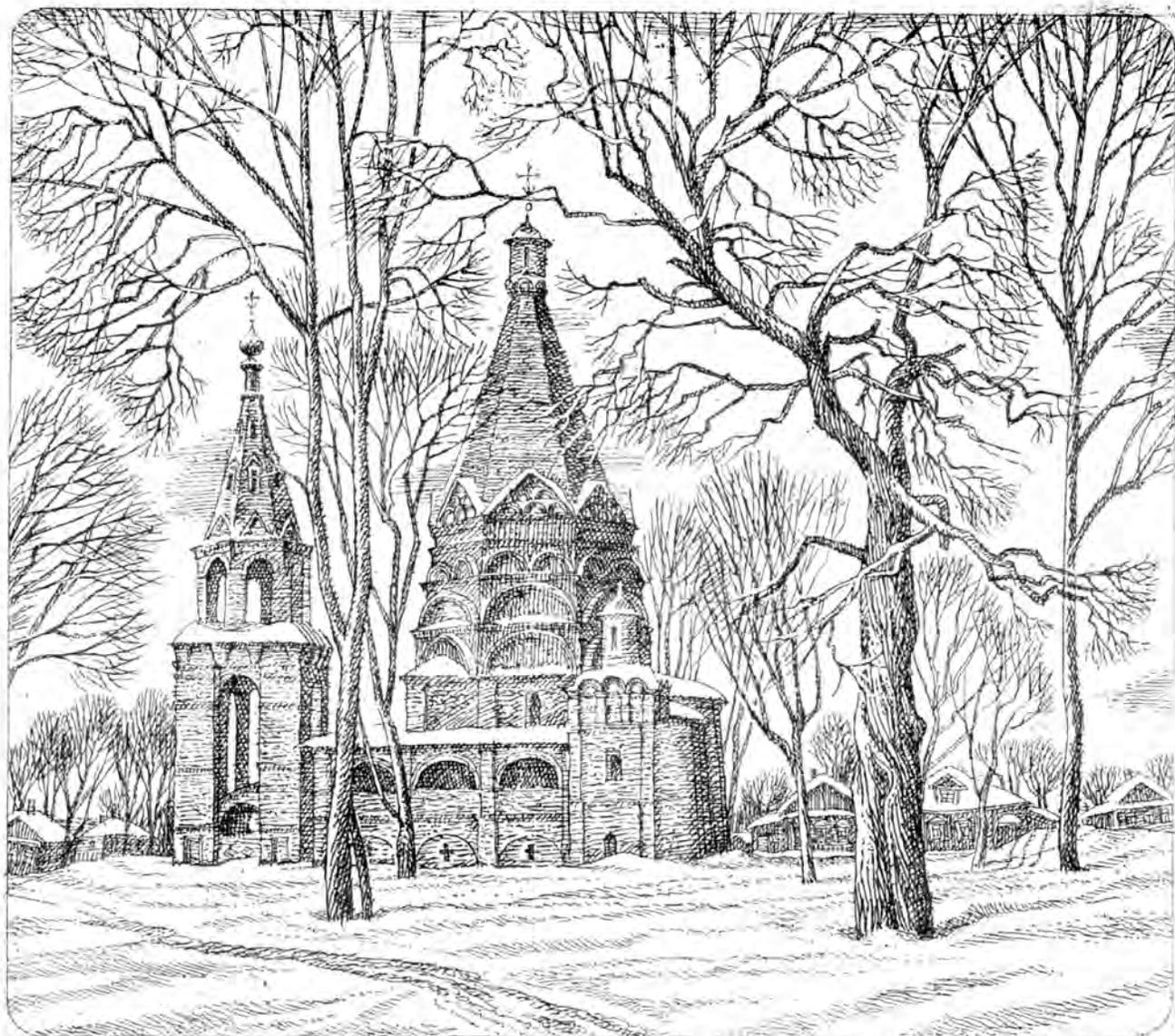
Автопортрет. Строгий человек с напряженным сомнением смотрит на что-то, что другие не видят.

А в жизни он человек как человек. Скорее даже улыбчивый, чем хмурый. И сад у него есть, и огород, как у всех, где развел восемь сортов картофеля. А еще в год урождается у него кроме урожая для семьи пять офортов для души.

И продаваться он умеет. Но душу, музу свою, не продает. Не встретишь его возле белых пароходов с интуристами (кстати, у гостей спрос на его исторические гравюры всегда есть). Но Александр Мариев считает, что вреден для художника контакт с покупателем. Несвобода в душе проснется. А свободой он дорожит. Образ России – лихие разгоряченные русские тройки, несущие-

ся неведомо куда, грудастые красавицы у самовара, мужик, застрявший в гиблом месте на перекрестке трех дорог... Россия – на потребителя. Мариев терпеть этого не может.

Есть у него один трогательный лист – напормот в пейзаже "Старые коньки"... 1980 г. Уходящие к горизонту бескрайние русские снега, шемящий душу островок за-

Богоявленская церковь. Красное-на-Волге. 1985 г.

терянной у горизонта зимы дере-
вушки с церковной маковкой над
занесенным метелью простран-
ством. А на первом плане – коньки-
снегурки из далекого детства.
Прикручивались они прямо
на валенки сложной системой
деревянных дощечек и вере-
вочек. На таких коньках
можно было кататься по де-
ревенским дорогам, обгоняя
возчиков сена и даже тракто-
ристов...

Да, да... Белая печаль. Ро-
мантика детства: когда теперь
народится молодая Россия, что
весело вскочив на старые вол-
шебные снегурки, преодолет
бездорожье пространства и вре-
мени?

Мариев как график ближе
поэзии, чем плакату. На воз-
душном шаре воображения
пересекает он пространство
жизни. Делает наброски невиди-
мой другим "натуры", а
потом на металле скребет и
точит свой тонкий поэтический
рисунок, который поднимает

над бытом самые незамыслова-
тые предметы, делая их символа-
ми, метафорами бытия.

Трудный это жанр, – офорт,
вредный цех – обработка цинка

лаком, кислотой, кропотливая ра-
бота над штрихом, прежде чем
"прокатный станок" сделает свой
первый отпечаток, по которому и
становится ясно, удался сегодня
лист или нет.

Пейзаж, гравюра, портрет.
Образ города. Образ времени и
его святынь. Вот на булыжной
мостовой у Троицкого собора
стоит печальный мальчик с
пухлыми губами, ему суждено
стать царем. ("Кострома",
1994 г.). А вот керосиновая
лампа на окне, через волшеб-
ное стекло ее в обратной пер-
спективе волею художника
движется к нам дальний лес и
поле, и деревенька, какой уж
нет давно. ("Недалеко от Ко-
стромы", 1982 г.). А тут смеш-
ной лесовик, а может, домо-
вой, стерегущий последние ре-
ликви уходящей культуры
("Напоминание с игрушкой
Ефима Честныкова", 1983 г.) И
какой лист не откроешь, везде
печаль и свет одновременно.

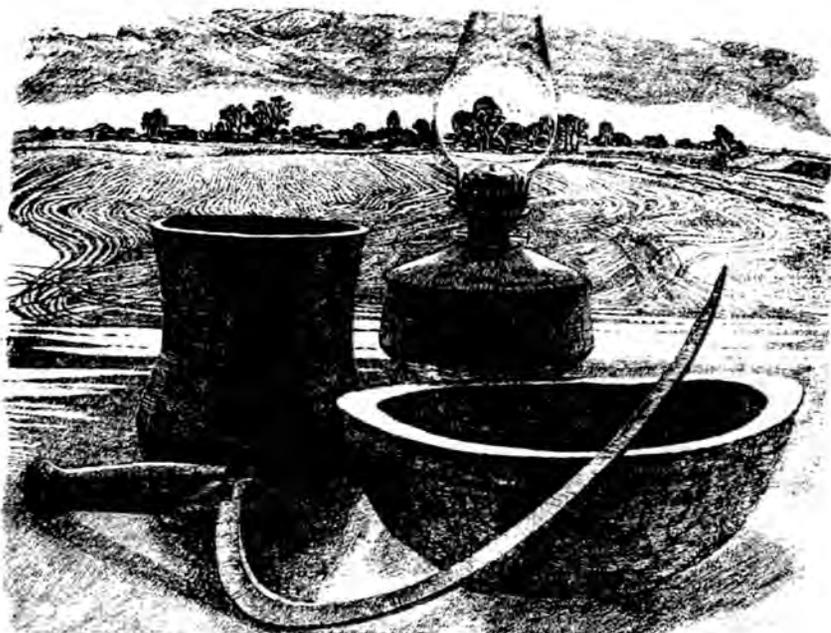
– Как это вам удается?

Петр I Алексеевич.

Плес. Троицкая церковь. 1993 г.

Недалеко от Костромы. Офорт. 1982 г.

– Стараюсь держать дистанцию от плохого, не замечать, не принимать в расчет – это и позволяет сохранить оптимизм и надежду.

Дистанция, судя по всему, немаленькая: с высоты птичьего полета или роста Гулливера раскрывается перед зрителем панорама центра Костромы, каким-то чудом собранная

на пятячке сжатого пространства "сковородки". Здесь все архитектурные жемчужины Костромы увиденны с такого непривычного ракурса, что живописный образ старого города кажется поразительно новым.

– Я не идеализирую прошлое, – поясняет художник. Настоящее то-

Автопортрет. 1986 г.

же когда-нибудь станет прошлым и глупо редактировать время. Гулливер увидел бы город во всей его достоверности, с уродливыми очистными на первом плане, с "экзотикой" Лакомки и университета. "Птичий полет" художника отличается тем, что есть вольность, даже воссоздавая достоверную городскую панораму, сделать уродливое маленьким, чтобы оно не бросалось в глаза.

– Для творчества это, наверное, подход естественный, но для жизни?..

– Время от времени я оглядываюсь на свою еще студенческую дипломную работу. "Портрет Микеланджело..." Смотрите, за спиной мастера два раба, это, увы, всегда так. В каждом человеке сидит свое крепостное право. Свои запреты: и личные, и запреты времени. Это добровольное рабство гораздо труднее преодолеть, чем кажется...

– Я подсчитала, вы были участником, кажется, двадцати различных выставок – российских, всесоюзных, международных, и графики, и эстампа, и офорта, и акварели. Чем-то новым порадуете нас на двадцать первой?

– Русские типы русской деревни – сейчас с интересом сижу над этим. Хочется пристальней разглядеть то, что все мы потеряли.

В мастерской была
Татьяна ГОНЧАРОВА

Натюрморт с игрушкой Ефима Честякова. 1983 г.

НАЧАЛО МОРСКОГО ПУТИ

Клуб юных моряков возник в Костроме в 1962 году. Правда, тогда в ходу было более скромное название – "Клуб юных водников". Такие внешкольные учреждения появлялись во многих городах. Г.И.Ганусовский в то время закончил "мореходку" на Сахалине, сам оттуда родом, а в Костроме у него училась жена. Вот, пока его документы ходили по инстанциям (а тогда оформление на работу, особенно связанную с "загранкой", было делом долгим), Геннадий Иванович, на время пришевартовавшись к волжским берегам, и оказался первым руководителем костромского клуба, пока не уехал на Балтику, в Клайпеду.

В позапрошлом году Ганусовский приезжал навестить костромских родственников и был приятно удивлен, что клуб в Костроме еще жив и уверенно держится на плаву. Говорят, старый моряк был так растроган, что пообещал приехать на слет клубов юных моряков, который в юбилейный год Российского флота будет проходить у нас, в Костроме.

Дальнейшие почти двадцать лет Костромского КЮМа связаны с именем Андрея Федоровича Жданова.

АДМИРАЛ КОСТРОМСКИХ МАЛЬЧИШЕК

Мы жили одно время на соседних улицах, и несколько лет я встречал этого человека почти каждый день: то утром, как-то очень стремительно направляющегося к своим юным морякам, то вечером, заметно уставшего, но все равно одухотворенного и подтянутого, в морской форме, начищенной и отглаженной так, что впечатление было: форма эта – всегда "с иголочки". Я знал, что это – Жданов, был наслышан о нем и его клубе, тем более, что сын одной из наших сотрудниц занимался в КЮМе, и эта фамилия не сходила с ее уст...

С кем только не сводила журналистская работа, а вот так вышло: со Ждановым познакомиться не пришлось. И вот сейчас, пытаюсь понять "эту странную жизнь", какой она иногда может показаться, знаю, как пристрастно будет читаться каждое слово множеством людей, для которых Жданов и сегодня человек необычайно дорогой и близкий и вместе с тем – недостижимо высокий. И поэтому буду стремиться к максимальной документальности.

Вообще нужно сказать, что все, к кому обращался с распросами, интересу к Жданову не удивлялись и считали это необходимым возвращением долга, потому что не было в Костроме, по крайней мере, в нашем веке, другого человека, который бы так самоотверженно всю жизнь служил флоту и так много сделал для него.

А ведь его собственная морская карьера не сложилась. "Учился в Одесском мореходном техникуме... По семейным, как говорится, обстоятельствам мне пришлось вернуться домой, в Кострому", – так он рассказывал о себе в газете в

1975 году. Что за "семейные обстоятельства"? – об этом теперь приходится лишь догадываться. Наверное, "нечистая" анкета: мало того, что социальное происхождение неподходящее, не "рабоче-крестьянское", так еще и репрессии 37-го года коснулись семьи Ждановых...

В Костроме летом 41-го он уже заканчивал аэроклуб, а в августе был уже на фронте. Воевал сначала на Черном море, затем сухопутный моряк, сапер. Потом бой и второе ранение, после которого врачи списали и с фронта, и, кажется, навсегда – на берег. Но не на такого напали. В 43-м, едва вернувшись в Кострому, он поступил на работу в морской клуб Осоавиахима. А дальше процитируем самого Андрея Федоровича из того газетного интервью:

"И вот тут я сказал себе: если уж тебе не довелось поплавать по морям и океанам, если твои мечты не сбылись, то ты должен сделать все от тебя зависящее, чтобы воспитанники клуба породнились с морем, прошли под советским флагом по всем парал-

Первая практика. Снимок 1960-х годов.

леям и меридианам. Передай им все, что ты умеешь, предостереги их от ошибок, которые встречаются при выборе профессии... Морская служба требует особого характера. К сожалению, тот таинственный ореол, которым она окружена, иным ребятам кружит голову, они начинают видеть себя на капитанском мостике. А через год-другой занятий в училище бывают горькие разочарования. Почему? Потому что парнишка не уяснил до конца, что золотые нашивки даются не зря. И вот наша главная цель – подготовить молодежь, показать ей, что морская служба – это не только голубое небо, ласковые или разбушевавшиеся волны, а что это, прежде всего, упорный труд и учеба, учеба, учеба, в каком бы он звании ни находился. Пусть лучше паренек у нас разочаруется, чем там, в училище”.

Что в педагогике Жданова было главным? “С мальчишками он никогда не играл, все было всерьез, как на корабле, как в море. И покорял ребят он, как ни парадоксально, именно тем, что много с них требовал. И все как-то не боялись этой требовательности, а даже ждали ее”, – так отвечает на мой вопрос О.Г.Горюнов. Он воспитанник КЮМа, закончил Ломоносовское морское

училище ВМФ, служил на Севере, а потом, вернувшись в Кострому, возвратился в клуб инструктором. А ведь его самого моряком сделал вроде бы случай:

– Клуб тогда в очередной раз переезжал в другое помещение, и мой друг увидел этот переезд. А там оформление, конечно, было, макеты кораблей. Красиво! Друг мой это увидел, и сам в клуб пошел и меня буквально затащил в КЮМ...

О сколько мне рассказывали о подобных “случайностях”, которые потом определяли судьбу человека, и питомцы Жданова, и выпускники клуба более поздних лет! А Олег Геннадьевич Горюнов показал еще две толстые папки писем к А.Ф.Жданову от выпускников. Письма эти конца 70-х годов сохранились в клубе. Откроем наугад некоторые. В них пульсирует и живая жизнь клуба, и душа его руководителя.

*“Уважаемый Андрей Федорович!
Поздравляю Вас с праздником Великой Победы! Спасибо вам за нее, живите долго-долго, не старейте, не балейте, побольше улыбайтесь. Мы всегда будем рядом с вами, берегите себя, ведь Вы для нас для всех очень много в жизни значит.*

С благодарностью Ольга”.

Команда Костромского клуба на I-м слете юных водников заняла 2-е место. Горький. 1963 г.

“Здравствуйте, Андрей Федорович!

*...Сейчас мы идем вверх по реке Енисей до Игарки. Идем мы за лесом, чтобы, погрузившись, уйти на порт Булонь (Франция). И так будем еще два раза подряд. Нахожусь я на теплоходе “Каргополь” в должности третьего помощника капитана. Самое интересное, что на этом судне работает в должности старпома тоже выпускник нашего клуба Незамаев Вадим... Вот так, Андрей Федорович, на одном судне будут работать два судоводителя, воспитанных вами, и не далек тот день, когда Ваши воспитанники станут капитанами. Гордитесь, Андрей Федорович...
С уважением В.Капин”.*

“Здравствуйте, дорогой Андрей Федорович!

С большим приветом к Вам Ваши выпускники Костя Рачков, Игорь Лебедев, Серега Семенов, Володя Богомоллов, Витя Королев, Андрей Соколов и я – Игорь Киселев. Получил Ваше письмо и очень обрадовался, большое за него спасибо. Мы все с большой радостью читали Ваше письмо.

*Живем мы хорошо, учимся пока вроде нормально. Как приехали 1 сентября с Андрухой и Витькой, нас сразу постригли наголо, но сейчас уже волосы немного выросли. Первое время было трудно, ко всему привыкали, не наедались, не высыпались, а иногда даже под койками спали, т.к. днем на койку даже садиться нелзя было. А сейчас ко всему привыкли. А вот ребята, которые даже представления о морской службе не имели, – им очень трудно. Но ничего, все трудности преодолеем...
Игорь”.*

“Дорогой Андрей Федорович, здравствуйте!

...Благодарю Вас, Андрей Федорович, за знания, которые Вы мне дали в клубе. Они мне очень и очень пригодились здесь, особенно навигация (прокладка), устройство судна и многое остальное, что я получил в клубе. Передайте всем курсантам от меня большой привет и мой наказ, чтобы хорошо,

даже отлично учились не только в школе, но и в клубе. Ведь наш клуб – это начало морского пути для тех, кто выбрал в жизни профессию моряка. А эта профессия – не только романтика, а большой, тяжелый и честный труд. Как говорится, "без труда не вытащишь и рыбку из Каспия". Еще раз говорю, чтобы учились хорошо, больше читали и нажимали на иностранные языки...

Курсант Соколов".

"Здравствуйте, Андрей Федорович!

...Во флот призвали 2 ноября, попал в гидрографическую службу КСФ. Служить здесь нравится и интересно. Время летит очень быстро. Не заметил, как пролетели три месяца, даже и не верится. Да и вообще, давно ли Вы давали мне характеристику для поступления в училище? Кажется, совсем недавно. Но с тех пор прошло уже больше четырех лет. За это время я получил диплом судоводителя-механика, возмужал, окреп и теперь прохожу действительную службу...

Андрей Федорович, за то, что мне служитя легко, в первую очередь я благодарен вам. Именно в Вашей школе я получил первые навыки судовождения и полюбил специальность, без которой я теперь не представляю свою жизнь. Вам, наверное, интересно узнать, почему я рвался плавать по Волге? Это моя мечта с детства. Не знаю почему, но меня больше никуда не тянет. Плавал я на Северной Двине, на Вычегде, на Сухоне – везде все не то. После службы я вернусь туда же, а когда мой диплом вырастет, тогда будет возможность, как Вы предлагаете, прийти работать на тральщик. Кстати, это моя конечная мечта по профессии.

Пишите о жизни клуба. Я его никогда не забывал. Летом много раз подъезжал на лодке к дебаркадеру, но Вас не заставал. Всем юмцам огромный привет.

В.Хомутов".

"...Свой клубный конспект я привез с собой. Здесь ребята, мои

Олег Геннадьевич Горюнов.

однокурсники, не имеют понятия, что такое шлюпка, бимсы, шпангоуты, леера, и приходится им объяснять. Очень благодарен я лично Вам, Андрей Федорович. Ведь это Вы сделали из разгильдяя Шевчука человека.

Как у нас в клубе? Отделили ли КЮМ от станции юных техников? Много ли курсантов поступило в этом году в клуб? Как там наш верный "622"?

Всегда остаюсь курсантом КЮМа и честь его не опозорю.

Шевчук Юрий. Жду ответа".

"...Андрей Федорович, насчет моего характера. Он у меня изменился. Попробовал применить Ваши советы, и помогло, но самому трудно переделываться, хотя сдвиги уже чувствуются. Я седьмого приезжал в отпуск, но только на одну ночь, и поэтому не смог с Вами увидеться...

Дима".

"...Недавно совсем видела Вас по телевизору с Вашими воспитанниками. Мне даже опять захотелось в клуб, ходить по-прежнему на занятия, а потом на летнюю практику. Но увы, это уже невозможно. А Вы, наверное, этого совсем не хотите, да? Без девочки куда легче. Так? Или, может,

наоборот? Куда этим летом ходил наш "622"? Что было интересного? Если будет время, то, пожалуйста, напишите. Очень жду весточки от Вас.

Наташа".

"...Сейчас в училище идет подготовка к праздничному параду, строевые занятия по 4-5 часов в день, а мне это не в новинку, я получил навыки строевые в клубе, и сильно не устаю. Пусть мне не очень нужна штурманская подготовка, зато теорию устройства судна, которую мы проходили по военно-морской подготовке, я почти всю знаю, корабельную классификацию и судовые устройства я усвоил в клубе. Летом у нас будет шлюпочная практика, а у меня есть права старшины шлюпки. Все это намного облегчает учебу. Поэтому еще раз большое спасибо клубу...

Ваш курсант Паргин,
г.Ленинград".

"Здравствуйте, Андрей Федорович!

Недавно узнал от Ершлова, что Вы хотите собрать всех выпускников клуба. Мы с ребятами говорили на эту тему, и все очень бы хотели побывать на встрече, а то многие ребята разъехались, и мы их потеряли, а повидаться бы хотелось. Притом такая дата – 15 лет клубу! Посмотрим Ваших молодых питомцев, расскажем им о нашей профессии. Вы посмотрите на мою жену, оцените. Только интересно, откуда Вы узнали, что я женился? Вроде я никому не говорил об этом. Думал, приеду в Кострому вместе с ней и покажусь в клубе...

Валодя".

Море, флотские традиции и законы были для Жланова чем-то святым. И клуб, в котором через своих учеников осуществлял он собственные неосуществившиеся мечты.

Тот же Горюнов на всю жизнь запомнил, например, самую первую встречу с клубом: "Мы были пацаны с улицы, первый раз сюда пришли. А двое опоздали. Входят по школьной привычке: дверь

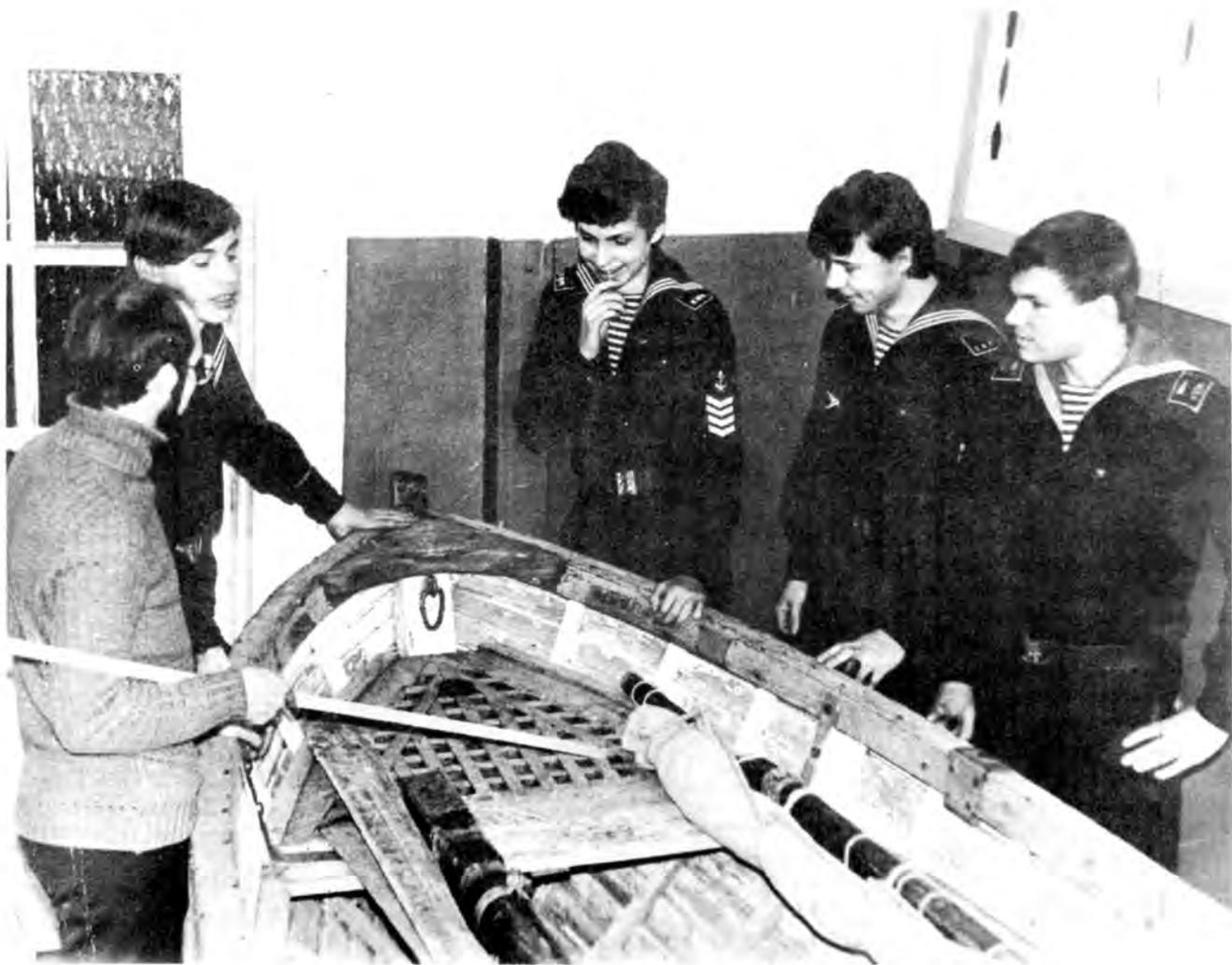
ногой, уже намеревались сесть. Андрей Федорович заметил это и не криком, нет, просто очень волевым голосом поставил на место: "Вы входите не в какой-то детский кружок и, переступив этот порог, должны забыть детские вольности и жить уже по воинским законам".

Или еще один типичный эпизод. 1978 год. В лагере "Комсорт" праздник прощания с детством, красиво названный "Алые паруса". А парусов в лагере нет никаких. Вот семерых курсантов-девятиклассников и отправили на шлюпке в лагерь. Праздник прошел нормально, а вот когда шлюпари возвращались в Кострому, настигла непогода: сильный

шквал и практически никакой видимости. В эту ночь с якорей сорвало нефтебазу и оторвало от дебаркадера тот самый "622-й" – тральщик, о котором спрашивают во многих письмах выпускники. Увидев, что так разыгралась погода, Андрей Федорович прибежал за Волгу и ждал возвращения мальчишек на дебаркадере. Они выдержали трудный переход с честью и попросили: "Можно на следующий день мы не придем на занятия, отдохнем?" А в ответ услышали: "Хоть вам сегодня крепко и досталось, но завтра вы должны быть как штык и обязательно в образцовой форме одежды". Словно угадал, что именно такое испытание

мальчишкам еще нужно, чтобы они больше сами себя зауважали.

Не секрет ведь, что в такие клубы чаще приходят не отборные мальчишки, а напротив, ребята, которые не смогли себя раскрыть, самоутвердиться в школе или в каком-то ином месте. А любовь к морской профессии – приходит к ним потом. И я снова вспоминаю рассказ Олега Горюнова. "Он очень многих поднял на ноги и многим вправил мозги. Опыт работы с ребятами у него был огромный, а реакция быстрая и точная. Помню, в нашей группе был парнишка, который буквально изводил всех своим нытьем: погода солнечная – очень жарко, дождик пошел – опять не

На занятии в клубе юных моряков. 1970-е годы.

по нему, ну все-все не нравится. Год занимается, два – и все ноет. И наказывали, и другие меры принимали – не помогает. А потом попали к Андрею Федоровичу, он взял и сделал того парня старшиной шлюпки – и как рукой все нытье сняло. Несколько лет назад его встретил: он на Дальнем Востоке, штурман гидрографического судна...”

Нынешний руководитель кружка морского конструирования в областном центре детского технического творчества Владимир Николаевич Шадрин (он занимался у Жданова еще в досафовском клубе, а в КЮМе потом работал вместе с ним) рассказывает: “С каким восторгом смотрели на него мальчишки, когда Федорыч перед строем взойдет на мостик – как на адмирала! А “учебник” у нас был чистенький, как игрушечка! Они на Жданова просто молились. В полном смысле слова. И не дай Бог, чтобы кто-то на палубе появился не по форме одетым! Будет разнос и наряд, и они эти наряды отработывали по ночам. Все, как положено на флоте...”

“И никогда эта строгость не воспринималась придирками: ведь каждый шаг к морской службе сопровождался еще и убежденностью: вы должны быть на флоте, это нужно для его укрепления, нужно для Родины. Он был человек зажатый”, Это необходимое дополнение Сергея Витальевича Егорова (воспитанник клуба, а потом, после флотской службы, его инструктор, кстати, вместе с Андреем Федоровичем и оставивший КЮМ, а ныне исполняющий обязанности начальника криминальной милиции линейного ОВД на транспорте).

А “зажатал” Андрей Федорович не просто своим примером, но и образом жизни: это и морская форма, с которой он расставался только дома, и выправка, и его комната в старинном особняке с колоннами, походившая больше на каюту или морской музей. А огромный архив с материалами по флоту, которые собирались всю жизнь. Кстати, в пос-

ледние годы он перебрал свои папки и на каждой подписал, кому это передать, чтобы и после его смерти этот архив служил его ученикам.

В эту комнату-каюту окончательно переместились его встречи со своими питомцами разных поколений, когда Андрей Федорович, как бы помягче выразиться, был отстранен от своего любимого детища. Нет, он еще был крепок здоровьем. Ушел на предприятие начальником цеха, но долго там не выдержал, перешел шкипером в рыбинспекцию. И однажды утром сменщик обнаружил его тело в воде возле дебаркадера. О том, что этот “вечный моряк” после контузии на фронте не мог плавать, знали многие. Он и сам курсантам рассказывал, как еще в клубе ДОСААФ перевернулась шлюпка, и его спас парнишка-допризывник...

Похоронили Жданова со всеми морскими почестями. Сергей Егоров вспоминает: “Андрей Федорович говаривал: “Когда я помру, исполните мою единственную просьбу: накройте меня Военно-Морским флагом”. Флаг и у меня дома был, да и у многих других бывших моряков, но маленький. Вместе с Володей Гольшевым пошли к начальнику Дома офицеров. Подполковник Шаховал все понял, снял большой флаг в актовом зале и отдал нам...”

В газетном интервью 1975 года Андрей Федорович обмолвился: “Примерно 1000 воспитанников нашего клуба связали свою судьбу с морем”. А люди, хорошо знавшие Жданова, считают: его статистике можно верить, он скрупулезно всегда следил за судьбой своих питомцев. А сколько всего было у него таких учеников за всю жизнь – этого теперь уже никто не сможет подсчитать. Да и разве в статистике дело? Человек красиво прожил свою жизнь. Пронес через все отпущенные ему годы верность своей юношеской мечте. Передал ее ученикам, и до сих пор продолжается его бессменная вахта в морях-океанах да на реках России...

ВСЕ ОПЯТЬ ПОВТОРИТСЯ С НАЧАЛА

Конечно, замену Жданову найти оказалось непросто. Со всем за короткое время сменилось больше десятка директоров. Потом взвалила на свои хрупкие плечи тяжелое это хозяйство Наталья Анатольевна Меньшикова, нынешний директор клуба. Вроде бы не женское это дело, а вот поди же, находятся и силы, и убедительные слова, когда требуется отстоять интересы клуба. И вот в 1990 году въехал КЮМ в двухэтажное здание. Кстати, почти во дворе старого ждановского дома. Не все еще приведено в божеский вид, не все классы оборудованы: делать-то приходится постепенно, как только удастся выкроить денег. Но здесь уже не один-два класса, как бывало в прежние времена. Разместили и классы по основным морским дисциплинам, оборудовали свой спортзал, кают-компанию. Мечтают теперь о своем бассейне.

Немало КЮМов, даже в морских городах, в последние годы позакрывалось: дело ведь это самое дорогостоящее среди всех внешкольных учреждений. А у нас – спасибо управлению народного образования и костромским властям – даже новый катер появился у клуба – “Прибой”. Но, к сожалению, на учебном тральщике нынче уже второе лето не будет у ребят практики: требуется капитальный ремонт, а сумму необходимую для замены подводной части судна, город пока не может найти.

А вообще-то в конце прошлого года в Кострому съезжались на свое совещание руководители клубов юных моряков примерно из 30 городов России, чтобы обсудить свои проблемы насущные. Так вот костромичам, условиям, в которых живет наш клуб, сам слышал, многие завидовали. Договаривались участники совещания и о совместных мероприятиях в честь 300-летия Российского флота. Они приняли приглашение провести слет клубов юных моряков нынче в Костроме. Так что

Михаил Хохров и Сергей Румянцев твердо решили поступать в Высшее Военно-морское училище им. Фрунзе.

ожидает костюмичей в июне красивый праздник на Волге.

Но праздники бывают не так часто. Больше повседневной учебы, без которой настоящим моряком не станешь. К привычным пяти годам обучения в клубе – пяти курсам (юнги, юные рулевые, штурманы, старшины шлюпок, рулевые-мотористы) второй год как прибавился шестой курс. Об этом, кстати, попросили ребята. Вроде бы сдали экзамены, получили удостоверение рулевого-моториста, а с клубом расставаться не хотелось. Давайте, говорят, что-нибудь придумаем. Решили: раз этим парням через год идти на военную службу, должны они заняться допризывной подготовкой. Кроме основной программы, появились в клубе кружки и дополнительные, направленные на развитие ребят: судомодельный, фотокружок, игра на гитаре, рукопашный бой, у-шу, а нынче еще и подводное плавание. Все это для того, чтобы помимо клуба не приходилось мальчишкам еще куда-то бегать, чтобы их кипучие натуры нашли свое любимое дело здесь, в клубе.

Хотя столкнулись в последние годы педагоги клуба с тем, что ребята пошли менее подготовленные, непривычные к физической работе, к трудностям. Особенно

трудно приходится порой с родителями. Приходит мама и просит: "Вы уж моего в шлюпочный поход не берите, вы возьмите только на корабль". – "Почему? Он же все-таки парень, ему в армии служить". – "Тогда возьмите, только за весла не сажайте". И чем младше мальчишки, тем легче привычка к труду прививается. И Наталья Анатольевна рассказывает об эксперименте, проведенном в прошлое лето:

– Тральщик в аварийном состоянии, и все походы у нас были шлюпочные: четыре десятидневных и один двадцатидневный. И взяли мы с собой десятилеток. Высадили их на "веселой поляне" на Кубани, и они, как робинзоны, жили здесь своим лагерем. Старшие курсанты лишь помогли им устроиться и ушли дальше до Плеса. А перед мальчишками на каждый день ставилась конкретная цель: сегодня научиться палатку ставить, завтра – ходить на шлюпке, послезавтра – картошку чистить, дрова пилить и колоть... И они оказались молодцами. В этом году опять группу десятилеток набрали.

А со старшими курсантами, всерьез мечтающими о морской службе, летом удалось побывать в Санкт-Петербурге. Здесь знакомились они с Высшим Военно-

Морским училищем им. Фрунзе, пожили в летнем лагере училища, проходили здесь курс молодого бойца, поступили в подготовительный класс "Гардемарин", который второй год существует в училище. В прошлом году пятеро кюмовцев поступили в это старейшее в России военно-морское учебное заведение, славящееся своими традициями. Сегодня еще шестеро готовятся к поступлению туда.

– Мне было так радостно, когда выдали наконец морскую форму, что не хотелось с ней расставаться, – вспоминает один из них, главстаршина Сережа Румянцев. – Родители даже ругали: почему дома не снимаешь. Может, в крови что-то есть от далеких предков: у меня прабабушка гречанка, а греки ведь были хорошими мореплавателями... Началось, может, и с формы, а теперь-то уж я знаю, что золотые нашивки даром не даются.

Так что все повторяется: в чем-то меняются поколения, обстоятельства, а мальчишек манит к себе романтика моря. А КЮМ помогает кому-то приблизиться к своей мечте, кому-то просто вырасти хорошим человеком...

Материал подготовил
Владимир СМОРЧКОВ

Специал цвѣданиѣ

В Костромском клубе юных моряков могут заниматься школьники 10-16 лет.

Запись в клуб ведется в течение всего года.

Обращаться по адресу:
ул. Сусанина, 31-а.

Телефон 55-16-21.

ИСТОРИЯ ЦАРСКИХ МАЛОВЯЖЕВЫХ ГРАМОТ

В XV веке преподобным Макарием была основана обитель, называемая позже монастырем во имя преподобного Макария Унженского и Желтоводского чудотворца.

В 1619 г. монастырь посетил юный Михаил Федорович Романов, отправившийся на богомолье вместе со своей матерью, инокиней Марфой Ивановной. В 1837 г. молился здесь будущий император Александр Николаевич.

После пожара 1669 г., истребившего все деревянные строения монастыря, начинают возводиться каменные храмы: Троицкий собор, церковь во имя преподобного Макария, церковь Благовещения пресвятой Богородицы, однопрестольная Никольская церковь. Позже появляются новые здания.

До 1854 г. Макарьево-Унженский монастырь, состоявший в числе третьеклассных монастырей Костромской епархии, был возведен в степень первоклассной обители.

При монастыре существовали архив и библиотека, где, несмотря на пожар, сохранились рукописи и документы XVI и начала XVII веков. Среди них грамоты, дающие монастырю какие-либо привилегии, закреп-

ляющие за ним земли и крестьян, освобождавшие от налогов. На многих грамотах стоят имена Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, Петра Алексеевича Романовых. Именно имена, а не подписи, т.к. документы эти составлялись в приказах и писались, разумеется, не царской рукой. Писали такие бумаги начерно дьяки, затем набело переписывали молодые подьячие, о чем на обороте документа делалась надпись: "Правил Шумилко Некрасов".

Документ состоял из склеенных между собой полос бумаги. Готовую грамоту просматривал дьяк, который на обороте подписывался: "Диак Иван Бреверов", ставя по слову на каждом составе (склейке) столбца, чтобы невозможно было изъять какую-то часть. Затем написанное скрепляли печатью и отправляли к адресату нарочным.

В 1836 г. часть грамот была опубликована в московской синодальной типографии. Сейчас архив Макарьево-Унженского монастыря хранится в ГАКО, откуда и извлечены предлагаемые вниманию читателей документы.

Публикацию подготовила Лариса КОВАЛЕВА

1644 г. февраля 10. – Жалованная обельная грамота игумену Макарьево-Унженского монастыря Иосифу с братьею об освобождении от пошлин при покупке съестных припасов в год на сумму 150 рублей.

От Царя и Великого князя Михаила Федоровича всея Руси в Галич и Галицкие пригороды и в Юрьевец По-

вольской и на Балахну и в Нижней Новгород воеводам нашим и дьяком и всяким приказным людям и таможенным головам и целовальником и откупщиком и всяким пошлинником. Били нам челом с Унжи Желтовоцкого монастыря игумен Иосиф с братьею. По нашей де жалованной грамоте велено им купити на монас-

тырской обиход в Галиче и в галицких пригородах хлеба ржи и овса, и солода, и сукон сермяжных, и овчин; и в Нижнем, и на Балахне, и в Юрьевце Повольском соли и рыбы, и икры, и вязиги, и масла на сто на пятьдесят рублей в год. И с того покупного всякого монастырского запаса в тех городех [...] пош-

линником с них и с служек и со крестьян мыту и явки и тамги и никаких пошлин имать не велено. И в прошлом де, во 151 м году, Старец Илинарх купил на Балахне про их монастырской обиход соли шестнадцать мехов и балахонской де таможенной и кабацкой верной голова Дружина Бородин с товарищи у старца Илинарха с тое соли, что куплено про монастырской обиход взял пошлины, а нашей жаловальной грамоты не послушали. И нам бы их пожаловати наши жаловальные грамоты нарушити не велеть и велети б о том наш Указ учинить.

А в нашей жалованной грамоте 135 го (1627) году за приписью дьяка Семена Бредихина написано: пожаловали мы и отец наш, блаженные памяти Великий государь святейший патриарх Филарет Никитич Московский и всея Руси, Галицкого уезду Унежские осады Живоначальные Троицы и преподобного Макария чудотворца Желтоводского монастыря игумена Макария з братьею или хто по нем в том монастыре иные игумен и братья будут. Велели им купити на монастырской обиход в Галиче и в галицких пригородах ржи и овса и солоду и сукон сермяжных и овчин на пятьдесят рублей, да в Юрьевце и на Балахне, и в Нижнем велели им купити соли и рыбы, и икры, и вязиги, и масла конопляного и коровья на сто рублей и всего им купити на сто на пятьдесят рублей одинаво в году, а не вдвое. И с того их покупного всякого монастырского обиходного запаса в тех городех наместником и волостелем, и пошлинником, и таможенником, и мытником, и перевозчиком, и мостовщиком, и первозщиком, и мостовщиком, и всяким с них и с их людей, и со крестьян мыта и тамги, и явки, и перевозу, и мостовщины, и иных некоторых пошлин не имати. А что они в котором городе купят и чево против нашего указа не докупят и в тех городех воеводам и диаком нашим, и всяким приказным людям монастырским старцом и служкам, и крестьяном, которые те всякие монастырские годовые запасы учнут покупать, давати им отписи. А таможенным головам и целовальникам имати отписи ж, чтоб им те всякие монастырские годовые запасы купити по нашему Указу и по нашей жаловальной грамоте одинаво годом, а не вдвое. А что они сверх нашего Указа учнут покупать и с того их покупного со всякого товару наши всякие пошлины имати потому ж, как и с торговых со всяких людей емлют. [...]

Писан на Москве лета 7152-го февраля в 10 день.

На оборотах лл. 1-4 по склейкам скрепа: Диак Иван Бреверов.

На л. 1 об.: Царь и Великий князь Михаил Федорович всея Руси.

Грамота что купать в разных городех без пошлинно 152.

На л. 4 об.: Справа: Правил Юшко Собакин.

ГАКО. Ф. 1486. Оп. 2. Д. 33. Подлинник (Грамота опубликована в "Описании Макарьево-Унженского монастыря" - М., 1836 - с. 128-133).

1647 г. января 20. - Подорожная проезжая грамота игумену Макарьево-Унженского монастыря Иосифу с братьею о беспошлинном проезде в Москву со святыми водами и обратно.

Фрагмент царской грамоты.

От Царя и Великого князя Алексея Михайловича всея Русии[...] Били челом живоначальные Троицы и Макарья чудотворца Желтоводского монастыря с Унжи игумен Иосиф з братьею. В прошлом де, во 154 м (1646) году июля в 25 день, по нашему Указу ездили они к нам к Москве со святыми водами и с него же игумена, и с старцов, и с служек, и з гребцов по городам и в уездех емлют головщину и мыты, и на мостах мостовщину, и по перевозом перевозки, и их бранят и служек их бьют.

А по Указу и по жалованной грамоте отца нашего блаженные памяти Великого Государя Царя и Великого князя Михаила Федоровича Всея Руси никаких проезжих пошлин [...] имать с них не велено.

[...]Дать нашу грамоту против прежнего Указу [...]К нам, к Москве со святынею и назад с Москвы поедут [...] игумена и старцов, и служек, и служебников, и проводников [...] пропускать везде не держав ни часу. А с них [...] проезжих пошлин и мыта, и головщины верным головам и целовальником, и откупщиком, и на мостах мостовщины и на перевозех перевозу никому имать не велели. [...]

Писан на Москве 7155 го году генваря в 20 день.

На л. 1 об.: Царь и Великий князь Алексей Михайлович Всея Русии.

На л. 2 об.: Справа: Правил Шумилко Некрасов.

Сохранились остатки печати. (В описании, сделанном в 1877 г. говорится о черной восковой печати приказа Большого дворца с изображением коня. Грамота сохранилась не полностью, т.к. нарушена скрепа: Диак Давыд Дерябин).

ГАКО. Ф. 1486. Оп. 2. Д. 34. Подлинник (Грамота опубликована в "Описании Макарьево-Унженского монастыря" - М., 1836 - с. 133-135).

1659 г. февраля 28. - Грамота игумену Макарьево-Унженского монастыря Пафнутию с братьею о приписке к монастырю новой Воздвиженской пустыни на реке Какше.

От Царя и Великого князя Алексея Михайловича всея Великия и Малыя и Белые Росии самодержца в Унженской Макариев монастырь игумену Пафнутию з братьею. Били челом нам, Великому государю, Галицкого уезду Ветлужские волости новые Воздвиженские пустыни, что на реке на Какше, строитель старец Тихон з братьею.

А в челобитыи их написано. В прошлом де, во 163 м (1655) году, по нашему Великому государю указу и по патриаршим грамотам построили они в той пустыни церковь Воздвижения честного креста Господня да Лексея человека Божия, и земля им к той пустыне дана и отмежевана. А ныне де чинитца им от сторонных людей обида болшая. И нам бы их пожаловать велети, тое пустыню приписать к монастырю Макария Унженского чудотворца. И тое пустыни строителя старца Тихона з братьею ведате б игумену з братьею, чтоб той пустыне от сторонных людей в разоренье не быть, и им от того пустынного места не ходить.

И как к вам ся наша Великого государя грамота придет, и вы б Галицкого уезду новую Воздвиженскую пустыню, что на реке на Какше приписали к монастырю Макария Унженского чудотворца, и того монастыря крестьян ведали и всякими угодыями владели по нашему, Великому государю, указу и по грамоте, какова им дана на перет сего, и по отводным межевым книгам губного старосты Своитина Шишкина 165-го году. И тое пустыню от сторон от всяких обид оберегали, чтоб им наложи и насильства и утеснения ни от кого не было. Писан на Москве лета 7167 го февраля в 28 день.

ГАКО. Ф. 1486. Оп. 2. Д. 111. Список (Грамота опубликована в "Описании Макарьево-Унженского монастыря" - М., 1836 - с. 135-137).

"Вехи" в свое время вызвали лавину публикаций о 300-летнем юбилее Дома Романовых. Кажется, что найти что-либо новое просто невозможно. И все же удалось обнаружить еще одно свидетельство, правда, не совсем юбилейного свойства. Причина критического взгляда на события - время написания воспоминаний — 1948 год. Была предпринята попытка возродить краеведческое движение "сверху", воссоздать Костромское научное общество. Из этого ничего не вышло, но именно этому обществу были посланы материалы под названием "История Буйского района и города Буя" (Костромской музей-заповедник, 24950). Автором их был буйвлянин Павел Михайлович Друлис, сын волостного писа-

ря Воскресенского волостного правления, впоследствии работавший лесным кондуктором. Некоторые фрагменты были написаны им совместно с Л.Любимовым, но они составляют лишь незначительную часть.

В большинстве своем это — историко-краеведческие изыскания по истории Буйской округи, но они наполнены живыми подробностями, очевидцем которых был автор. Мы предлагаем вниманию читателей воспоминания о костромской земской выставке 1913 года. Текст печатается в сокращении, пунктуация и правописание приведены в соответствии с современными требованиями.

Ларуса СИЗИНЦЕВА

ЗЛОПОЛУЧНЫЙ ОБРУБОК С РОДОСЛОВНОЙ РОМАНОВЫХ

Воспоминания о 1913 году в Костроме

Мне предложили принять участие в изготовлении экспонатов на губернскую выставку. При поездке на Корежскую дачу наткнулись на порубки сосен из толстой сортовой мачтовой сосны. Обнаружили, что это проделки лесника. Он воровски заготавливал колоды для гробов Молвитинских старобрядцев. Я сосчитал на одном срезе 320 годовых слоев, а Коринфский с лесниками начали срезать кружок за кружком. Когда допилились до 300 лет, Коринфский промолвил: "Будет", — и велел загрузить отрезок в сани.

Дома он мне разъяснил, что из него нужно будет сделать календарь-родословную Романовых. Отшлифовали поверхность кружка, начертили колонку и окрасили по числу слоев года царствования Дома Романовых, и все в разную краску. Против имени Николая Второго я написал: "1894-1913". Сделал корону из еловых и сосновых шишек и подбил красным сатином.

Мои лесные экспонаты охватывали всю лесную жизнь от всхода

дерева до отправки досок и брусков за границу, коллекции и фото смолокурных, порошковых, эфирно-масляных заводов, модели сплавных единиц и т.д., даже коллекции всех предметов из дерева, изготавливаемых в Буйском уезде.

После года работы по распоряжению управляющего Государственных Имуществ я привез их в Кострому, где и сдал их в Управление Государственных Имуществ. Все были очень довольны. Я был наверху блаженства, как говорится, плавал от удовольст-

Костромская выставка. 1913 г. Гигантская сосна из Солигаличского уезда.

вия. Утром ко мне приходит курьер. Пригласил меня идти к управляющему. Сказал, что там что-то неблагополучно.

Придя в управление, я поднялся в кабинет управляющего. Там застал такую сцену: Н.Ф. ходит по кабинету, заложив руки за спину, а в кресле сидит вице-губернатор Хозиков. При моем входе спросил что-то у Н.Ф. и, получив ответ, обрушился на меня: "Ты что такое делаешь? Да разве царская фамилия кончается в 1913 году? Выскоблить немедленно..."

Не понимая, в чем дело, я молчал, вытянувшись в струнку и держа руки по швам. "Да разве наши цари носят деревянные короны?... Убрать... А я тебя за эти проделки в Нарымский край уберу... Пшшел!"

Управляющий объяснил мне, что не нужно было на обрубке проставлять 1913 год, а о короне добавил: "Идите и сделайте". Когда я как ошпаренный выскочил из кабинета, в лесном отделе меня встретили смехом и подвели к столу, на котором лежал злополучный 300-летний обрубок. Землемеры успели выскоблить цифру 1913 и закрасили это место краской, а корону забросили на шкаф, где она и валялась более года. Обрубок же обернули по борту Георгиевской лентой.

Я в то время работал лесным кондуктором в Буйском лесничестве и в Кострому получил командировку. В Управлении Государственных Имуществ я думал пробыть недолго, но управляющий распорядился прикомандировать меня к лесному павильону для устройства его и расстановки экспонатов.

Лесничие Костромско-Ярославского лесного управления с двух губерний вывезли такую массу экспонатов, что в них было трудно разобраться. Часть их вскрыли.

Макет охотника, присланный в большом ящике, наводил жуль, особенно вид его лица, рук. Разбирали мы их вечером. Желая подшутить над сослуживцами, поставили его в общем отделе в проходе у стены, да и оставили

его до утра. Поздним вечером кто-то из семьи управляющего на него наткнулся, испугался до истерики, до обморока. Утром мы получили хорошую головомойку...

Управляющий Государственных Имуществ распорядился, чтобы я вместе с И.Н.Соловьевым — юрвевецким лесничим, занялись устройством нашего отдела в лесном павильоне. Удельное ведомство быстро справилось со своими экспонатами: эффектно установлен рельефный план реки со всеми мельницами, пристанями, сплавами. Экспонат занял почти все отделение. Выставили свои трофеи охотники: чучела зверей и птиц. Гидротехники дали макет Сусанинского болота.

Одним словом, у всех хорошо, только у нас ничего не сделано. Приехал из лесного департамента немец Фаас с крестиком на шее и с лентой на груди. Этот дает советы — как, что устанавливать. После него управляющий приедет, тоже распоряжения дает. Приедет старший ревизор — советует по-другому, обещает поговорить с управляющим. Ревизор Белов — тот свое... Так никто ничего и не делает.

Павильон губернского земства выставил в палисаднике среди клумб и гряд тумбочки, а на тумбочках тарелочки с огурчиками,

малиной, клубникой и прочими деликатесами. Ткнули мы друг друга под бок, тихонько нагрузили карманы с тумбочек, да и на бульвар в ресторан. Закусывая холодную водку земскими деликатесами, пришли к заключению.

Пришли утром часов в 7 на выставку, взяли рабочих, да все экспонаты и вытащили на улицу. Часов в 9 приезжает Фаас. Спрашивает меня: "Что это значит?" — и показывает на груды экспонатов около дверей павильона. Вытянув руки по швам, отвечаю: "Его превосходительство приказали, а почему — не могу знать"...

Рассерженный Фаас уехал, а через две-три минуты приехал Н.Ф. и к Соловьеву с вопросом: "Что это значит? Почему меня не спросили?" Соловьев отвечает: "Не могу знать, господина Фаас приказали"... Уехал наш управляющий. На вопросы ревизоров ответили невозможностью. Ничего, обошлось по-хорошему.

Посредине отделения был установлен стол с торцовыми отрезами всех пород деревьев Костромской и Ярославской губерний. Особенно интересен был отрубок можжевельника, вершков пять толщиной в отрубе. Не на последнем месте оказались и мои экспонаты, модели изделий из дерева: соха, борона, косуля, мялка, прялка, веретено и т.д., модели

Костромская выставка. Лесной отдел.

сплавных единиц: плоты — однорядки, двухрядки, кошмы, сотки с избушкой, лодки душегубки, модели смолокурного завода, схема и фото лесопилки.

Злополучный обрубок поместили в лесхозотдел, вместе с торцовыми отрубками И.Н.Соловьева. И.Н., между прочим, забыл скрепить их стержнем или проволокой, и этим он мне много испортил крови, как увидите впоследствии.

Накануне открытия выставки я пришел в свой павильон, но туда меня не пустили. На вопрос "почему" ревизор показал мне следующее: полы в павильоне вскрыты, какие-то лица лазают под полами, под столами и в шкафах. В дверях павильона стоят два господина в длинных сюртуках, в цилиндрах, перчатках, с тросточками, в петличке что-то болтается. Это была всех родов полиция.

Утром, в день открытия выставки, я пришел часов в семь, одетый по форме: бельенная тулупка и фуражка, перчатки и носовой платок в кармане. Нас установили по местам. Мне пришлось стоять у косяка, разделяющего два отдела, лесной и лесохозяйственный. В лесном отделе лежал злополучный обрубок с родословной Романовых. Дежурным был А.А.Ширский, ученый лесовод, хладнокровный и невозмутимый.

Пока царь осматривал какие-то безделушки, мы были уже на своих местах, я около соловьевских отрубков у косяка. Проходит Николай. Среднего роста, рыжеватый, слегка седина, фигура плотная, аккуратная. Несмотря на грузность, видна выправка человека, когда-то занимавшего гимнастикой.

Подшел к своему дереву. Двумя пальцами шелкнул по цифре 1894, что-то сказал и пошел далее. Остановился в 1/2 аршина от меня, возле можжевельного отрубка, и раздельно прочитал: "Мож-же-вель-ник". И пошел далее.

Вслед за ним прошли его две дочери. Посмотрели на отрубок непонимающими глазами и пошли. Одна наступила на носок

Воспоминания о 1913 г. в Костроме. Выставка.

моего сапога и окинула меня взором, точно какой пенек, подвернувшийся под ноги. Я отдернул правую ногу и свалил груды соловьевских отрубков. Поправил левую ногу и свалил другую груды. Смех...

Прошли царевны. По следам Николая прошла вся его свита. Смотрела тоже, что смотрел он, а когда они вышли из павильона, у нас получилось что-то неподобное. Кто говорит одно, кто другое... все говорят... Почти все обрушились на меня по поводу рассыпанных соловьевских отрубков.

Почти все работники лесного павильона ушли к павильону губернского земства, отсюда раздавались крики "Ура" и музыка. Я тоже пристроился и смотрел, как работает киносьемщик. Скоро царь ушел с выставки, а вслед за ним повалил и весь народ. Все треволения окончились благополучно. Я остался дежурить на выставке.

Мне поручили обслуживать древесно-химический отдел. Ходят экскурсии учащихся, много молодежи. Заняты не тем... Весна... Сижу я в своем химическом отделе. Тоска. Никого нет. А рядом красавчик-студент показывает девицам Сусанинское болото. Около него всегда молодежь. Стояло тут же корыто с костями мамонта.

Разливается молодчик с девицами... "Вот, по преданию, тут Сусанина убили. Вот под Красной сосной и похоронили". "А вот это его кости", — говорю я, перебивая докладчика, и показываю на корыто с костями мамонта.

Молодежь перекадилась ко мне, сначала со смехом, а потом стали меня слушать. Сорвал свою злость на соседе.

С этой "красной сосной" у меня был уже случай. Незадолго до моего отъезда в Кострому приходит знаменитый тогда волостной старшина Феопемит Смирнов с целым иконостасом медалей на груди. Приносит он коробку, перевязанную голубой ленточкой, и подает моему отцу.

В коробке, в вате, лежит сухой сосновый сучок. "На, — говорит, — подай сыну, это сучок от Красной сосны, под которой Сусанина убили". Отец отвечает: "Да ведь это еще на воде вилами написано, был ли еще и Сусанин-то"... "Ладно, бери. Подает Хозикову, Много тот понимает", Сучок я на выставку не взял.

Выставочная комиссия оценила мою работу по лесному хозяйству (кроме отрубка) и наградила меня большой серебряной медалью с изображением дуба и с надписью "За труды по лесному хозяйству".

«НЕ ЗЕЛО МНОГО НАДЕЖНЫХ КОРАБЛЕЙ ИМЕЕМ...»

Письма царя Петра адмиралтейцу Апраксину

Среди "птенцов гнезда Петрова" встречались люди разных чинов и званий, разной степени родовитости.

Федор Матвеевич Апраксин был сыном стольника Матвея Васильевича Апраксина, дочь которого, Марфу Васильевну, взял в жены овдовевший царь Федор Алексеевич.

Родился Федор Апраксин на год раньше Петра, в 1671 г. В десятилетнем возрасте был пожалован в стольники к Федору, а позже — к Петру Алексеевичу. Дружба и взаимная приязнь, возникшая в детстве, сопутствовали им всю жизнь. Это ясно видно из писем Петра I, адресованных Ф.М.Апраксину. Им редко приходилось встречаться: Петр постоянно бывал в разъездах, участвовал во всевозможных баталиях, так что большую часть года столица не видела своего царя; Апраксин долгое время служил вдали от Москвы и Петербурга. Письма же писались часто, бывало не по одному в месяц.

К сожалению, мы не располагаем письмами Апраксина к Петру I, но и по письмам Петра можно судить о деятельности адмиралтейца, а затем адмирала Ф.М.Апраксина, яснее представить историю русского флота, одним из основателей которого он был.

Письма Петра I — это не обращения государя к одному из своих подчиненных, это послания близкого друга, облеченного властью. Он сообщает о своем горе, сочувствует чужому, подтверждает возможность самостоятельного решения каких-

то проблем, делится радостью победы и поздравляет с этой радостью, присоединяя заслуги адресата к своим собственным. Но так как радости и печали, в основном, были общегосударственных масштабов, то и личное, подчас, принимает деловую окраску.

*Fedor Matveevich Apraksin
Mofkowischer General Admiral*

Гр. Ф.М.Апраксин. (Эрмитаж).

В Костромском архиве хранятся копии писем Петра I, сделанные в середине XVIII в., небольшая часть выдержек из которых составляет данную публикацию. Это извлечения из писем 1700-1707 г., посвященных азовскому периоду жизни Ф.М.Апраксина

В 1696 г. Федор Матвеевич участвовал во взятии Азова и был произведен в полковники. В

следующем году ему был поручен надзор за строительством кораблей в Воронеже. Если учесть, с какой ревностью и страстью царь относился к созданию армии и флота, ставя их впереди других государственных задач, то можно понять меру уважения и доверия, с которой он относился к Апраксину.

Подтверждая ее, 18 февраля 1700 г. Петр I назначил Федора Апраксина главным начальником Адмиралтейского приказа со званием адмиралтейца и азовским губернатором. С 1700 г. по 1706 г. был перестроен Азов, построен Таганрог, основанный как крепость в 1698 г., с гаванью для военных судов и с крепостью Троицкою, воронежская верфь снабжена доками и шлюзами, спущено на воду множество новых судов.

После этого Апраксина направляют в Москву для управления Ямским и Оружейным приказами и Монетным двором, которыми он руководил до смерти адмирала Головина, когда (22 февраля 1707 г.) его производят в адмиралы и адмиралтейские президенты.

Грамотность Петра I не может служить образцом для подражания, его письмо не соответствует грамматическим правилам того времени, звучание некоторых слов, географических названий искажено.

При публикации сохранена орфография автора. Все даты приведены по старому стилю.

Публикацию подготовила
Лариса КОВАЛЕВА

ИЗ ПИСЕМ ПЕТРА I Ф. М. АПРАКСИНУ

1.

29 января [1700 г.]

Федор Матвеевич, беду свою и последнюю печаль глухо объявляю, о которой подробну писать рука моя не может [...]. Пишу понеже по обещанию моему [...] и того для имам никия нужды, которые пишу ниже сего.

Пысылаю Никласа да Яна (1) для строения малого карабля и, чтоб им лес и железо и все к тому было вскоре готово, понеже рана приехати имеем. [...]

Шипер Питер.

2.

16 апреля 1700 г. из Москвы.

Мингер губернатор Архангел (2). [...] на службу под Азов [...] пойдешь сего же месяца 18 числа. [...]

Петр.

3.

1700 г. (3)

[...] 7. Лесов с Хопра и Медведицы (4) согнать в Азов [...] на корабельное исправление.

8. На донском устье в море [...] бывает глубиною в мелкую воду 6 и пол 7 фута галанских. Зделать от моря [...] пристань для малых судов и на них [...] пару изб, или как лутче.

9. Кругом Тагана Рога насеетъ желудей для лесу, также в городе по берегу, к наморским приходим местам, посадить ивы. [...]

11. Кирпичю и камня сверх всех дел готовить сколько возможно и пред начатым делам.

В совершение всему приказано о том верно господину адмиралтеицу Федору Матвеевичу, и до ково ему дело будет, дабы были ему послушны и вспомогательны.

Питер.

4.

27 июня 1700 г. из Москвы.

Мингер адмиралтеиц гер.

Понеже вашей милости письмо майя 17 дня писанное я восприял, в котором писать изволите о переделке виницнских (5) 5 кораблей, то есть 3-х бамбандиров (6) и 2-х фрегатов (7), о чем изволите чинить по своему рассмотрению, а

совет об них мы написали в статьях своих [...].

Еще прошу вашу милость простить нас о замедлении ответу, ибо сам можешь разсудить.

За сим во охранение Божие вашу особу купно и з добрыми помощниками вручил, пребываю Вашей милости всегдашний слуга Питер адмиралтеиц Верфабас.

5.

22 августа 1700 г.

Мингер адмиралтеиц гер.

Плотники, о которых ваша милость ко мне говорил на Воронеже о десяти человеках, приговорены и подлинно будут на последнем караване к городу. Англичан приехало сюды 4 человека — 2 маштмакар и другие два блокмакар, также будут к городу. Корабельной мастер с тремя плотники, о чем зело прошу, дабы от приказных твоих, на Москве будущих, никакой задержки не было и, чтобы были гораздо удовольствованы, и на Воронежъ были немедленно отпущены, также, чтоб ты их ведал един, потому ведаешь, какая противность промеж галанцов и глечан (8). А у нас все офицеры промеж галанцов-галанцы. Да и для того, что великую худую славу учинили неудовольствованные отпущенные агличаня, и для того многие мастера, кои хотели ехать, отказали, насилу адин выбрался.

Мы здесь в 18 день объявили мир с турки, в 19 день объявили войну против шведов. [...] (9)

За сим Питер.

6.

1701 г.

Мингер адмиралтеиц гер.

[...] Не зело много надежных кораблей имеем, того для, как возможно, извольте труды к трудам приложить и о строении новых не запомнить. А буде в чем недостаток и требуете чево, изволь ко мне писать, и мы то исполняти будем [...]

Пожалуй, государь Федор Матвеевич, не сокруши себя в такой своей печали, уповай на Бога. Что же делать, и здесь такие печали живут, что жены мрут и стригутца.

На подписех, пожалуй, пишите просто, так же и в письмах, без Великаго.

Питер.

7.

1701 г.

Господину адмиралтеицу мемуриал.

На Воронеже, сколько возможно, изготовя кораблей, свести на Дон и под Таган Рог, но учинить и азовским, исправя док плоучей, спустить на воду и проводить до Воронежа. [...]

И буде удобно, хотя малое учинить сего лета к началу строенья. Есть ли галанским плотникам

Броненосец «Генерал-адмирал Апраксин».

досуг, велеть сделать два или три галиота (10), которые во флоте зело нужны.

8.

17 сентября 1701 г.
из Новгорода.

Мингер адмиралитеиц гер.

[...] Корабли Строгонова (11) галланские переделать надобно так, как говорили на Воронеже, а ита-лианския за своєю суптелностию Бог знает. [...]

Питер.

9.

1702 г.

Мингер адмиралитеиц гер.

Письмо милости вашей я принял.

О воде жалеешь, ваша милость, и то не знаю, как бы имели пророка, так бы указ и мой дали. А на док только 11 караблей выведено, а лутче хотя б и все [...].

О войсках, где и как пристойно быть, изволь писать к воеводе. А с Москвы указ ни ему послан. Где велишь ему стоять, там и будет.

Петр.

10.

Мингер адмиралитеиц гер.

О охранении Воронеже к вам писано, и ныне подтверждено. [...]

Матросов, сколько возможно, найдем, и боцманов. Троицкие карабли до нас не изволь трогать.

Здесь вестей много [...].

По указу, карабли малой зачали и то с нуждою, а большева чаю и почать нечем — песов нет. Два малья фрегата спущены в Троицын день и пойдут скоро на море. Имяна: один "Святаго Духа" — на нем Памперх, а другой "Курьер" — на нем Варлант. (12)

Питер.

11.

10 мая 1703 г.

Из Шлотбурга. (13)

Мингер адмиралитеиц гер.

Извествую Вашей милости, что сего месяца, в 5-м числе, при-

шла на устье неприятельская шквадра под правлением виц адмирала господина Кумберга, о чем уедае, наш господин Фельтмаршал (14) послал нас в триццати лотках, и в 7 день пришел к устью. Гораздо осмотрели неприятеля и, по короткому бою, взяли два фрегата. [...]

Понеже неприятель "пардон" зело позно закричали [...] их всех покололи, только остались 13 живых. Смею и то писать, что истинно восемь лодок в самом деле было. И сею никогда бываемою викториєю Вашу милость поздравляя пребываю. (15)

Петр.

Флот Петра I.

12.

26 сентября 1703 г.
из С.Петербурга.

Мингер.

Письмо ваше я принял, на которое ответственю: мастеров-охотников зовите, чтоб дела у нас не останавливались. [...]

Питер.

13.

12 августа 1704 г.
из Нарвы.

Мингер.

Письмо Ваше я принял, на которое ответственю.

О прибавке людей работных до вашего возврату делать не возможно. О кузнецах [...] приказал [...].

Питер.

14.

3 мая 1705 г.
из Москвы.

[...] Доки каменные не нужны, потому что не в воде, но на суши. А тем камнем сделать лутче магазины и с протчей службы, которые зело нужны для сего, а буде каменная работа скоряе и споря, то буди так.

А Наевых (16) караблях, чтоб их в будущую весну изготовить, то нижнюю палубу спустить.

Также отвеждать бочками, чтоб поднят[ь] фут, для того, чтоб нынешния карабли, которые деланы на мелкую воду, без подделак спроводить в Азов.

Надлежит весь Дон в полную воду ныне вымерить на мелях, сколько глубока.

15.

11 июля 1705
из Вильно.

[...] Поделками у карабля [...] остави многое. Потрудитесь понеже.

Естли сим летом не попытаем, то целая зима и осень пропадет. У троицких бомбардирских караблей, у которых станут бархоуту (17) переменять, велите шпигели (18) убовить сверху, так как убавлено у ступинских [...]

16.

17 июля 1705 г.
из Вильно.

Мингер адмиралитеиц гер.

[...] Корабль Наев обредить для войны, однако, мочно немного понаряднее, чтоб годился и для гулянья, а о имени пришло впредь. [...]

А мелях донских зело радуюся, а хотя и меньшая вода, однако, чаю, меньше 13-ти фунтов не будет. [...]

Питер.

17.

12 сентября 1705 г.
из Митову.

Мингер.

Извествуем Вам. Получили мы ведомость, что в Астрахане от стрельцов есть бунт, и о том предлагаем: извольте охранять

Азов также и Таган рог и донских казаков, как Вас Бог вразумит. (19)
Питер.

18.

14 мая 1706
из С.Петербурга.

Мингер адмиралитеиц гер, прошу прощения, что на письма не ответствовал, ибо чял вас быть [...]

Плотников отсель мочно послать на Воронеж, однако ж не надолго, ибо [...] жили годы и просятца, и для того надлежит вновь выписать [...].

Питер.

19.

11 сентября 1706 г.
из С.Петербурга.

Господин адмиралитеиц.

Изволь приказать ботик, которой бегает по льду парусами с Воронежа прислать сюды, в Санкт Питербурх немедленно, так же и сам [...] изволь приезжать.

Питер.

20.

15 сентября 1706 г.
из С.Петербурга.

Мингер адмиралитеиц гер.

Письмо Ваше я принял, на которое отвечаю, что в кораблях Навых гиль явилась и то zelo давно от, чевю однако ж, как мы возмogli разжудить больше всего, что не во время леса с соком рублены и к тому уже протчия причины, и того для, наш совет: лутче не спускать их, ниже конопатить, еще же и несколько досок из нутри и з наружья на них, то вящее вреда будет им [...].

Питер.

P.S. Да изволь взять с собою, когда сюды поедешь, о доках подлинную ведомость, которая zelo нужна, что там делается.

21.

18 января 1707 г.
из Жолкеи. (20)

2. Господин адмиралитеиц.

[...] На Воронеж изволь от себя отписать, чтоб от больших кораблей, которые ныне доделывают и впрядь делать станут точно от них негодно лес прибирали на дело новаго маниру брегантир, что ныне делают в Питер-

бурхе и прикажи ис тех остатков ныне зачать сделать таких брегантиров шесть или семь, которыми чертежем немедленно к вам будет приказ.

Питер.

22.

21 апреля 1707 г.
из Жолкеи.

Мингер адмирал,

[...] подтверждаю, что кроме самой нужды ко исправлению старова флота людям тягости не делать, а о пограничных крестьянах, о выходе в леса указ послан [...], тако ж прошу, дабы около кораблей на Воронеже, которыя стоят на земле фортецию (21) лутче укрепить. (22)

23.

28 апреля 1707 г.
из Желцицы.

Мингер адмирал.

[...] О школьниках мне никакой больше отповеди писать нечево, понеже уже давно с вами о том говорено и положено, [...] вы давно о небытии моем к Москве известны, а зачем сия зима пропущена и сего не исполнено, не знаю. К королеве английской писать не почто, понеже едут учиться и на кораблях быть валентирами ради ученья [...]. Всего окрещено пять человек, да и то из niskих. Хотя б и все дерюнтерами выросли, так вы пятью исправить флота невозможно. [...]

Ради исправления флота в Петербурхе к верфю возможно взять те деревни, которыя от Волхова до Свиры по Онежское озеро. Однако ж смотреть, чтоб медных и железных заводов не остановить. [...]

Питер.

24.

29 мая 1707 г.
из Люблина.

Мингер адмирал.

[...] О бригантинах: ежели нужда в них будет для какова дела извольте спускать. Буде же нет, то обождавать, дабы и нам причасниками видения моего быть. О деньгах моего жалованья полагаю на волю и рассмотрение Ваше. По заслуге работы моеи. [...]

Питер.

ГАКО Ф 558 Оп. 2 Д. П 11-40

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Никлас и Ян Ден – корабельные мастера.

2. Т.е. архангельский

3. Точной даты нет.

4. Хопер и Медведица – реки, притоки Дона.

5. Венецианских.

6. Бомбардирский корабль – парусный боевой корабль к. XVII – н. XVIII вв., имел до 20 пушек или 2-4 мортира. Применялся для обстрела приморских крепостей.

7. Фрегат – трехмачтовый военный корабль, имел до 60 пушек.

8. Голландцы и англичане.

9. Северная война (1700-1721).

10. Галион – трехмачтовое парусное судно.

11. Строганов Г.Д. (1656-1715) – крупный землевладелец. Оказывал значительную финансовую помощь Петру I во время Северной войны. Около 1701 г. он на свои деньги снарядил 2 военных фрегата.

12. Памбург и Валранд – капитаны.

13. Шлиссельбург, т.к. в это время Петр I был в Шлиссельбурге.

14. Б.П.Шереметев

15. 1 мая 1703 г. русские войска взяли штурмом крепость Ниеншанц. 5 мая 2 шведских судна, не зная о том, что крепость находится в руках русских, подошли к Ниеншанцу и стали на якорь. Отряд русских гвардейцев, посаженный на 30 лодок, под командованием Петра I и Меншикова, в ночь на 7 мая внезапно атаковал суда шведов и захватил их. В честь победы была выбита медаль с надписью: "Небывалое бывает".

16. Осип Най - корабельный мастер.

17. Бархоут – утолщение наружной обшивки в районе грузовой ватерлинии деревянных судов.

18. Шпигельбург – верхнее украшение из дерева или металла, замыкающее кормовую оконечность судна.

19. В июне 1705 г. в Астрахани началось восстание стрельцов и солдат. Поводом ему явился Указ о запрещении ношения бороды и платья русского покроя. Воевода Ржевский был убит. Восстание не получило большого распространения. После подавления восстания Ф.Н.Апраксину было временно поручено управление Астраханью.

20. Местечко Жолкиев (ныне г.Нестеров Львовской обл.)

21. Фортификационные сооружения

22. В начале 1707 г. Петр I разослал во все города, расположенные в полосе "от границы 200 верст поперек, а в длину от Пскова через Смоленск до Черкасских городов", приказ, чтобы жители этих городов "от прихода неприятельского были во всякой осторожности и опасении". Ф.М.Апраксин получил также письмо о том, чтобы крестьяне при приближении шведов уходили в леса.

23. Парусное двухмачтовое судно, имело 2-3 орудия.

Знаменательно, что в канун 300-летия Российского флота исполнилось 500 лет династии Григоровых — одной из известных и почитаемых в России. Событие это было отмечено на второй международной дворянской конференции в конце прошлого года в Москве. Многие представители этой славной фамилии связали свою судьбу с Российским флотом, а историк и краевед Александр Александрович Григоров стал поистине его летописцем. Предлагаем вниманию читателей не публиковавшиеся прежде работы А.А.Григорова — об адмирале И.К.Григоровиче, о броненосце «Цесаревич», а также сведения о кораблях, названных именами костромичей.

А. А. ГРИГОРОВ

АДМИРАЛ ИВАН КОНСТАНТИНОВИЧ ГРИГОРОВИЧ

Последний морской министр старой России, адмирал Иван Константинович Григорович, выходец из многочисленной дворянской русской фамилии южного происхождения. Эта фамилия давно разделилась на ряд ветвей, и каждая ветвь дала России своих выдающихся в том или ином отношении деятелей.

Назовем некоторых из них:

1. Дмитрий Васильевич Григорович (1823-1899) — один из известнейших в свое время писателей-беллетристов.

2. Виктор Иванович Григорович (1815-1876) — филолог-славист, профессор Одесского и Казанского университетов.

3. Иван Иванович Григорович (1792-1852) — археолог.

4. Константин Васильевич Григорович (1823-1855) — художник.

5. Николай Иванович Григорович (1835-1889) — сын Ивана Ивановича, писатель, архивист.

6. Дмитрий Иванович Григорович (1883-1938) — известный авиаконструктор, создатель "летающей лодки" (1915), первого в мире самолета-истребителя (1916) и более позднего истребителя И-5 (1930).

Кроме того, известны также и другие Григоровичи, деятели му-

А. А. Григоров с женой.

зыкальной культуры. Например, дирижер и композитор Григорович, музыковед Н.Н.Григорович (р. 1907 г.) и другие.

В г. Кинешме был когда-то родничий Иван Иванович Григорович.

Какие родственные связи между всеми этими представителями фамилии Григоровичей были и были

ли они вообще, автору этих строк неизвестно.

Иван Константинович Григорович родился в 1853 году 26 января в Петербурге. Образование получил в Морском кадетском корпусе, который окончил в 1874 году вместе с такими моряками как герой Цусимского боя, командир легендарной "Авроры" капитан I ранга Е.Р.Егорьев, командир броненосца "Бородино" капитан I ранга П.Н.Серебrenников и командир броненосца "Ослябя", а ранее строитель и первый командир легендарного крейсера "Варяг" капитан I ранга Владимир Иосифович Бэр.

Все эти корпусные товарищи И.К.Григоровича вошли в историю нашего флота как герои Цусимского сражения, покрывшего позором царскую Россию, но также и не увядающей никогда славой героев-моряков, свято исполнивших свой долг в неравном бою с врагом.

Прослужив субалтерн-офицером на разных судах и совершив неоднократно длительные заграничные плавания, И.К.Григорович получает с 1883 г. под свою команду небольшой военный кораблик "Колдунчик" и с того года непрерывно командует судами —

"Рыбка", "Петербург", "Разбойник", "Броненосец" и, наконец, минным крейсером "Воевода" (в 1896 году), а в 1896-1898 гг. он занимает должность военно-морского агента в Великобритании. В 1899 г. в Тулоне (Франция) по заказу русского правительства началось строительство эскадренного броненосца "Цесаревич", и с этого года И.К. Григорович является его командиром: во время постройки и по вступлении корабля в строй и в походе "Цесаревича" на Дальний Восток в 1903 году. Как известно, "Цесаревич" в первый день начала войны – в ночь на 27 января 1904 года подвергся миной атаке и получил тяжелое повреждение в подводной части кормы. Однако стараниями рабочих Балтийского завода и механиков во главе с талантливым инженером Вешкурцевым корабль снова вступил в строй.

Незадолго до этого, 8 мая 1904 года, И.К. Григорович получил назначение на должность командира Порт-Артурского порта с одновременным производством в контр-адмиралы. Служившие в порту и на эскадре офицеры вспоминали, что с назначением И.К. Григоровича командиром порта заметно улучшилась работа подведомственных ему учреждений и порта. Порт-Артурская эскадра не испытывала никаких затруднений в снабжении как боеприпасами, так и продуктами питания; новый командир порта смело начал борьбу как со всяким взяточничеством, так и с бюрократизмом, и 1-я Тихоокеанская эскадра всегда оставалась довольна работой порта, а до того между флотом и портом существовала "извечная" вражда, ибо порт и его работники считали, что "эскадра создана для порта", а не наоборот.

По окончании войны с Японией и возвращении из плена И.К. Григорович назначается начальником штаба Черноморского флота. В этой должности он остается недолго, и уже в 1906 году переводится на должность командира порта имени императора Александра III в Либаве. В 1908-1909 гг. он временно исполняет обязанности командира Кронштадтского порта, а

с 1908 по 1911 г. – он товарищ морского министра. С 1911 г. И.К. Григорович стал морским министром и оставался на этой должности до самой февральской революции 1917 года.

Деятельность И.К. Григоровича на посту морского министра совпала с усиленной работой по возрождению русского флота после неудачной японской войны. Роль И.К. Григоровича в этом возрождении весьма велика и благотворна. Россия ему должна быть за это благодарна. В трудных условиях после проигранной войны 1904-1905 гг. и первой русской революции 1905 года, когда большая часть политических партий была настроена враждебно к правительству, и созданная в 1906 году Государственная дума наотрез отказалась утвердить ассигнования на возрождение флота, И.К. Григорович своей умелой дипломатией сумел добиться очень многого. По иронии судьбы это был единственный министр царского правительства, пробывший на своем посту до самой революции 1917 года. Он был одинаково приемлем как для самого царя, так и для Государственной думы, и, благодаря его деятельности, успешно прошла и реорганизация морского ведомства, и начала осуществляться программа возрождения флота. Известный морской писатель и журналист А.Е. Конкевич, писавший под псевдонимом "Беломор", писал в своей статье: "Велика заслуга перед царем и Россией мор-

ского министра И.К. Григоровича, и Родина, и флот поблагодарят его в минуту опасности..." (ГИАЛО, фонд 2108, дп. 1, д. 69).

Любопытно, что когда в 1915 году все министры тщетно пытались отговорить Николая II от решения принять на себя звание Верховного главнокомандующего, было решено не ставить под этим обращением к царю подписи И.К. Григоровича, дабы уберечь его от неминуемой отставки, чему и подверглись после этого обращения все подписавшие его министры. И.К. Григорович избежал царской "опалы" и пребывал на своем посту до революции. После революции в феврале 1917 года, когда временным правительством была создана Верховная морская следственная комиссия, просуществовавшая до февраля 1918 года, этой комиссии было поручено расследовать все злоупотребления высших чинов морского ведомства. У И.К. Григоровича был произведен обыск и изъято много документов, но никаких конкретных результатов по отношению к И.К. Григоровичу так и не нашлось. После установления Советской власти в октябре 1917 года И.К. Григорович работал в созданной ею комиссии – Морской исторической – по изучению опыта первой мировой войны на море. В 1919 году И.К. Григорович написал интереснейшие мемуары о своей службе флоту. Эти мемуары находятся в ЦГАВМФ, фонд 701.

Крейсер «Разбойник».

БРОНЕНОСНЫЙ КОРАБЛЬ «АДМИРАЛ ЧИЧАГОВ»

Назван в честь адмирала Василия Яковлевича Чичагова (1726-1809 гг.), руководителя первой русской Арктической экспедиции 1765-1766 гг., победителя шведов в бою под Ревелем 13 мая 1790 г. и под Выборгом в июне 1790 г.

Корабль спущен на воду 1 октября 1868 г. на заводе Полетики в Санкт-Петербурге (Невский судостроительный завод), водоизмещение 3630 т, ход 9,5 узлов. Исключен из списков 14 августа 1907 г.
(ГАКО. Ф.Р. - 864. Оп. 3. Д. 105).

ЭСКАДРЕННЫЙ МИНОНОСЕЦ «КАПИТАН-ЛЕЙТЕНАНТ БАРАНОВ»

Н.М.Баранов – герой войны 1877-1878 гг.

Будучи командиром вооруженного парохода "Веста", 11 июля 1877 г. вел пятичасовой бой с турецким броненосцем "Фекти-Буленд", а затем, 13 декабря 1877 г., будучи командиром парохода "Россия", захватил и привел в Севастополь турецкий транспорт "Мерсина" с 800 турецкими солдатами и офицерами. В память его в Черноморском флоте был построен и спущен на воду в Николаеве эскадренный миноносец "Капитан-лейтенант Баранов". Дата спуска – октябрь 1907 г. Водоизмещение 802 тонны, скорость 24,4 узла.

Этот корабль в числе других был затоплен 18 июня 1918 г. в Цемесской бухте у Новороссийска, дабы избежать захвата немцами.

(ГАКО. Ф.Р.-864. Оп. 3. Д.105)

КРЕЙСЕР «АДМИРАЛ НЕВЕЛЬСКОЙ»

Назван в честь адмирала Геннадия Ивановича Невельского (1813-1876), исследователя Дальнего Востока.

Крейсер заложен на верфи г.Эльбинга в Германии в сентябре 1913 г., водоизмещение – 4500 т, ход – 27,5 узлов. Достроен немцами и вступил в состав германского флота под именем "Эльбинг". Погиб в Ютландском бою 31 мая 1916 г.

(ГАКО. Ф.Р.-864. Оп.3. Д. 105)

КРЕЙСЕР «АДМИРАЛ БУТАКОВ»

Назван в честь адмирала Григория Ивановича Бутакова (1820-1882), выдающегося флотоводца, создателя первой русской броненосной эскадры, участника обороны Севастополя.

Крейсер построен на Путиловском заводе в Санкт-Петербурге. Спущен на воду 15 августа 1916 г., достраивался после революции 1917 г.

(ГАКО. Ф.Р.-864. Оп. 3. Д. 105.)

Вот как отзывался об И.К. Григоровиче известный советский военно-морской историк К.Ф. Шашило:

"Опытный моряк и дельный администратор, он ясно понимал необходимость в тех условиях ладить как с царем, так и с ближайшим его окружением, и одновременно с думой и всеми входящими в нее политическими кругами. И, как видим, ему это удавалось. Одновременно у Григоровича были связи и с владельцами судостроительных заводов, на которых строились суда для возрождающегося флота, и со стоящими за ними банками и монополиями.

Эти связи повлекли подозрение, что И.К. Григорович использует свое служебное положение для личного обогащения. И даже якобы он имел кличку в известных кругах "Вор Ворович". Однако следственная комиссия не нашла материала, по которому можно было бы упрекнуть Григоровича в корыстных устремлениях, в отличие от его помощника, ведавшего именно делами кораблестроения. Этот деятель старого режима, контр-, а впоследствии и полный адмирал М.В.Бубнов действительно, как это было установлено, за время своей службы на должности товарища морского министра сумел составить себе кругленькое состояние, превысившее полтора миллиона рублей".

При советской власти И.К. Григорович проработал до 1926 года, когда уже будучи 73-х лет, он попросил разрешения на выезд во Францию в Париж. Это разрешение ему было дано, а по приезде во Францию И.К.Григорович вскоре скончался.

Заканчивая эту статью, хочется сказать, что из всех министров последнего царя, служивших после революции 1905 года, в истории остается незапятнанным только имя морского министра И.К.Григоровича и министра иностранных дел С.Д.Сазонова. Однако только И.К. Григоровичу суждено было прослужить без всякой опалы до самого 1917 года.

19 марта 1979 г. г.Кострома.

(ГАКО. Ф.Р.-864. Оп.3. Д.103)

ЭСКАДРЕННЫЙ БРОНЕНОСЕЦ «ЦЕСАРЕВИЧ»

Был заложен в г.Тулоне во Франции на верфях фирмы "Форт и Шантье" в 1899 г., спущен на воду 23 февраля 1901 г. и вступил в строй в 1903 г. с большим опозданием в сроках. Немедленно был направлен на Дальний Восток для укрепления 1-й Тихоокеанской эскадры и прибыл в Порт-Артур 19 ноября 1903 г.

Водоизмещение корабля – 12920 т, скорость хода 18,2 узла, мощность машин – 16300 лошадиных сил.

Вооружение: четыре 305 мм орудия, двенадцать – 152 мм, двадцать – 75 мм, два – 64 мм, двадцать – 47 мм и два – 37 мм. Экипаж его состоял из 778 человек.

Первым командиром "Цесаревича" был капитан 1 ранга И.К.Григорьевич.

7 января 1904 г., стоя на внешнем рейде Порт-Артура со всей эскадрой, "Цесаревич" подвергся внезапной атаке японских миноносцев и получил большую пробоину. На исправление броненосца потребовалось почти 4 месяца. Ремонт производили рабочие Балтийского завода, прибывшие в Порт-Артур во главе с корабельным инженером Н.Н.Кутейниковым.

Исправление броненосца закончилось 24 мая 1904 г., и после ремонта на него перенес свой флаг командующий 1-й Тихоокеанской эскадрой контр-адмирал В.К.Виттефт.

10 июня 1904 г. состоялся первый выход всей эскадры с целью уйти из осажденного Порт-Артура и перебазираться во Владивосток, но японское командование, узнав через свою агентуру о предстоящем выходе, сосредоточило весь свой флот вблизи Порт-Артура, стремясь воспрепятствовать прорыву. Когда обе эскадры сошлись на расстояние выстрела, а это случилось в 14 ч. 40 м., контр-адмирал Виттефт не решился принять этот бой ввиду наступающей темноты и большого количества японских миноносцев, сосредоточенных адмиралом Того для проведения ночных минных атак по русским кораблям.

И эскадра контр-адмирала Виттефта, повернув назад, пришла в Порт-Артур поздней ночью.

Следующая попытка была предпринята лишь 28 июня, после того, как стоявшая на рейде Порт-Артура эскадра стала подвергаться бомбардировкам с суши.

28 июня 1904 г. рано утром вся эскадра снова вышла в море для прорыва во Владивосток. И вновь встретила в море недалеко от Шантунгско-

го маяка главные силы японского флота.

Вскоре после начала сражения на "Цесаревиче" был убит командующий эскадры контр-адмирал В.К. Виттефт, открыто стоявший на мостике, но командир корабля капитан 1 ранга Н.М.Иванов решил не спускать адмиральского флага и повел свой корабль во главе эскадры.

Линейный корабль «Цесаревич» постройки 1901 г. Тулон. Перед выходом с верфи.

го бой продолжался с переменным успехом, но около 17 часов снаряд попал в боевую рубку "Цесаревича", убив и тяжело ранив командира, начальника штаба и офицеров. Никем не управляемый броненосец круто повернул на другой курс, т.к. заклинило рулевое управление, наблюдавшим с соседних судов офицерам показалось, что "Цесаревич" переворачивается вверх килем.

Однако, старший офицер "Цесаревича" капитан 2 ранга Д.П.Шумов сумел справиться с положением, но корабль был уже настолько поврежден, что должен был выйти из строя, и Д.П.Шумов приказал поднять сигнал "Адмирал передает начальство".

Командир "Цесаревича" капитан 1 ранга Иванов, оправившись от ранения, около полуночи осмотрел повреждения броненосца и решил, что корабль не сможет дойти до Владивостока. Было принято решение идти в германский порт Циндао (Киаочао), где можно было произвести по-

грузку угля и самый неотложный ремонт, а уж затем идти во Владивосток. Но придя в Циндао на следующий день, 29 июля, и осмотрев более тщательно повреждения корабля, стало очевидно, что за короткий срок произвести даже самый неотложный ремонт нельзя, а правила нейтралитета не позволяют оставаться в нейтральном порту более 24-х часов.

было принято решение разоружиться, на что и последовала от генерал-адмирала телеграмма. Так "Цесаревич" и остался до конца войны в Циндао.

После Февральской революции имя корабля было изменено на "Гражданин", и под этим именем он принимал активное участие в обороне Рижского залива в период с 2 по 23 июля, а затем участвовал в Моонзундском сражении с 12 по 19 октября 1917 г.

17 октября в "Гражданин" попали 2 вражеских крупнокалиберных снаряда, нанеся достаточно крупные повреждения.

В дальнейшем "Гражданин" в плавания не ходил, а в 1922 г. как устаревший и не подлежащий модернизации, был продан в Германию на слом.

1 февраля 1931 г.
г.Кострома.

(ГАКО. Ф.Р.-864 Оп. 3 Д. 42)

В государственный архив Костромской области поступила на хранение часть личного архива Бориса Михайловича Казимилова. Среди прочего были переданы и воспоминания его отца — Михаила Васильевича Казимилова о первых днях русско-японской войны (1904-1905 гг.).

Михаил Васильевич Казимиров родился 4(16) ноября 1884 г. в Кронштадте в семье потомственного морского офицера, воспитывался в Морском кадетском корпусе, в мае 1903 г. был произведен в мичманы. После начала военных действий с Японией, Михаил Васильевич получил назначение на эскадренный миноносец «Лейтенант Бураков», на котором и совершил свои первые боевые походы.

30 мая 1904 г. М.В.Казимиров переведен на эскадренный броненосец "Цесаревич", сначала младшим минным, а затем старшим вахтенным офицером. После русско-японской войны, М.В.Казимиров сделал блестящую карьеру. Начав служить с 16 лет, в 27 закончил юридическую академию, в 30 лет произведен в капитаны второго ранга, в 33 года — избран экстраординарным профессором Николаевской Морской академии. Был награжден многими орденами, медалями и знаками отличия.

В 1909 г. Михаил Васильевич женился на австрийской подданной, чешке Брониславе Алойсовне Янато. У них родились два сына Юрий и Борис.

После долгих скитаний во время гражданской войны, семья оказалась во Франции, поселилась в Тулоне. В 1943 г. Михаил Васильевич умер, жене и детям пришлось возвращаться на родину одним. Местом жительства для них была определена Кострома, где оба брата живут и поныне.

Вниманию читателей предлагается одна глава из рукописи М.В.Казимилова. В этом фрагменте рассказывается о событиях первых дней русско-японской войны с 27 января по 26 февраля 1904 г. в Порт-Артуре. Воспоминания написаны в 1929 г. в Тулоне, избыточны фамилиями, датами, точными сведениями о кораблях, людях, их дальнейшей судьбе...

Вызывает уважение и сочувствие та глубокая скорбь и обида за судьбу русского флота, которая и спустя четверть века не оставляла Михаила Васильевича.

При подготовке к публикации текст воспоминаний подвергся значительному сокращению. Географические названия, наименования должностей соответствуют тексту оригинала и могут не соответствовать употребляемым ныне. С полным текстом воспоминаний можно ознакомиться в личном фонде Казимировых в Государственном архиве Костромской области.

Наталья ДРУЖНЕВА

Михаил Васильевич Казимиров.
Силуэт. Париж. 30-е гг.

ИЗ ДАЛЕКОГО ПРОШЛОГО

Настоящие заметки не мемуары и не "малая история", просто записано то, что вспоминалось. Ряд отдельных эпизодов, мелочей, дающих фон эпохе и рисующих быт того времени. Большинства упоминаемых современников давно нет в живых (вечная или память!). Говоря о них, я стараюсь быть возможно более точным и объективным, считая в то же время, что полное упоминание в рассказе об их общечеловеческих слабостях (у кого их нет?) не отвечало бы поставленной задаче.

Первые дни войны (до прибытия адмирала Макарова).

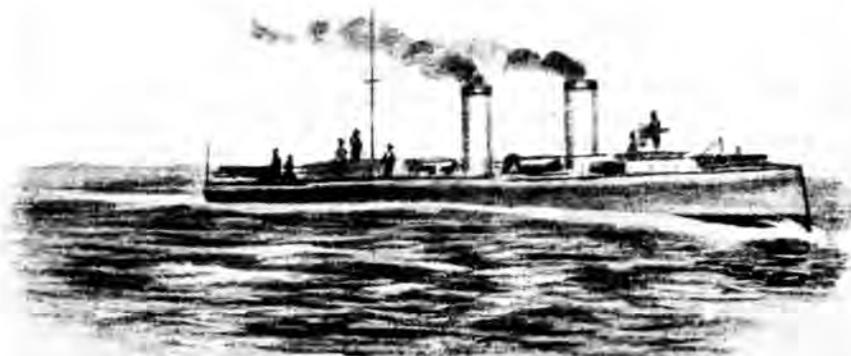
Итак, началась война. То, что казалось неправдоподобным и даже по мнению некоторых невозможным, сделалось фактом, все последствия которого для судеб Российской империи, конечно, не были и не могли быть в то время учтены. Современники событий жили тогда впечатлениями текущего дня и оценивали происходившее в зависимости от своего служебного и житейского опыта, а также характера и темперамента. Для нас, мичманов откомандированных в отряд новобранцев,⁽¹⁾ возникал в первую очередь вопрос о нашем возвращении на корабли, но так как нашего начальника капитана 2 ранга Погорельского в то утро в экипаже не было, то для принятия какого-либо решения обстановка складывалась неблагоприятно. Более благоразумные и уравновешенные полагали, что ничего не остается как ждать от начальства распоряжений, которые, надо полагать, не замедлят последовать. Другим казалось, что "ждать" в такую историческую минуту, рискуя "опоздать" к первым боевым операциям нашей пострадавшей от неожиданного нападения эскадры, было бы недопустимо. Помню, что на первой точке зрения

стоял мичман Трусов (выпуска 1902 г.), сын командира "Рюрика", убитого в бою в августе 1904 г. Он "ждал" и попал поначалу не на корабль, а на сигнальную станцию Золотой Горы. Другой взгляд о принятии немедленно какого-либо практического решения принадлежал мичману Л.Л. Шмидту (выпуска 1902 г.) и мне. Легко убедив себя в том, что начальство про нас "забыло", мы надели вицмундиры и послали вестового за извозчиком, на котором и поехали в Морской Штаб, начальником которого был контр-адмирал В.К. Витгефт. Я знал Витгефта и раньше, так как мой отец был у него в 1893 г. старшим офицером на "Боеводе" в плавании по Балтике (...). С младшим его сыном Володей, кончавшим в то время Морской Корпус (выпуск 1904 г.), я сидел в детские годы на одной школьной скамье. Левушка Шмидт надеялся также на поддержку в случае чего своего брата Владимира Петровича (выпуска 1902 г.), бывшего тогда младшим флагманским офицером. Оба мы, кроме того, полагали, что учитывая наши побуждения, нас не обвинят в недисциплинированности, а если и разнесут, то разве только для порядка. С такими мыслями мы подъехали к большой франзе, где нахо-

дился Морской штаб Чаместника.

Царила полная растерянность. Адмирал Витгефт находился во дворце Чаместника. Час провели к флагманскому офицеру штаба – милейшему, только что произведенному в лейтенанты, Богдану Николаевичу Кнорринг, которому мы объяснили, что желали бы вернуться: Шмидт – на эскадренный миноносец "Боевой" (английской постройки), которым командовал капитан 2 ранга Елисеев, бывший старший офицер "Пересвета" и будущий начальник отряда миноносцев, принявшего участие в выходе и бое эскадры 28 июля,⁽²⁾ а я – на "Всадник", осуществимость моего желания, по мнению Кнорринга, казалась сомнительной, так как "Всадник", наверное, погиб. Он в ночь с 26 на 27 января должен был возвращаться в Артур, и, вероятно, был отрезан японскими миноносцами, но что вакансии, конечно, есть (...). Вскоре нас вызвали и объявили Шмидту о возвращении его на "Боевой" и о моем назначении на эскадренный миноносец "Лейтенант Бураков", самый быстросходный корабль (29 3/4 узла) эскадры.

(...) Объявив о назначении, нам приказали тотчас отправиться на указанные корабли, так как

Миноносец «Лейтенант Бураков».

миноносцам было предписано выходить на внешний рейд, где наша эскадра перестраивалась для принятия боя с подходящим японским флотом. До Восточного бассейна было недалеко, и несколько минут спустя я вбежал по сходне на корму "Буракова", готовившегося уже отдать швартовы.

(...) Явившись на командном мостике командиру, я торопился поскорее (...) избавиться от неудобного наряда, который может быть и был уместным на батальных картах Чесмы и Трафальгара, но совсем не подходил к палубе сигары-миноносца в холодное артурское утро. Палаши я отцепил, а фуражку взамен треуголки и пальто мне нашли.

Став на указанное мне место у минного аппарата, я начал свой первый поход в военное время. Волновала и радовала мысль, что едва выходя в офицеры, я уже попал на войну и назначен на быстроходный миноносец, которому, вероятно, придется принять участие в интересных и опасных операциях. Вот мелькнул справа Тигровый полуостров, слева Золотая Гора, и мы на рейде; доносятся залпы тяжелых орудий с судов и береговых батарей. Кончается перестрелка, и японский флот уже медленно удаляется от берега. После полного впечатлений дня вернулись с внешнего рейда по окончании этого первого нерешительного сражения 27 января и бесцельного хождения вдоль подступов крепости. В кают-компаниях вечером царил большое оживление (...). Подсказывались надо мною, так как к вечеру 27 января "Всадник", благополучно разминувшийся с японскими миноносцами, подошел с той стороны Квантунга, прибыл без помех в Артур. Говорили о том, что в те часы происходило во Владивостоке и в Чемульпо, думали о своих близких, находившихся в России. В последние дни разговоры велись главным образом вокруг следующих тем: 1) Почему несмотря на ряд данных, говоривших об очень большой обостренности отношений с Японией, не были приняты нужные меры предосторожности. 2) Почему, в частности, эскадра стояла в такие тревожные дни ночью на

Лейтенант С.С. Долгобородов,
командир миноносца
«Лейтенант Бураков».

внешнем рейде, грузя к тому же уголь, и ярко освещенная. 3) Почему не были поставлены противоминные сети. 4) Неудовлетворительность диспозиции и дозора. 5) Отчего батареи приморского фронта не были в готовности к отражению нападения. 6) Кто несет главную ответственность за случившееся.

На первый вопрос объяснение сводилось к полной уверенности верхов и в Петербурге, и в Артуре в том, что японцы никогда не решатся на войну с Россией и что разрыв дипломатических сношений есть не более чем блеф с ее стороны. Позднее, узнав лучшие дипломатические приемы противника, было найдено и другое объяснение — не затруднять чрезмерно ведение переговоров бражничеством оружия (...).

Стоянка эскадры на внешнем рейде отчасти объяснялась неудобством артурской морской базы с мелководными проходами на внутренний рейд, допускавшими вход и выход больших кораблей только в полную воду. Грузить же уголь в тесноте и с поставленными сетями было почти невозможно. Неудовлетворительная диспозиция с загромождением рейда небольшими судами являлась следствием всех приведенных выше фактов. Мысль о скорейшей погрузке угля заслонила все остальные соображения. Говорили о том, что эскадра принимала спешно уголь для предстоящего похода в Паличе-

ван, где Наместник будто бы собирался объявить в торжественной обстановке о начале войны с Японией. Дозоры из миноносцев были высланы, но только под вечер, и обнаружили неприятельские миноносцы слишком поздно, наличие их не принесло пользы, а только вред, так как не было уверенности, чьи миноносцы подходят, свои или чужие. Неготовность батарей объяснялась отсутствием нужной связи морского командования с сухопутными и общей халатностью. Ответственность за такое неудачное начало войны большинство возлагало не на Петербург — Шниц и Левяцкий мост (Адмиралтейство и Министертво иностранных дел — Ч.Д.), а на Наместника и артурские власти. Как-то не верилось, что можно прикрыться инструкциями центра, когда обстановка требовала исключительной бдительности и проявления инициативы. Меньше осуждали адмирала Старка и Витгерта, чем Алексеева, перед волей которого все склонялись. Винили флаг-капитана Эбергарда за недостаточную настойчивость в вопросе о сигналах и стоянке на внешнем рейде, такое бросалось в глаза.

Много толков вызвало более чем оригинальное руководство морским сражением 27 января с берега. Казалось непонятным, почему Наместник не только в чине адмирала, но и бывший начальник эскадры, не поднял свой флаг на одном из кораблей, а отправился на Золотую Горку и стал давать оттуда распоряжения. Случай небывалый в истории и достаточно нелепый.

Адмирал Старк понял сразу всю свою некомпетентность и просил о своем увольнении. Иначе, видимо, было с капитаном 1 ранга Эбергардом, оплошность которого была осуждена позднее при решении вопроса о назначении его командиром "Цесаревича" адмиралом Макаровым, положившим резолюцию в том смысле, что этот штаб-офицер не может командовать кораблем в военное время.

До 27 января почти никто не отправлял свои семьи из Артура, но в первые же дни войны многие члены семейств уехали, кто в европейскую Россию, кто поближе, до выяснения обста-

новки, некоторые даже решили не покидать Артура, о нарушении связи которого с Манчжурией в то время еще не думали. Торговые дома (Мурин, Кунст и Альберт) спешили распродавать имевшиеся у них товары, но многого достать уже нельзя было, так как на скорый подвоз из-за военных действий рассчитывать не приходилось.

(...)Операции первого дня войны носили характер нацупывания и выяснения обстановки. Адмиралу Тлого прежде всего нужно было знать о результатах ночной атаки его миноносцев, а также и степени готовности батарей приморского фронта. Частичный успех ночной минной атаки позволил японцам без помехи приступить к перевозке войск на континент, но уверенности на полное обладание морем у них не было и операции их носили осторожный характер.

С нашей стороны первые мероприятия выразились в постановке минных заграждений, главным образом в Таличеванской бухте и в наблюдении за действительными неприятеля при помощи посылки отдельных групп миноносцев в ближние к Артуру воды.

Минные заграждения в Таличеване были поставлены "Енисеем", которым командовал выдающийся офицер, капитан 2 ранга К.И. Степанов (брат командира транспорта "Калчатка", погибшего в Цусиме). К несчастью, уже после постановки поля мин "Енисей" нанесло на поставленное им самими заграждение, и корабль затонул, причем на нем погибли командир, несколько офицеров (мигман Хрущев, окончивший первый корпус в 1902 г., мигман Дриженко, переведенный с "Паллады", и довольно большое количество матросов). Особенно тяжелой была потеря капитана 2 ранга Степанова, выдающегося специалиста, одного из основоположников современного минного дела. Кроме "Енисея" в той операции участвовали также несколько миноносцев и крейсер 2 ранга "Боярин", который тоже нарвался на мину и, по общему мнению, был бы спасен, если бы командовавший им капитан 2 ранга Сарычев, Георгиевский кавалер за бой при Таку, не проявил непростительной растерянности, сблизив с него всю команду, пока еще корабль находил-

ся на плаву. Оставленный экипажем, он затонул окончательно только через двое суток! Впоследствии Сарычев не получил никаких кораблей в командование, но служил на берегу, командуя экипажем.

(...)Обеспечив постановкой заграждения в Таличеване ближний тыл, наше командование стало пытаться помешать японцам совершить высадку в ближайших к Квантунгу бухтах и высматривало для наблюдения ночные и иногда дневные дозоры миноносцев и крейсеров. В одном из таких походов в начале февраля пришлось принять участие и "Лейтенанту Буракову" (группа капитана 2 ранга Светлейшего князя Ливен, бывшего командира "Разбойника" и будущего начальника Морского Генерального Штаба в 1911-1914 гг.).

Поход этот ничем не ознаменовался и остался у меня в памяти только из-за случившегося с нами смешного случая: идя несколько в стороне от других миноносцев группы, мы заметили на горизонте огонь, который приняли за неприятельское судно и стали так маневрировать, чтобы удалиться от него и сблизиться с нашей группой. Каково же было наше удивление и смущение, когда этот огонь стал подыматься над горизонтом, ибо это был просто-напросто восходящий Юпитер! Спустило несколько дней был другой выход 1-го отряда, приведший к непосредственному соприкосновению с неприятельскими миноносцами и ночному бою с ними, во время которого были ранены (неразборчиво - Ч.Д.) капитан 1 ранга М-гд (так в тексте - Ч.Д.) и мигман Анзев, потерявший глаз, что впоследствии не помешало ему окончить артиллерийские классы.

(...)В этом ночном бою были выпущены нашими миноносцами мины, причем одна из них, по-видимому, попала в японский миноносец. Командир "Властного" лейтенант В.А. Карцев получил за это дело Георгия 4 степени.

Вскоре после этих первых походов наш командир капитан 2 ранга Иванов был заменен Ап.А. Дмитриевым (выпуск 1883 г.), бывшим старшим офицером "Пересвета", пользовавшимся заслуженно большими успехами в Кронштадтском Морском собрании благодаря своему

отличному баритону. Назначение это, как мы потом убедились, оказалось не из удачных.

Объединение миноносцев в группы и отряды в то время не имело той стройной системы, которая была выработана после японской войны: оно носило более или менее случайный и временный характер. Все же артурские миноносцы составляли две отдельные группы со своими начальниками и флаг-офицерами, составившими весь их штаб. Это неизбежно отражалось на организации и дисциплине. Почти все зависело от индивидуальности командиров и подбора офицеров. Так, например, у таких командиров, как Елисеев, Рихтер, Карцев, где в составе офицеров находились молодые лейтенанты Чепенин, М.П. Давыдов, Катеринин, И.И. Меркасов было больше порядка, чем на других. Запомнилась одна подробность - у Карцева на "Властном" к вечерней молитве выходили все офицеры во главе с командиром, на других стоящих борт о борт, присутствовал только дежурный офицер. О введении какого-либо единообразия в этом вопросе не было и речи. Все предоставлялось усмотрению командира. Дмитриев не вводил никаких новых порядков, предоставлял службе идти так, как она шла раньше. Вскоре после его назначения нам было дано поручение отправиться в Дальний с приказанием вернуть в Артур находившиеся там 3 или 4 миноносца 2-го отряда. И тогда, и сейчас мне не ясно, почему это не было сделано по телефону или по телеграфу. Тогда стояла неважная, было довольно тихо, но временами шел снег, что мешало определяться по береговым заметкам, тем не менее мы благополучно дошли до Таличеванской бухты, после чего начались с нами разные неприятные приключения. Плана поставленного покойным "Енисеем" минного заграждения нам в штабе не дали, если он и был, то считалось, вероятно, что за последние две-три недели часть мин снесло. Пришлось идти наугад, ощупью и вследствие этого малым ходом. Проходя вдоль северного берега Таличеванской бухты, мы неожиданно попали под ружейный обстрел. Рыжий Аполлон (А.А. Дмитриев - Ч.Д.) взялся за ручку машинного те-

леграфа, прибавил ходу, обру-гался и, сказав что-то вроде "слуга покорный", сошел с ко-мандного мостика и стал за дымовой трубой. Остались на башенной вышке я, как вахтенный начальник, и рулевой. Обстрел продолжался; было не особенно приятно, но сойти тоже вниз за рубку, оставив под огнем одного рулевого, я, конечно, не мог и мысленно выругал командира, за-бывшего, вероятно, известный случай из биографии Чахлимова, который "без надобности", как сказали бы некоторые осторож-ные, остался однажды стоять на юте под летящими частями со-рванного рангоута "для примера" команде! Скоро, впрочем, мино-носец выскочил из угла обстрела, и мы вновь уменьшили ход, ста-раясь разглядеть под водой мины. Много пуль попало в мино-носец, большая часть отскочила от труб, рубки, бортов, но неко-торые пробили сходни, отличительный фонарь и еще что-то. Одну из этих пуль я подобрал и дал в Артуре ювелиру выгравировать на ней на память: "Маличван 20.11.04." Волей случая этот сувенир-брелок у меня сохранился до сих пор. Потом вы-яснилось, что стрелял по нам пикет одного из сибирских стрелковых полков, офицер кото-рого принял нас за неприятель-ское судно, так как мы шли не под "русским" (трехцветным) флагом, а под какими-то другими (то есть Андреевским), ему не-известными. Дело это стало до-ложено потом адмиралу Мака-рову, и запасному поручику при-шлось отсидеть на гауптвахте.

Придя в Дальний, мы уже не застали миноносцев, за которы-ми были посланы, и так как было уже далеко за полдень, то надо было торопиться с возвращени-ем, ибо вход в Артур после захо-да был воспрещен, и по всем за-меченным ночью судам "Ретви-зан", изображавший у Шигрового полуострова, где он сел на мель после подрыва 26 января, плаву-щую батарею, открывал огонь. Только что мы вышли с Маличе-ванского рейда, как повалил хлоп-ьями снег и островок Кэп, на ко-торый мы взяли курс, скрылся. Аполлон стал нервничать, менял курс в результате чего мы стали ходить кругом этого Кэпа. Впоследствии мы, личма-на, подражая известной опере-

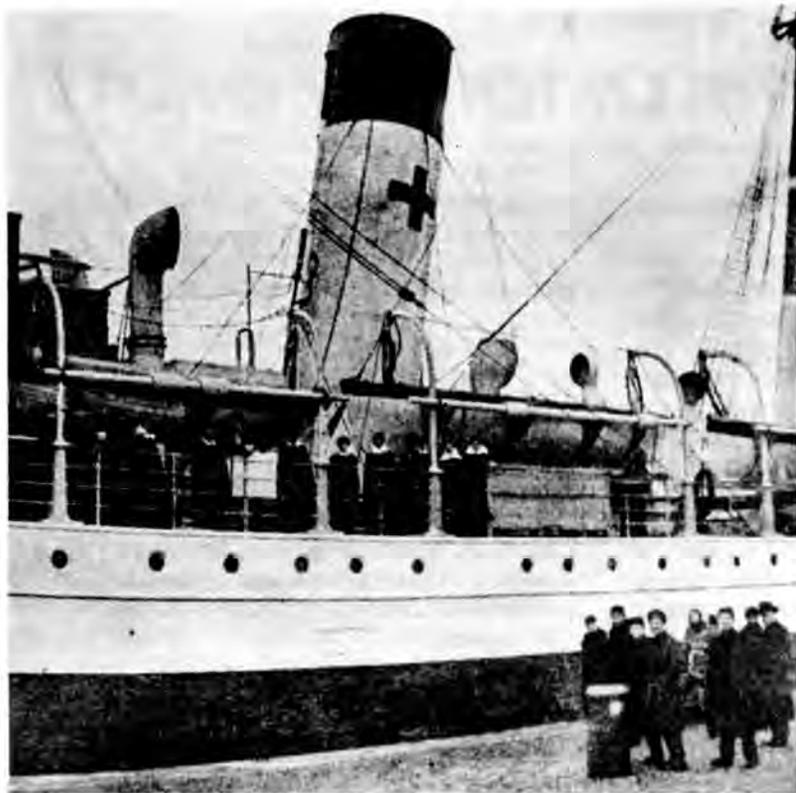
точной арии "ходили три раза вокруг света и научился храбр-рым быть", сочинили пародию "ходил три раза кругом Кэпа, не научился уминым быть". Медно-та при снежной, пасмурной по-годе наступила быстро, и мы скоро поняли, что вернуться "засветло" нам не удастся и, стало быть, придется прове-сти ночь в море, не удаляясь слишком от берега, чтобы уменьшить риск встречи с не-приятельскими судами, и не очень приближаясь к нему, дабы не наскокить на отмель. Ма-неврируя таким образом, неза-долго до полуночи при курсе П или ПW миноносец, шедший малым ходом, вдруг сел на плоскую каменную гряду. По-пытка сойти с нее своим ходом успехом не увенчалась, всю на-дежду пришлось возложить на то, что еще осталось несколько часов до полной воды. Осмотр показал, что сильного пробие-ния днища нет, но вода просачи-валась в нескольких отсеках. Потянулись тревожные, унылые часы, но вот начался прилив, и одна из попыток сойти с мели задним ходом дала положи-тельный результат. В ожидании рассвета стали держаться близ входа в Артур и с первыми признаком прояснения горизон-та пошли в направлении "Рет-визана", держа позывные и делая опознавательные сигналы. По-ход закончился неудачно, но все же катастрофа гибели от огня неприятельской группы мино-носцев (японцы обычно держа-лись вместе по 3-4) была по счастливой случайности избе-гнута. Командиру был оказан в штабе довольно кислый прием, но дело об аварии не было под-нято. Более подробный осмотр подводной части показал необ-ходимость входа в док, что ока-зывалось не таким простым делом (...). Пришлось ждать сво-ей очереди около двух месяцев, оставаясь наблюдателями во-енных событий и не принимая в них в это время почти никакого участия.

(...) Идея досуга, я посещал дру-гие корабли и, в частности, "Це-саревич", где мне рассказали, как у них прошла тревожная ночь с 26 на 27 января. Большинство офицеров еще не разошлись к 11 1/2 часам по каютам и находи-лись в кают-компании, когда

была поднята тревога. Взрыв пришелся против помещения кормовых минных аппаратов и коридора гребного вала, корабль стал набирать воду и кренить-ся, тотчас были затоплены противоположные отсеки, и приняты меры к задриванию всех горловых в поврежденных, для чего трюмный механик П.А.Федоров сам нырял в ле-дяной воде и, выполнив эту трудную задачу, можно сказать спас броненосец от погружения на дно на большой глубине. Впо-следствии ему по представле-нию командира И.К.Тригоревича был заслуженно пожалован орден Святого Георгия 4 сте-пени.

В момент атаки суда стояли под малыми парами, и было пережито немало тревожных минут, пока их не подняли. Тук-сирные средства порта были слабы, и без собственных машин поврежденным судам не удалось бы отойти к берегу.

(...)Вскоре стали прибывать в Артур разные группы офицеров. Приехали около 10-12 личманов выпуска 1904 г., так называемого "царского" - недonosки, как их по-спешили окрестить их старшие на 1-2 года товарищи. Все первые в выпуске 1904 г., разумеется, взяли Квантунские и Сибирские вакансии, чтобы сразу же по-пасть на войну. Затем прибыло несколько капитанов 2 ранга и пожилых лейтенантов для заме-щения отбывших ценз команди-ров и старших офицеров и, в частности, для замены наиме-нее удачных командиров миноно-сцев. Прибыла группа офицеров Гвардейского экипажа, опреде-ленная жребием, который вытя-нули лейтенант Лодыгин (его на-значили старшим офицером "Петропавловска", на котором он и погиб 31 марта), П.А.Трухачев, ставший командиром эскадрен-ного миноносца "Бессстрашный", Пилищев, который после недол-гого пребывания младшим штур-маном на "Пересвете" был пере-веден на "Победу". Из Гвардейско-го же экипажа прибыл во Влади-восток лейтенант Виноградский, адъютант князя Александра Александровича, назначенный старшим офицером на "Троим-бой". Кроме этих офицеров, Гвардейский экипаж вскоре ока-зался представленным флаг-адъютантом капитаном 2

Отход плавучего госпиталя «Кострома». Сестры милосердия стоят на палубе. 1905 г.

ранга Великим князем Кириллом Владимировичем и его адъютантом лейтенантом Ф. Кубе. По прибытии адмирала Макарова, они были назначены: первый – начальником военно-морского отдела Штаба Командующего Флотом, а второй – флаг-офицером этого штаба. Оба они, равно как и Шмирев, были соплательями Дмитриева по "Пересвету" в 1901-1902 гг. Шмирева же и Трухачева (...) я знал также по плаваниям на "Рынде" в учебном отряде Морского Корпуса, где Шмирев был штаб-офицером, а Трухачев – ревизором. На одном из завтраков на миноносце я познакомился с Великим князем Кириллом Владимировичем, показавшимся мне очень любезным, компанейским человеком. Шмирев же напускал на себя важность, рассказывая о том, что его провожал в Петербурге на вокзал Вышнегородский (бывший Министр финансов), который уверил его в том, что с финансовой стороны Россия вполне готова к войне. Но самые интересные гости

нашей кают-компании в те дни был двоюродный брат моего друга Мурки Колчака – Александр Васильевич Колчак, лейтенант выпуска 1894 г., прибывший в Артур из Иркутска по возвращении своем из полярной экспедиции, отправленной на поиски барона Толля. Рассказали его мы заслушивались и справедливо считали его выдающимся офицером, героем. Первоначально он был назначен адмиралом Макаровым вахтенным начальником на "Аскольд", чтобы он мог немного отдохнуть в комфортабельной обстановке большого корабля от лишений, перенесенных на Крайнем Севере (он страдал ревматизмом), а затем ему был дан в командование миноносец "Сердитый".

Аполлон Дмитриев оставался недолго нашим командиром, вскоре его перевели на "Пересвет" старшим офицером, а к нам назначили симпатичного, маленького и подвижного, известного всем дальневосточника лейтенанта Сергея Степановича Долгобородова, так называе-

мого Серю (к слову сказать, бородка у него была маленькой и клинушкой). Об этом Серге ходили самые невероятные анекдоты, особенно успехом пользовался тот, в котором рассказывалось как он, уходя из каюты, запирает в ящик своего комода-шифроньера не только вещь, которую надо положить, но и часть самого себя (случай действительно когда-то происшедший с ним). С назначением его на миноносце стало как-то живее, веселее, и все только и думали, как бы поскорее исправлены были повреждения от посадки на мель. В это же время 47 мм орудие без затвора, сломанное еще до начала войны, было заменено другим – русского образца.

26 февраля вечером я был на миноносце "Стерегущий" (командир лейтенант Сергеев, вахтенный начальник лейтенант Головизнин, мичман Кудревич, инженер-механик Анастасов).

Ночью им предстояло идти в дозор, все говорили об этом как о самой обыкновенной вещи, но Кудревич был совершенно в состоянии душевной подавленности, все время возвращаясь к утверждению, что он не вернется в живых из этого похода. Предупрещение его не обмануло...

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. М. В. Казимиров прибыл в Порт-Артур на эскадренном броненосце "Цесаревич" в середине ноября 1903 г., спустя 2 недели был переведен на минный крейсер "Всадник", бывший в числе судов, выделенных из эскадры и состоявших в распоряжении Морского Штаба Наместника Его Императорского Величества на Дальнем Востоке. В начале января 1904 г. пришел приказ о назначении его в числе других мичманов для обучения новобранцев, предназначенных для эскадры Тихого океана. Оставив свои вещи на "Всаднике", он переехал в Новый Город в здание Квантунского флотского экипажа. Там его и застала весть о ночной минной атаке японцев и о повреждении трех кораблей.

2. Контр-адмирал В. К. Виттефт в середине июля отдал приказ о прорыве эскадры во Владивосток из Порт-Артура. 28 июля 1904 г. эскадра вышла в море и после полудня встретилась с японским флотом. Японский снаряд, разорвавшийся у мостика "Цесаревича", убил Виттефта и вывел из строя его штаб. Потеряв руководство, эскадра рассеялась. После этого боя японцы окончательно обеспечили себе господство на море.

1996 ГОД 300 ЛЕТ РОССИЙСКОМУ ФЛОТУ

Календарь памятных дат

ЯНВАРЬ

4 января. 160 лет (1836 г.) со дня рождения Я.И.Купреянова, кругосветного мореплавателя.

10 января. 1873 г. Родился Н.М.Григоров, адмирал.

15 января. 1792 г. Родился М.Н.Лермонтов, адмирал.

24 января. 1709 г. В Санкт-Петербурге основана при Адмиралтействе модель-камера — первый в России морской музей (ныне Центральный военно-морской музей).

25 января. В 1701 г. (295 лет) Указом Петра I создана в Москве "Школа математических и навигацких наук" — одно из первых российских государственных морских учебных заведений.

28 января — 1724 г. Основан Архив Адмиралтейств-коллегии (ныне Центральный государственный архив Военно-Морского флота).

ФЕВРАЛЬ

9 февраля. 1904 г. Героический бой крейсера "Варяг" и канонерской лодки "Кореец" в Чемульпо.

10 февраля. 1827 г. Учреждены высшие офицерские курсы при Морском кадетском корпусе (ныне Военно-морская академия им.Н.Г.Кузнецова).

13 февраля. 190 лет со дня рождения В.А.Корнилова (1806-1854), вице-адмирала, начальника штаба Черноморского флота, героя обороны Севастополя.

19 февраля. 180 лет (1816 г.) со дня рождения А.И.Бутакова, исследователя Аральского моря.

25 февраля 1885 г. Родился А.Н.Жохов, полярный исследователь.

МАРТ

1 марта. 1799 г. Впервые в мировой военной истории штурмом с моря взята французская крепость Корфу русской эскадрой под командованием адмирала Ф.Ф.Ушакова.

7 марта. 180 лет (1816 г.) со дня рождения П.Я. Шкота, контр-адмирала, морского писателя.

11 марта. 270 лет со дня рождения В.Я.Чичагова (1726 г.), адмирала, полярного исследователя и флотоводца. Единственный из моряков Российского флота награжден орденом Св.Георгия I ст.

18 марта. 1781 г. (215 лет) в Архангельске основана первая в России мореходная школа.

27 марта. 1848 г. Вышел первый номер журнала "Морской сборник".

АПРЕЛЬ

9 апреля. 1906 г. (90 лет) в Либаве создан первый учебный отряд подводного плавания, положивший начало созданию подводных сил Российского флота.

13 апреля. 1696 г. (300 лет) в Воронеже спущена на воду первая русская галера "Принципиум".

16 апреля. 1805 г. Основана библиотека Государственного Адмиралтейского департамента (ныне Центральная военно-морская библиотека).

24 апреля. 150 лет (1846 г.) со дня рождения В.А.Купреянова, ученого, теоретика подводного плавания, редактора журнала "Морской сборник".

МАЙ

13 мая. 1783 г. Создан Российский военно-морской флот на Черном море.

15 мая 1734 г. В составе Великой Северной экспедиции отправлен отряд под началом Д.Л.Овцына.

18 мая 1702 г. Создан Российский военно-морской флот на Балтийском море.

25 мая 1856 г. (140 лет) основан Балтийский судостроительный завод в Санкт-Петербурге.

ИЮНЬ

4 июня 1719 г. Одержана первая победа парусного флота России над шведами в Эзельском сражении.

9 июня. Родился Петр I Великий (1672-1725), русский царь (с 1682 г.), первый российский император (с 1721 г.), выдающийся политический и военный деятель, полководец и флотоводец, адмирал (1721 г.), основатель регулярной армии и Российского флота.

15 июня 1834 г. Родился В.С.Кудрин, генерал-штаб-доктор Российского флота.

18 июня 1904 г. Введена в строй первая русская боевая подводная лодка "Дельфин".

24 июня. 220 лет (1776 г.) со дня рождения И.Н.Бутакова, вице-адмирала.

ИЮЛЬ

1 июля 1866 г. (130 лет) спущена на воду первая в России подводная лодка с механическим двигателем конструкции И.Ф.Александровского.

4 июля 1916 г. (80 лет) четыре российских гидросамолета Балтийского флота одержали победу в бою с немецкими самолетами. Официальная дата рождения морской авиации.

14 июля. День рыбака.

25 июля. 160 лет (1836 г.) со дня рождения Н.М.Баранова, мореплавателя, изобретателя, государственного деятеля.

28 июля. День Военно-Морского Флота.

АВГУСТ

7 августа – Первая в истории русского флота морская победа под командованием Петра I над шведами при мысе Гангут (1714 г.).

7 августа – 1803 г. Начало первой в истории российского флота кругосветной экспедиции под руководством И.Ф.Крузенштерна и Ю.Ф.Лисянского на шлюпах "Надежда" и "Нева". В составе экспедиции был Федор Толстой-Американец.

25 августа 1956 г. (40 лет) на Адмиралтейском заводе заложен первый в мире атомный ледокол "Ленин", бессменным капитаном которого был костромич Б.М.Соколов.

СЕНТЯБРЬ

3 сентября 1830 г. Родился Н.К.Бошняк, исследователь Дальнего Востока.

9 сентября. День победы русской эскадры контр-адмирала Ф.Ф.Ушакова над превосходящими силами турецкого флота в сражении у мыса Тендра (1790 г.)

ОКТАБРЬ

5 октября 1917 г. Родился Н.И.Смирнов (1917-1994), адмирал флота.

30 октября – 300 лет (1696 г.) Указа боярской думы, постановившей: "Морским судам быть". Официальная дата рождения регулярного российского флота.

НОЯБРЬ

7 ноября 1743 г. Родился И.О.Селифонтов, мореплаватель, государственный деятель.

15 ноября 1722 г. Сформирована Каспийская военная флотилия.

23 ноября 1813 г. Родился Г.И.Невельской, адмирал.

30 ноября 1853 г. Русская эскадра под командованием вице-адмирала П.С.Нахимова нанесла сокрушительное поражение турецкому флоту в Синопском сражении.

ДЕКАБРЬ

10 декабря 1699 г. Петром I учрежден Андреевский флаг – кормовой флаг военных кораблей Российского флота.

26 декабря 1752 г. Морская академия в Санкт-Петербурге преобразована в Морской кадетский корпус (ныне Высшее военно-морское училище им. М.В.Фрунзе).

26 декабря 1829 г. Родился Н.Я.Шкот, герой обороны Севастополя, исследователь побережья Тихого океана.

26 декабря 1905 г. Родился Н.И.Виноградов, адмирал.

В календаре указаны дни рождения только мореплавателей-костромичей (список далеко не полный).

КОСТЯК РОССИЙСКОГО ФЛОТА

В 1931-1936 годах заместителем начальника пристани "Кострома" работал Александр Васильевич Магдалинский. Его судьба была тесно связана с российским флотом, и в годовщину трехсотлетия оно уместно помянуть добрым словом этого замечательного человека.

Александр Магдалинский родился 1 сентября 1881 года в с. Подольское Костромской губернии, в центре хорошо всем известного красносельского промысла.

Всегда волжане были основой и костяком российского флота. Видимо, великая река как-то влияет на людей, на состояние их души, выковывая особый "волжский" характер, упорство в достижении цели, осуществлении своей мечты. Не оказался исключением и Саша Магдалинский, с завистью глядевший с берега на проплывающие мимо красавцы-пароходы. А какое счастье было, когда вдруг какой-нибудь доброжелательный матрос с причалившего на краткую стоянку судна снисходительно позволял отдрать до солнечного блеска какую-нибудь латунную или медную штурковину корабельной машины. В принципе, конечно, рассказывать о том, как мальчик из приволжского села стал профессиональным моряком, довольно банально. Но есть некоторые обстоятельства, почему этот рассказ хотелось бы продолжить.

В романе Новикова-Прибоя "Цусима" описан один из фрагментов боя крейсера "Олег" с японской эскадрой.

"Особенно опасно было положение "Олега". В его правый борт попал неприятельский снаряд и перебил проволочные тросы подъемной тележки с боевыми патронами. Она с грохотом рухнула вниз. Подноски снарядов с воплями бросились из погреба к выходу. Наверху каждый был занят своим делом, никто не подозревал, что крейсер навис над пропастью. Он мог в один мо-

Матрос «Олега» Магдалинский.

мент взлететь на воздух..." "Рядом с горевшим погребом находился центральный боевой пост... рулевой боцман... Магдалинский заметил красные отблески. Он застыл от ужаса, понимая, что всем грозит гибель. В следующую секунду, словно подброшенный вихрем, он ринулся в жилую палубу. Как будто ток высокого напряжения сотрясал его руки, дер-

жавшие шланг. Хрипели стремительные струи воды"... "Пламя утихло... "Олег" был спасен от взрыва и продолжал стрельбу".

А.Магдалинскому, окончившему, кстати с отличием, двухгодичную Астраханскую мореходку, по стечению обстоятельств не удалось примерить капитанский китель — на флот он был призван в октябре 1902 года обыкновенным матросом, чуть позже ему было присвоено звание кварпирмейстера, а после похода "Олега" по Атлантике до Мадагаскара он стал боцманом, что было равно армейскому чину старшего унтер-офицера.

Знакомство Магдалинского с Новиковым-Прибоем, несмотря на то, что служили они на одной эскадре, состоялось лишь весной 1935 года. До этого, правда, они уже несколько лет вели переписку. В московской квартире Алексеем Силычем Новиковым и был записан со слов Александра Васильевича рассказ об этом эпизоде сражения.

Еще две встречи писателя со своим героем произошли в Костроме, куда он приезжал в 1935 и 1936-ом годах вместе с литератором А.Перегудовым. Были и дру-

Встреча участников Цусимского сражения с писателем А.С.Новиковым-Прибоем. Кострома. 1933 г.

гие встречи – снова в Москве, на праздновании шестидесятилетия автора знаменитого романа, а также в Ярославле, куда был переведен служить Александр Васильевич.

Пожалуй, именно во время этих встреч, бесед и воспоминаний о былом родился замысел Магдалинского написать мемуары, что он и сделал, пользуясь советами своего опытного в литературном труде товарища. Книга

"На морском распутье" вышла в свет в 1945 году. Новикова-Прибою уже не было в живых, и он, к сожалению, не смог оценить плоды своего наставничества. Вторая книга воспоминаний Магдалинского – "На Волге" издавалась в 1953 году.

Рассказ об Александре Васильевиче был бы не полон, если бы мы не упомянули о таком событии в его биографии, которым он лично очень гордился. Некоторое

время, в 1905-1906 годах, он был рулевым всем известного крейсера с утренним наименованием "Аврора". Впрочем, гораздо подробнее о жизни ветерана флота, нашего земляка, можно узнать из очерка Ю.Н.Логвина в одиннадцатом выпуске "Альманаха библиофила", некоторыми фактами из коего мы и воспользовались.

Умер Александр Васильевич в 1959 году. Забывать о таких людях было бы нехорошо.

КОМАНДИРОВКА «МОРСКОГО СБОРНИКА»

В 1856 году Морское министерство при патронаже великого князя Константина Николаевича организовало научную экспедицию по обследованию судоходных рек европейской части России. По командировкам "Морского сборника", издаваемого от Морского ученого комитета для содействия "достижению главнейшего предмета своего назначения – пещись о распространении полезных сведений между служащими во флоте", отряд вполне "сухопутных" молодых писателей отправился в путешествие. Интересно, что четверо из девяти привлеченных литераторов были тесно связаны с костромским краем – это С.В.Максимов, А.Ф.Писемский, А.А.Потехин и А.Н.Островский.

Цель экспедиции становится понятна из письма министра Ф.П.Врангеля Александру Николаевичу Островскому, включенному, кстати, в ее состав в последний момент, ибо был он в это время под полицейским надзором. "Вследствии изъявленного Вами желания, – писал барон, – отправиться по поручению Морского министерства и разделить с известным Вам литератором г. Потехиным возложенный на него труд обозрения быта приволжских жителей, занимающихся рыболовством и судоходством, для доставления статей о том в "Морской сборник", представляются Вашему изучению и описанию губернии, лежащие на верхней части Волги..." Вы-

ражалось так же желание обратить особое внимание:

а) на их жилища,
б) их промыслы с показанием обстоятельств, благоприятствующих или мешающих их развитию,
в) суда и разные судоходные орудия и средства, ими употребляемые, означая их названия и представляя, если возможно, их изображение на рисунке,
г) физический их вид и состояние,
д) преимущественно их нравы, обычаи, привычки и все особенности, резко отделяющие их от прочих обитателей той же стороны как в нравственном, так и в промышленном отношении, а равно и в речи, поговорках, поверьях и т.п."

В результате "творческих командировок" С.В.Максимов, обследовавший северные области, написал книгу "Год на Севере" (СПб, 1859), Писемский, побывавший в низовьях Волги и на Каспии, опубликовал в "Морском сборнике" в 1857 году очерки "Астрахань", "Бирючья коса", "Баку", "Ток-карагандинский полуостров и Тюленьи острова". Тогда же в журнале появилась статья А.Потехина "Лов красной рыбы в Саратовской губернии", два очерка "Река Керженец" (1859) и "С Ветлуги" (1861) писатель отдал для печати в другие издания. Островский же отчитался перед "Морским сборником" "Путешествием по Волге от истоков до Нижнего Новгорода" (1859). В ЦГАЛи и Бахрушинском музее хранятся дневниковые записи,

картотека с судоходными и судостроительными терминами, ряд зарисовок и чертежей кораблей, сделанных драматургом. Вот несколько характерных расшифровок, некоторых специфических слов волжских речников, которые позже вошли в его опубликованный "Словарь" русского народного языка:

Аравушка – артель барочных плотников.

Волк – крытый нос у челнока (в виде туфли).

Дерево – мачта.

Медный парус – рогожный парус. Волга.

Нэгчик – матрос, не явившийся к сроку с гулянки (отпуск на берег), морск.

Полати – помост для лоцмана на барке. Волга.

Свежать – съехать вниз (по реке). Волга.

Шишка – бурлак, который идет впереди других во время тяги. Волга.

К сожалению, дальнейшего сотрудничества с министерством и "Морским сборником", редактор которого требовал от писателей не живых занимательных рассказов, а сухих протокольных отчетов, не получилось.

Тем не менее, мы знаем, что путешествия эти принесли большую пользу и самим писателям. Об этом можно судить по их дальнейшему творчеству.

*Публикации подготовил
Юрий ТАНИН*

ФЕДОР ЧИЖОВ И КРАЙНИЙ СЕВЕР

В ряду русских деятелей во благо Кольского Севера в числе первых по праву надо назвать костромича Федора Васильевича Чижова. Но до сих пор не увековечена память о нем в названии ни одного корабля... Правда, в Екатерининской гавани близ города Полярного есть остров, мыс которого носит эту достойную фамилию.

Итак, в 1874 году внимание Федора Васильевича привлек факт неудачи предпринимательства торговых людей и промышленников Русского Севера, деятельность которых кончилась крахом созданного ими Товарищества Беломорско-Мурманского пароходства. Решив выяснить причину, Чижов обстоятельно проанализировал годы существования этого объединения.

Трудный край

Создано это Товарищество было в 1871 году во главе с купцом из города Колы Мартемьяном Базарным. Оно открыло регулярное морское сообщение от Архангельска до Норвегии и обратно двумя пароходами.

Для нужного начинания правительством была дана ежегодная субсидия в 30 тысяч рублей. Но то ли по недостаточности средств, то ли по недалекновидной поспешности, движение судов не обеспечили безопасностью: на пути их отсутствовали навигационные знаки, не оборудованы были пристани, пароходные команды, как оказалось, подобрались без должного опыта плавания в сложных условиях северной навигации. В результате потерпело крушение даже крупное судно "Великий князь Алексей", а позднее серьезная авария случилась и со вторым пароходом... Отсутствие же резервного капитала у Товарищества предредило его печальную судьбу.

Но за четыре года деятельности пароходства местное население оценило удобства такого вида сообщения и не хотело мириться с его утратой. А вкладывать новые капиталы, тем более частные, в рискованные условия сурового края желающих не находилось. Вот тогда-то и осмелился это сделать Федор Чижов.

Он знал на что шел: сезонность оживления жизни на Крайнем Севере, связанная с началом промыслов весной и спадом их к осени, а стало быть, неравномерность для пароходства перевозки людей и грузов. Дальность рейсов при частых и внезапных капризах погоды – штормах, густых осадках, туманах – немыслима без надежных и равномерно распределенных вдоль берега причалов. Не говоря уже о добротности навигационной и штурманской служб. Короче говоря, такое коммерческое предприятие требовало не только всесторонней осмотрительности, но и крупных капиталовложений. Задача сложная даже для весьма способного и опытного организатора, каким был Чижов. Но если уж он решился... Об этом мы узнаем из его письма сестрам: "Я задумал оживить Север России и поднять промышленность Мурманского края заведением пароходства".

Однако задумал он пароходство не в чистом виде, как его предшественники, а для гарантии доходности решил совместить с прибыльным на первый взгляд делом – промысловым! Да и реализацию добычи не отдавать в посторонние руки. Потому заключает он с таким же, как сам, купцом 1-й гильдии В.И.Смолиным – крупным мурманским промышленником – соглашение об учреждении "Северного промыслового и торгового товарищества". Они подают совместное ходатайство об утверждении такого министра финансов России.

В своем послании правительству податели сообщают о готовности на собственные средства обзавестись судами, которые обеспечат поморам выход не только на мурманские прибрежные промыслы, а и далеко севернее, вплоть до Новой Земли, поставить складские помещения под соль, снасти и продук-

товые припасы добытчикам. Подчеркивается намерение подорвать существующую монополию скупщиков промысловой продукции по бесправно заниженным ценам, чтобы поднять заработки рыбаков и зверобоев, ибо пока что "рабочий люд остается едва только с тощим дневным пропитанием". Примечательно, что в особой записке обращается внимание правительства (тут чувствуется авторство Чижова) и на интеллектуальную направленность задуманного дела: "Север еще не испытал благотворного влияния знания". Но при том реально предсказывается следующее: "Все эти мероприятия... на первых порах, как надо ожидать, не только не принесут Товариществу никакой прибыли, но, вероятно, вызовут значительные непроизводительные издержки...". И для подстраховки своего начинания, компаньоны запрашивают в том послании ежегодную дотацию от казны. Сумму они называют вдвое меньшую, чем получали их предшественники. Однако получают министерский отказ: дело мол затеяно частное, а не государственное (?..)

Хождение по мукам

Вполне возможно, что правительство не поддерживало создание нового Товарищества как раз из-за намерения компаньонов покончить с монополией грабительства промысловиков северных вод путем скупки их добычи по заниженным ценам. Ибо само имело в том финансовый интерес. Чижов же как экономист понимал сиюминутность такой выгоды, особенно для частного и бессовестного предпринимательства, а для государственной будущности – несомненную бесперспективность. Деньги не должны делать только деньги. В его понимании капитал – лишь средство, рычаг, двигающий прогресс всего общества, страны.

Посему он пустил в ход тот "рычаг", которым располагал сам: приступил к закупке судов для северного морского сообщения. Прежний опыт здесь показал, что для суровых бурных вод слабосильные пароходы не годятся. Первому капитану, выбранному Федором Васильевичем для ответственного дела, Андрею

Линдену, посланному им весной 1875 года в Англию для приобретения судна, он наказал не скупиться. И в конце апреля пришла телеграмма, что "пароход вполне подходящий" подобран.

В Петербурге уполномоченным Чицова по учреждению северного пароходства являлся граф К.Ф.Литке – сын известного исследователя Арктики, в то время президента Академии наук. Константину Федоровичу поручалось добиться утверждения Устава нового Товарищества. А параллельно, не тратя времени, заниматься подбором надежных людей для работы на Севере, решать финансовые и прочие организационные вопросы.

Знаменитая фамилия К.Ф. Литке (на что, видимо, рассчитывал Чицов как психолог) не очень-то помогла в продвижении дел. Это видно по содержанию писем из столицы к Федору Васильевичу от его представителя там. Вот, к примеру, строка от 14 апреля того же 1875 года: "Из министерства финансов – только обещания и никакого существенного содействия". Порой Литке вовсе отчаивался. Но Чицов проявлял твердость, приводил убедительные аргументы в пользу северного пароходства, что придавало уверенности его соратнику, и Константин Федорович опять энергично действовал. Всего через десять дней в его очередном послании нет и следа безысходности настроения, напротив – благодарный восторг упорством Чицова, вдохновляющего и Литке: "С Вами прошибем лбом все препятствия".

Пароходству в Заполярье быть!

Уже в начале мая 1875 года сам Александр II утвердил Устав Товарищества Архангельско-Мурманского срочного пароходства. А вскоре из казны поступило 50 тысяч рублей на приобретение ста павых взносов в будущее предприятие. Так государство стало акционерным участником дела, задуманного Чицовым. После первого, памятного своей категоричностью, отказа ему в помощи суммой довольно скромной – в 15 тысяч... После явной недоброжелательности властей, затем обещаний, долго не подтверждавшихся конкретным решением, хочется воскликнуть: наконец-то! По суждению Чицова в доказательстве правоты своего дела, в том, что правительство-то первым (!) подало пример к акционерному участию в предприятии Чицова, уже началом им в частном порядке, как говорится, на свой страх и риск личным

капиталом... И в том же майском месяце к вкладу инициатора дела, паям госказны и долевым суммам ближайших единомышленников Чицова – мурманского купца Смолина и графа Литке из Петербурга – прибавились капиталовложения известных русских промышленников – трех братьев Мамонтовых и фабриканта Морозова, а также инженера Дельвига.

Волею судьбы два прежних ведущих компаньона по успешному строительству железных дорог в России – Федор Чицов и Савва Мамонтов теперь взялись за прокладку морских путей в водах Русского Севера, столь необходимых для развития этого, "богом забытого края". Оба выдающихся деятеля и тут плечом к плечу встали "у руля": Федор Васильевич – председателем, а Савва Иванович – директором Правления Товарищества Архангельско-Мурманского срочного пароходства. А финансовыми делами правил князь Л.Н.Оболенский.

С началом навигации 1875 года к берегам Мурманя прибыло два парохода, закупленных в Англии. Один из них назвали "Архангельск", второй – "Онега".

Глава нового пароходства Чицов к подбору людей, особенно на руководящие роли, был строг. Даже самые благополучные рекомендации не влияли на его итоговое решение,

если человек в своей работе проявлял консерватизм, неприятие новых требований времени. Так пришлось расстаться вроде бы и с опытным капитаном Шельтингом, который "знает морское дело... честен и довольно деятелен", но от него жди и "страшное недовольство ко всякому начинанию", то есть что неприлично его устоявшимся понятиям. Чицов делает вывод: "Он оказался не тем человеком, какого нам нужно..."

Пароходное сообщение вдоль берегов Белого и Баренцева морей по трассе Архангельск – Варде стало действительно срочным – в смысле твердо выдержанным по графику движения и регулярным. К исходу первой навигации затраты акционерного Товарищества составили сумму уже меньше предусмотренной. Ежегодное же пособие от казны в размере 50 тысяч рублей, согласно утвержденному правительством Уставу пароходства, оному надлежало выплачивать от государства в течение всего первого десятилетия. Так что, при хороши отлаженной пассажирско-грузовой службе морского транспорта Товарищества, это акционерное общество стало получать стабильную прибыль. А последняя давала возможность расширять пароходство, которое сыграло немалую роль в развитии всей хозяйственно-экономической жизни Заполярья нашей страны.

Имеет сообщать

ПОЖЕРТВОВАНО НА КОРАБЛЬ

Трудно сегодня представить, но это факт: первые русские военные корабли, после гибели Порт-Артура (когда со всей очевидностью открылась необходимость для России иметь сильный морской флот), были построены на благотворительные средства.

Первые пожертвования на сооружение флотилии подводных лодок 6 февраля 1904 г. поступили от князя С.С.Лазарева, князя Л.М.Кочубея, Н.Н.Перцова, Г. Колмуцкого, В.Росоловского. А затем Высочайшим соизволением Его Императорского Величества открыт Особый комитет по усилению военного флота на добровольные пожертвования. Он решил, какие типы судов заказывать и на каких заводах, утверждал условия и контракты этих заказов и т.д. Значительная наличность, собранная благодаря щедрым патриотическим пожертвованиям, поступившим со всех сторон России, позволила к 1 января 1912 года иметь в банках проценты с этого капитала в сумме 1.153.991 руб. 56 коп.

Для перевооружения Особый комитет

избрал тип быстроходного минного крейсера с водоизмещением от 500 до 615 тонн, строго придерживаясь однотипности для упрощения судового снабжения и боевого вооружения.

Так сооружен был минный флот в составе 18 крейсеров: "Войсковой", "Стерегущий", "Страшный", "Донской Казак", "Москвитянин", "Доброволец", "Сибирский Стрелок", "Пограничник", "Охотник" и т.д.

Кроме того на пожертвованные деньги построены 4 подводные лодки: "Фельдмаршал Граф Шереметьев", "Почтовый", "КЭТА" и "Лейтенант Боткин".

Деятельность комитета по кораблестроению закончилась в августе 1912 года сдачей Морскому Министерству эскадренного миноносца "Новик", который по своей скорости на то время не имел себе равных в мире. Об этом нам поведал одно антикварное издание – "Русский морской и воздушный флот, сооруженный на добровольные пожертвования". Издание и иллюстрации С.В.Животовского. С.-Петербург. 1913 г.

«...ВКУСИХ МАЛО МЕДУ, И СЕ АЗ УМИРАЮ»

Из книги воспоминаний о Костроме и костромичах

Александр Лаговский.
Рисунок 1962 г.

Александр Викторович Лаговский принадлежит к одной из известных костромских фамилий, составлявших цвет русской интеллигенции на протяжении нескольких веков.

Родился он в Костроме в 1891 году в семье Виктора Никаноровича Лаговского, преподавателя математики Костромской духовной семинарии и Григоровской женской гимназии.

Закончив в 1909 году с золотой медалью Первую костромскую гимназию, он избрал профессию юриста и поступил на юридический факультет Московского университета. После окончания его работал в окружном суде, а с образованием Костромской области — в областной прокуратуре. Мемуары, захватывающие конец прошлого века и начало и середину века нынешнего, передала редакции его дочь, Людмила Александровна Лаговская-Баженова. Кроме этой живо написанной, интересной своими подробностями книги воспоминаний в доме Лаговских-Баженовых хранится много других семейных реликвий. В том числе, редкое издание книги, выпущенной к 300-летию Дома Романовых, книги Ивана Васильевича Баженова с описанием древностей Анастасиино-Богоявленского монастыря. Автор лично преподнес ее Государю в дни его пребывания в Костроме.

ДЕТСТВО

Минуло 80 лет, а я все еще ясно помню, что происходило со мной, двухлетним ребенком, глубокой зимней ночью на нашей квартире на углу улицы Пятницкой, чудом сохранившей свое название, и Царевской улицы по имени церкви царя Константина, что стояла в третьем квартале от площади и была в свое время разрушена, а улица переименована в Пролетарскую, затем в улицу Текстильщиков и, наконец, возведена в ранг проспекта.

Очевидно, у меня резались зубы, сопровождалось это пла-

чем, капризами, уснуть я не мог, несмотря на все старания моей матушки Людмилы Кузьминичны. Среди ночи ее сменил отец — няни в то время в семье не было, а старшей моей сестре было всего около десяти лет, и она — не помощница. Отец, одетый в темно-зеленый халат, держит меня на руках и ходит по большой, в три окна, комнате, слабо освещаемой маленькой керосиновой лампочкой, стоящей на обеденном столе. Комната одновременно играла роль и столовой, и зала. Висячая лампа под белым стеклянным абажуром не зажжена. Полумрак. В

переднем углу на полу стоит фикус, его крупные, продолговатые листья привлекают мое внимание, и отец позволяет мне дотянуться до них рукой, что я и делаю, уже засыпая. Через 8 лет этот фикус, которому станет уже тесно в частной квартире, будет подарен отцом в музыкальную школу, где он украшал эстраду большого концертного зала.

В той же нашей квартире года два-три проживал в качестве квартиранта с полным пансионом воспитанник старших классов семинарии Миша Клиентов, сын Кинешемского протопопа,

настоятеля собора. (После него протопопом стал отец другого ученика семинарии – в будущем маршала Советского Союза Малиновского, дальние родственники его и поныне живут в Костроме).

Ванны в доме не было, взрослые пользовались баней, а для меня существовало личное корыто. Самое мытье происходило на лежанке в комнате Миши, как наиболее теплой. Хозяин комнаты меня очень стеснял, а когда через год меня возили в санках по женским дням в семинарскую баню и сажали на одну скамейку с моей ровесницей, дочкой ректора семинарии отца Ивана Сырцова, мне это казалось нормальным.

Возвращаясь домой с Набережной улицы (теперь улица 1 Мая) при пересечении Мшанской (теперь улица Островского) против церкви Богоотцов, еще существовавшей, делали мы остановку в булочной Панкова, чтобы купить для меня сдобную булку в виде премии за поездку в баню. Старшая дочь хозяйина булочница Анна Михайловна, окончив еще до революции высшие женские московские курсы и получив звание биолога, вышла замуж за земского врача в Кинешемском уезде Константина Анатольевича Доброхотова. В первую германскую войну он служил врачом в кавалерийском полку, во вторую империалистическую войну – начальником госпиталя. Считался хорошим диагностом и был по дружбе как бы нашим домашним врачом. Жили Доброхоты в собственной половине двухэтажного дома по Комсомольской улице. Сдав городу свою половину дома и с грустью покинув свой любовно ухоженный сад, они переехали в коммунальную трехкомнатную квартиру в новом доме на Осыпной улице. Этот переезд выбил Константина Анатольевича из привычной

для него обстановки, и он, прожив в коммунальной со всеми удобствами квартире года два, скончался в 1973 г. в почтенном возрасте 89 лет.

Помню еще как меня, одетого в светлый байковый халатик, ставили на широченный подоконник, лицом на Пятницкую улицу, и я рассыпал всем проходящим воздушные поцелуи, благо окно лишь немного возвышалось над тротуаром. На нашей же улице, на берегу Волги была женская гимназия и при ней "Романовский пансион для девиц благородного звания". Очевидно, предполагалось, что там будут только дворянки, но в действительности было не так. Нужны деньги, а не происхождение. Солигаличский сплавщик леса, отправляя своих дочерей в единственную на всю губернию женскую гимназию, помещал их там же и в пансион. Их облачали в особую для входящих девочек форму – белый корсаж, белые нарукавники и белые пелеринки. На прогулки под присмотром класной дамы выводили парами, одетых в какие-то допотопного фасона пальто и шляпы пирожком. В пути не только со встречающими,

но и между собой никакие разговоры им не разрешались. Когда такая торжественная процессия проплывала мимо моего заветного окна, тут уж приходилось поторапливаться, чтобы воздушных поцелуев хватило на всех.

Игрушек у меня было немного, и то преимущественно домашнего производства. На шнурок нанизывались деревянные катушки, освободившиеся после рукоделий и шитья матушки на машинке. Такая гирлянда одевалась через голову и должна была обозначать то ли орарь дьякона, то ли епитрахиль священника. На плечи накидывался платок – это уже риза, и можно было приступать к действию: раскланиваться во все стороны и кричать изо всех силенок: "бай Коль". Все это должно было изображать молебен и возглас "Святителю отче Николае, моли Бога о нас". Современной молодежи все это совершенно неинтересно, но для людей моего возраста вполне понятно. Отец мой, хотя и окончил физико-математический факультет С.-Петербургского университета со степенью кандидата наук, но первоначальное образование получил в духовном училище и семинарии, сбежав после четвертого класса семинарии. А матушка среднее образование получила в Ярославском закрытом училище для девиц духовного звания, откуда за весь курс даже на летние каникулы отпускали к родителям лишь один раз на два месяца.

Дед мой со стороны отца был дьяконом беднейшего прихода Троице-Чудца Галичского уезда (недалеко от усадьбы господ Рылеевых). Разумеется, дед Никанор Алексеевич не мог никак помочь своим сыновьям оставить духовную среду и получить светское образование. Все трое своим горбом добились высшего университетского – отец стал

Александр у четыре года.
Череповец. 1895 г.

математиком, дядюшка Петр Никанорович – филологом и Федор Никанорович – юристом. У дядюшки Федора было увлечение музыкой. Имея абсолютный слух, он собирал народные песни Костромской, Вологодской, Владимирской и Ярославской губерний. Нотные записи и текст песен были в двух тетрадях дважды изданы: первый раз в Череповце, где дядя служил, и второй раз – в Костроме. Архивной комиссией по предложению отца, состоявшего членом этой комиссии. Полные экземпляры изданий хранятся в библиотеках – Ипатьевского заповедника и Костромской областной научной. Экземпляр сборников дочь автора, Анна Федоровна Лаговская, проработавшая после окончания Петербургской консерватории 50 лет преподавателем по классу фортепиано в Самарском-Куйбышевском музыкальном училище, передала композитору Кабалевскому для включения в предполагаемое многотомное издание народных песен.

Но мои "бай Коль" были ничто в сравнении с происходившим в семье учителя Фрязинова. Его старший сын Сережа

в возрасте 4 лет знал наизусть многие церковные службы, любимой игрой его было полностью распевать за священника, дьякона и за хор. Мне и его младшему брату Владимиру вручались колокольчики, мы, не считаясь ни с чем, звонили напропалую, но Сережа считал то нарушением порядка и пугал меня словами: "Шуа, хочешь я тебя посажу на паатак?" (Сережа был несколько косноязычен и остался таким навсегда). Однако, мне такая перспектива – оказаться на потолке – не нравилась. Заключался мир: мы с Володей оставляли в покое колокольчики, а Сережа прекращал "службу". Сережа был несомненным феноменом, и о нем надо сказать несколько слов подробнее. В гимназии за все 8 лет он ни разу не получал отметки ниже пятерки, за что и получил прозвище "Балда". Когда он пришел в класс с подаренными ему родителями часами, то ребята в первый же день сочли необходимым удостовериться, что внутри часов есть какой-то механизм. Неплохо было бы разобрать. Это к воеводу всего I отделения, где учился Сережа, и было сделано.

Сережа после уроков принес домой немного, что осталось от часов, но это его ничуть не огорчило. Он знал наперечет всех архиереев в России. Он самостоятельно выучил греческий язык, который в гимназии не преподавали, и выучил настолько досконально, что был как уникум представлен какому-то приезжавшему в Кострому заграничному иерарху, и беседовал с ним "запросто". Золотая гимназическая медаль была для него в порядке вещей, но он ухитрился (нет, это не то слово!) и в университете на филологическом факультете получить золотую медаль.

По воскресеньям у нас появлялась в гостях девочка 8-9 лет Саша Кардакова, круглая сирота, воспитывавшаяся в Мариинском детском приюте, который был в первом квартале бывшей Никольской, а ныне Свердловской улицы. Саша прекрасно ко мне относилась, придумывала игры, и для нее-то самой интересные. Весной, когда на дворе Саша находила какую-нибудь лужицу, там появлялся пустой ящик или большая коробка, – это парход. Меня производили в офицеры, в знак чего на голову мне одевалась лубяная корзиночка из-под пирожного. Пирожные покупались по праздникам предпочтительно в кондитерской немца Тарнера на Русин-Советской улице. По качеству и разнообразию товаров эта костромская кондитерская, пожалуй, не уступала московской, на углу Петровки и Кузнецкого моста – знаменитой Трамбле. В один из приходов к нам Саши ей пришла мысль поиграть в дикарей-людоедов. На людей-то мы не кидались, но косточки от отбивных котлет выпрашивали у кухарки и дочиста обглаживали их, спрятавшись во дворе за дровяником. Там нас и нашла матушка. Саша говорила, что мы были

Ул. Покровская. (Энгельса, 25). Дом, где жили Лаговские. 1900 г.

преданы кухаркой. Саше было строго объявлено, что ее из приюта никогда больше не возьмут, если она не бросит подобных игр. Судьба связала нашу семью с Александрой Порфирьевной Кардаковой, позднее Богородской, на долгие годы. По окончании приюта Саша получила права учительницы сельской школы, и моя матушка устроила ее у себя на родине в Череповецком уезде в церковно-приходскую школу в селе Нелазском. Проработав там несколько лет и серьезно подготовившись, Саша поступила в педагогический институт в Москве, в Грузинах, а через 4 года обосновалась вместе с мужем в Костроме. Семейная ее жизнь не заладилась из-за болезненно ревнивого характера мужа, и она вскоре после революции скрылась от него. Мы-то знали, что она уехала в Москву, но мужу ее отказали в его попытках узнать московский адрес Саши. Прописаться в столице тогда было чрезвычайно трудно: все зависело от одного весьма авторитетного товарища. Явившись к нему на прием, Саша разрешения не получила но... стащила со стола чистый бланк разрешения, прописалась, поступила на работу и тогда опять явилась к тому авторитетному товарищу и, сознавшись во всем, просила прощения. Его она получила. Далее пошла техническая работа в обществе старых большевиков, затем секретарем у Яна Полуяна. Не помню его должности, но она какая-то весьма высокая и, наконец, Саша получила то, чего ей и было надо: должность воспитательницы в единственном экспериментальном Доме художественного воспитания детей с комнатой в том же доме. Через несколько лет Дом художественного воспитания был выведен в другое место, а комната за Сашей так и осталась. Там у "тети" Саши и про-

Никанор Алексеевич и Вера Ивановна Лаговские,
дядя и бабушка автора мемуаров. 1870-е годы.

жила 4 года моя дочь Людочка, будучи студенткой юридического факультета МГУ.

Кроме Саши Кардаковой у нас на квартире привечали еще одну девочку, подругу по гимназии моей старшей сестры — Наташу Болсунову, воспитанницу гимназического пансиона. Наташа очень гордилась тем, что она дворянка, записана в какой-то пятой книге (я и до сих пор не знаю, что это такое). У ее предков было огромное имение в Буйском уезде, отца уже не было, а мать со своими не совсем полноценными 2 сыновьями ютилась где-то в районе Медного пруда, теперь засыпанного. Существовали на средства от содержания квартирантов, почему-то всегда почтовых одиноких чиновников. Вероятно, оказывал материальную помощь и предводитель дворянства. С этой Наташей, впоследствии Натальей Павловной, связи тоже сохранялись до самой ее смерти. Если Саша, педагог, имела способности и как художница, то Наташа, обладая прекрасным голосом, увлекалась музыкой, была регентом пансионского хора, будучи уже взро-

лой, выступала на любительских концертах и тоже любительских постановках опер в городском театре. Мне кажется, что слова "любительский" концерт более правильно отражает существо дела, чем слово "самодеятельный". Например, что значит самодеятельный художник? Художник есть и остается художником при всех обстоятельствах.

По окончании гимназии Наташа служила (более точное выражение, чем работала) классной дамой в Нерехтской и Костромской гимназиях. Мои внучки, не понимая, что это за должность такая, просили объяснений, и я, полагая, что все внучата всех моих ровесников тоже окажутся в блаженном неведении, уточняю: классная дама — это воспитательница в женских гимназиях и институтах, обязанная присутствовать на всех уроках, которые ведут преподаватели мужчины. Если преподаватель женщина, то присутствие классной дамы не обязательно. Сидели эти дамы где-то в сторонке за отдельным столиком, может быть, занимались рукоделием, но в то же

время внимательно следили за поведением учениц, не вмешиваясь, разумеется, в само проведение урока. После революции Наташа, которая в нашей семье именовалась уже тетей Наташей, вышла замуж за адвоката Клирикова, с ним вместе переехала в Москву, где ее муж стал консультантом в государственном арбитраже. Когда он умер, тетя Наташа получила пенсию республиканского значения, чем очень гордилась, как в свое время и дворянством. Проживала она в коммунальной квартире на Петровке, где во время моих командировок в Москву и принимала меня, а я за это подсовывал ей под чайный поднос свои суточные деньги. Наташа и Саша поддерживали между собой тесные дружественные связи и всегда с большой теплотой и благодарностью вспоминали моих родителей, как своих бескорыстных шефов.

Надо сказать и о хозяйине дома. Это был купец Калашников, немолодой, высокий, с черной бородой. Одевался он в темного цвета поддевку и сапоги. Являясь к отцу за квартирной платой, держался с достоинством. Сколько ему платили за четыре комнаты с кухней, парадным и черным ходом — не знаю, но из позднейших слов родителей было видно, что домовладелец наш не подходил к обычному типу хозяев. Перед тем, как нам летом уезжать на два месяца в деревню, обычно на родину матушки в село Даргун Череповецкого уезда, Калашников предлагал родителям выбрать в магазине обои для каждой комнаты, образцы передать ему вместе с ключом от квартиры в день отъезда с тем, чтобы он мог прислать маляров, и все бы было готово к нашему возвращению. Вся обстановка оставалась в квартире в полной сохранности "на веру". Предусматривался ли особый

Родители: Виктор Никанорович и Людмила Кузминична Лаговские, и их старшая дочь. 1914 г.

расчет за это или же расходы включены были в квартплату — я не узнал и позднее. Двор содержался распоряжением хозяина в образцовом виде, а поскольку он был невелик, то снег с него время от времени вывозился на Волгу. Это мне памятно из-за такого случая. К обеду было приготовлено мороженое, специальная плотно закрывающаяся мороженица была закопана на дворе в снег. Мне, естественно, не терпелось дожидаться десерта, но ждать нам всем пришлось долго: не только мороженицы на дворе, но и снегу, куда она была закопана, не оказалось. Возчики охотно показали место, куда возили снег, сами же его раскопали и нашли мороженицу в неприкосновенности, за что и были отцом чем-то премированы. Внимание домохозяина к своим постояльцам и прислуге выразилось еще в том, что помойная яма была оборудована особым приспособлением для крышки: была она тяжелая, поднимать ее трудно вручную, и был приспособлен блок с камнем-противовесом. Стоило слегка нажать на него, и крышка поднималась. Наша весьма не-

молодая кухарка не могла нарадоваться и расхваливала хозяйина.

Жили мы тут года четыре, но, очевидно, квартира понадобилась самому хозяину или он захотел сдать ее кому-то другому, и отцу ничего не оставалось, как безропотно подчиниться, т.к. в те времена домовладелец был полным хозяином. Переехали мы на теперешнюю Комсомольскую улицу, почти против Кадыевского переулка. Жили там недолго, не более 2 лет. Необычно для нашей семьи звучало имя одного из сыновей хозяйки — "Жорж". Учился он в реальном училище, мне он покровительствовал и не дразнил меня, что я играл в куклы. Подарил он мне крестовку. Когда я пытался ее запустить на улице и подвергся налету каких-то незнакомых мальчиков, вот тогда и пришел ко мне на помощь Андриюша Рыбников. Он уже был гимназистом I класса, ходил в форме и жил рядом с нами в доме своего отца. Потом уж мне стало известно, что его отец был старшим приказчиком или управляющим в магазине богатого купца. У Андриюши,

который стал, выражаясь современным языком, шефствовать надо мной, было несколько старших братьев и сестер, и у всех у них оказались впоследствии разные профессии – инженера, юриста, врача, а сам Андрей Владимирович стал учителем-математиком. Жена его, Сусанна, была подругой моей старшей сестры по Бестужевским женским курсам. Домами мы не были знакомы, но при случайных встречах надолго задерживались. И вспоминали запуски крестовок на тихом Кадыевском переулке. Старший брат Андрея Владимировича – врач, был известен как крупный специалист-терапевт и еще необычной продолжительностью приемов своих пациентов. Попастъ к нему можно было по предварительной записи чуть ли не за месяц. Был однажды прием больного, которого доктор обследовал 905 часов. Сестра моя попала как-то на прием и очень долго не возвращалась домой, а мы, не зная манеры врача беседовать с больным, забеспокоились и ходили на выручку, т.к. телефона у доктора не было. Злые языки утверждали, что такие порядки были простой рекламой. Не знаю...

Квартира у вдовы Промптовой была случайной для нашей семьи: всего три маленьких и низких комнатки. Вскоре нашлась другая квартира, а искали их по небольшим бумажным в 1/8 листа наклейкам на воротах и на окнах. Двухэтажный каменный дом на той же улице и на углу Верхненабережной. Ее позднее переименовали на "1-е Мая", как и Нижненабережную переделали в Лесную, хотя там никогда не бывало ни лесных складов, ни лесопилок, а все они располагались по реке Костромке именно по Верхненабережной. Совсем необоснованно улицу "Нижняя дебря" горисполком переименовал в улицу

Кооперации, лишь потому, что случайно на ней в каком-то старом доме устроилось правление облпотребсоюза. Но для истории Костромы Нижняя дебря не погибла, т.к. под этим заголовком Хабаровское издательство выпустило интересную книгу нашего земляка, старого гимназиста Иванова. Там повествуется о событиях 1905 года в Костроме. Книга эта есть и в областной библиотеке, и в Ипатьевском заповеднике. Надо сказать, что автор, создавая книгу вдали от родного города, допустил некоторые неточности, на которые очень подробно указал на полях личного своего экземпляра книги Николай Федорович Иорданский.

Мне удалось сохранить стихи неизвестного автора, гимназиста, относящиеся к бурным временам 1905 года. Одно из них начиналось так:

*Скоро погибнет гимназия наша,
Барин Сережа умрет,
Умрут педагоги тираны и т.д.*

Гекзаметр выдержал строго, стихотворение большое. Под барином Сережей подразумевается директор гимназии Сергей Павлович Лебедев, чрезвычайно представительной наружности, стройный, несмотря на свои почтенные годы, седеющий мужчина. Вид у него действительно был как у старого сановника-барина, хотя по своему происхождению он никакого отношения к аристократии не имел. Он никогда никого из гимназистов не наказывал, хотя бы оставляя "без обеда", – этим занимались инспектора. Его уважали и при нем подтягивались. Как-то после пятого урока старшеклассники выпрашивали у малышей их заплечные ранцы для книг, чтобы донести их по двору за ворота мимо гулявшего по двору директора. Дело в том, что старшие гнушались ходить по городу с заплечными

ранцами и носили книги и тетради просто в руках или за бортом шинели, а тут хотели щегольнуть перед директором своей дисциплинированностью.

Отдал я в библиотеку заповедника кроме стихов гимназиста еще два стихотворных произведения: "Медный пруд" и "Сашка" – о шалопае-гимназисте Коновалове (фамилия не упоминалась, но все знали, о ком речь). Это был сынок миллионера, Кинешемского фабриканта. Если не ошибаюсь, он был министром финансов при Временном правительстве Керенского. Громадный особняк Коноваловский был на Большой Никитской, за Никитскими воротами. После революции там помещалось какое-то учреждение.

...На новой квартире у Кореновкиной семья наша выросла на одного человека: у нас стала жить очень немолодая девушка, племянница отца – Саша Покровская. Откуда она приехала, чья дочь и какая степень родства с нами – не знаю. Вообще дело было поставлено так, что приезжали к нам родные обоих родителей, и для всех прием оказывался радушный, несмотря на то, были это родственники отца или мамы. Слышал, что где-то в Костромской губернии были родственники Островские, а в Богоявленском монастыре в Костроме жила почтенных лет, уже постриженная монашина, тетюшка Татьяна, фамилии таким монашинам сохранять не полагалось. Ходила она в клубе с длинным черным шлейфом, жила в отдельной келье – просторной светлой комнате, в ее распоряжении была молодая послушница. Меня ребенком приводили к тетюшке Татьяне один раз, а она бывала у нас несколько раз, чтобы занести в подарок самодельные бумажные цветы для пасхальных куличей и получить в свою очередь крашенные яйца и кулич. Когда и где

умерла матушка Татьяна, слышно не было.

Кстати еще об одном, таинственного происхождения, родственнике. Сергей Сергеевич Моисеев служил скромным чиновником в губернском правлении, жил где-то по Павловской улице (проспект Мира) на квартире один, холостяком. Когда он приходил к нам; то назвал отца дядюшкой. Что мне запомнилось, так это большой белый ухоженный пудель Сергея Сергеевича, сопровождавший хозяина. Среди различных номеров, исполнявшихся умным псом, был следующий: Сергей Сергеевич, сидя с нами за обеденным столом, громко говорит: "У меня нет лакея!" Маркиз немедленно прибегал из передней, где ему приказано было ждать хозяина, становился на задние лапы за стулом Сергея Сергеевича, а передние лапы клал на спинку стула, ожидая дальнейших распоряжений. Когда у нас появился свой пудель, мы его также называли Маркизом. Сергей Сергеевич женился на дочери помещика Тихменева, Анне Дмитриевне.

После 1905 года тип старых полицмейстеров был уже нетерпим, и полицмейстером был назначен тишайший С.С.Моисеев. В этой должности он встретил февральскую революцию. Сменил его, уже в качестве начальника милиции, капитан 202 пехотного запасного полка Бакрадзе. Не за что было самому Моисееву и его большой семье подвергаться каким-либо репрессиям и после Октябрьской революции. Освободив казенную квартиру над управлением, уже

милиции, Моисеевы несколько лет жили в частном доме на Смоленской улице, переехали в Ленинград, где и умерли и где их дети и внуки здравствуют и работают в качестве врачей, инженеров, пережив и тяжелые времена блокады. Очевидно, Анна Дмитриевна была дворянка и потому могла поместить

Александр Лаговский – гимназист.
Кострома. 1908 г.

свою вторую дочь Варю в Московский Екатерининский институт. Когда я был студентом и жил в Москве, мне было поручено навестить Варю в день годового институтского праздника (5.XII, считая по новому стилю). Отправился туда днем с коробкой конфет. Еще подходя к зданию института, понял, что напрасно пошел в форменном студенческом сюртуке, а не в

курточке: карет у подъезда целая вереница, швейцар в расшитой ливрее. Он первый и допрашивал меня, кто и к кому. Затем в вестибюле появилась классная дама, пожелавшая узнать, кем я прихожусь воспитаннице пансионерке Моисеевой. Пришлось для верности откомендоваться двоюродным

братом. Затем меня провели в огромный зал, где за разбросанными столиками происходили свидания с институтками. Коробку-подарок у меня та же воспитательница, что привела в зал, отобрала, объяснив, что сама вручит ее девочке, предварительно ознакомившись с содержанием, и предложила немного подождать. Я остановился около окна, но ко мне сейчас же подошла другая воспитательница, очевидно, дежурная по залу, и заявила, что стоять нельзя, и я должен где-нибудь присесть и ждать, когда девочку приведут. Варя оказалась грустным заморышем-цыпленком. Сразу было видно, что ей режим института после свободы в Костроме и в Юрьевце, где одно время служил ее отец, пришелся не по душе. Поговорили мы очень недолго, сказала разница в наших годах.

"Передайте папе с мамой, чтобы забрали меня домой, писать мне самой об этом нельзя". Просьбу ее исполнили, и Варя через несколько лет превратилась в исключительно красивую, цветущую девушку с прекрасным легким характером.

Продолжение следует.

Обычаи и обряды

МАСЛЕНИЦЫ БОЙКОЎ ЗАКУМЕТ ШИРОКИЙ ПУР...

В Буйском уезде особенно широко и разгульно праздновали масленицу в селе Борок и его окрестностях. Для того чтобы праздник прошел по всем правилам, к нему готовились загодя, и у каждого в большой крестьянской семье было свое дело. Старшие мужики чинили праздничные "саночки" и всевозможные приспособления для катания с гор. Каждому отцу семейства отрадно было видеть в праздничном санном поезде свой ярко украшенные и хорошо отлаженные "саночки". А детворе нужно, чтобы к масленице были у нее на ходу "покатули" и "ледянки". "Ледянки" надо было смазать навозом, залить водой и дать им хорошо заledenеть. А сколько было забот с лошадыю! И сама она должна быть ухожена, и о "сбруе под серебро", о колокольцах и расписной дуге побеспокоиться. Все чистили и ладили к празднику.

Хозяйки же в первую очередь беспокоились о том, чтобы угощения было достаточно: в масленую неделю могли прийти не только званые гости, но и ряженые, и детишки гурьбой забежать, и молодежь целой толпой завалиться "окликать молодых", и никого хозяйка не могла опустить без традиционного блина, куска пирога, а старших и без ковша пива. Для этого с осени приберегали хорошей муки (мука делилась на три сорта: "голубая", "красная" и самая ценная —

"крупчатка"), вот ее-то и старались сберечь для масленой недели.

У молодых девиц свои заботы: они шьют или обновляют старые наряды. Ведь для молодежи главное на празднике — себя показать да других посмотреть. А еще молодежь собирает дрова для "тепенок". В одних деревнях специально ездили в лес и рубили там "овинники". Их складывали "колодцем", а внутрь бросали всякий хлам. В других деревнях собирали старые сани, ставили их шалашом, а наверх втыкали старые сапоги, а на самую верхушку на длинном шесте вешали почему-то непременно "пестер". Все "тепенки" внутри заполнялись толстыми кряжами и вышедшей из употребления одеждой и утварью. Вся деревня бурлила в праздничной суете.

И вот долгожданное первое воскресенье праздника. В селе Борок называлось оно "закатушим", потому что с этого дня начиналось всеобщее катание по деревне и с гор. По всему Буйскому району самым распространенным приспособлением для катания был "козел" или "конек". Это нехитро устроенные санки, в которых и по деревенской улице можно было с ветерком девку прокатить, и с горы мчаться вместе с нею. Делались они из широкой доски с загнутым "носом", со скамеечкой посередине доски. К носу "козла" прикрепляли две длинные жердочки, за которые и держался катающий, а разогнав санки,

он и сам становился позади сидящего на скамеечке. Делали "козлы" и со скамеечкой для троих, а вот на "коньке" могли усесться одновременно и десять человек.

Дети предпочитали простые в обращении "ледянки" (выдолбленные из дерева в виде широкой овальной доски, низ которой и заливался водой) и "покатули" (металлический прут так изогнутый, чтобы удобно было на нем стоять и за него держаться).

Возле каждого села и деревни был овраг, который на время масленой недели превращался в гору всеобщего веселья и шалостей. В "закатушее" воскресенье собирались на этой горе все от мала до велика. Сюда спешил и деревенский гармонист, ни одно катание не обходилось без частушек:

Куда, товарищ, запрягаешь

Голубые саночки?

Не жениться ли задумал? —

Пожалей гуляночки.

А неподалеку от этой горы растлали большим кругом солону. Здесь заводили игры, здесь же устанавливали и качели. В борковской стороне строили широкую и высокую качель — с дом высотой. К лавке привязывали две веревки, за которые и раскачивали качели. А.Н.Сизова вспоминает: "Насадят целую качелью девок и раскачают так, что выше деревьев летишь, словно птица, а сердце так и замирает."

Потом качель посадят, начинаем песни петь, да все долгие, протяжные..."

А в елегинской стороне качели делали другие – по типу современного "чертова колеса".

Порядок гуляний в каждой округе был обычно расписан по дням. Например, по словам жительницы села Борок А.Н.Сизовой, здесь гуляли масленицу так: первое воскресенье в Мясокусове, понедельник в д.Головинское, вторник – в Высокове и Чумсанове, среду – в Гольцово и Илюхове, четверг – в Косинском, пятницу – в Высокове, субботу – в Пакшине, а воскресенье – в Борке. Но был еще и семейный порядок гостевания. С понедельника по среду "молодые" (молодожены) ехали гостить к родителям жены ("на лепешки к теще"), в четверг они ездили по гостям к тем, кто гулял у них на свадьбе. В пятницу и субботу "молодые" принимали гостей у себя: с "отданием" приезжали к ним не только родные, но и свадебные гости.

Заведено было и ходить в гости к соседям. Если не зайти и не отведать масленичного угощения, соседи могли обидеться.

Первое воскресенье масленой недели, как вспоминают в Борке, называли еще в здешней стороне и "мясокусным": "В это воскресенье еще можно было вдоволь наесться мяса (заговлялись в масленицу только на мясо), а еще в борковской округе ездили в этот день гулять в деревню, которая так называлась – "Мясокусово".

В некоторых деревнях хозяева у дома сжигали старую корзину или лапоть и приговаривали при этом: "Мясо горит, мясо горит!" Вдоволь накормив свою семью и гостей мясом, хозяйка собирала все косточки и остатки мяса и выносила их из избы, после этого чисто-начисто мыла посуду, "чтобы в избе и духа мясного не было".

В масленую неделю с понедельника по четверг вся молодежь собиралась в "кортмленной" избе на "вечерину". Главным на таких беседах было "гуляние кадрили". Это по

всему Буйскому уезду, а вот сама кадрили в разных местах называлась по-своему: "козуля", "сени", "чижик", "гулящего".

Рассказывает 83-летняя А.А.Тимофеева (д. Лоходомово): "В борковской и боковской стороне гуляли "сени" – пятизарядную кадрили. Первая – "загул": парни выходили на середину избы и приглашали всех девушек по очереди. Пока парень не переберет всех девок, "загул" не кончался. Его плясали под песенку:

*С милым сени танцевала,
Крепко милый ручку ждал.
Я в любви не признавалась.
Появился в лице жар.
В лице жар не опадает,
Милый за руку берет,
Милый за руку берет,
Танцевать со мной идет...*

Парни девушек вызывали щелчком пальцев. А на остальные четыре "заряда" парень вызывал уже девушку, за которой ухаживал, как говорили, "гулять на всю". Теперь приглашали уже хлопком в ладоши, а заканчивали каждый "заряд" щелчком каблука об пол. После кадрили начинались игры." А в деревне Илюно показали нам и другой популярный на "вечеринах" танец "хобарь"...

Весело проходили в масленицу и домашние вечера, особенно если в доме родителей гостили "молодые". Со всего села заходили соседи на блины, но не столько хотелось уго-

щения отведать, сколько поглядеть на "молодую". А молодежь забегала в такие дома "окликать молодых". Завалившись толпой, спрашивали: "Любит ли молодой молодую?" Молодожены в ответ выходили на середину избы и целовались без передыха двенадцать раз, а гости вслух считали поцелуи.

Ходили по домам и ряженые, надевали на себя что смешнее. Рядились чаще цыганами. А то просто выворачивали "шубняки" назнанку, мазались сажей, брали с собой мешок и просили подаяние: то "муж пропился", то "ребенку на кашку", а то "цыгане все скрали". Если кто-то не подавал, то ряженые потом, придя на вечерину, при всех начинали хулить скупых хозяев: "А Марья-то хозяйка зятя кормит: оловянная сковорода да чугунные яйца".

Но это случалось нечасто, обычно, в какой дом ни войдешь, везде тебя встретят приветливо: "Доброго здоровья! С масленой вас! Милости просим. Чем богаты, тем и рады. Отведайте-откушайте!.. Перед постом не грех наесться и впрок..."

Мужики старались не пропустить ни одних званых вечеринок: ведь потом в пост уже не попьешь вдоволь пивка да бражки. И вот, нагулявшись по гостям, частенько приходили домой изрядно навеселе. Утром просили у своей хозяйки самогоночки похмелиться. А хозяйка была не прочь подшутить над своим мужем и на его просьбу отвечала: "Прокатишь вдоль деревни запряженным в саночки – дам бражки ковшик". В масленую допускались такие шутки, и вот муж впрягается в сани и тащит свою поклажу вдоль деревни, а жена прикрикивает на него, да еще и подхлестывает – погоняет. Но уж потом мужик получал свой честно заработанный ковш браги или стакан самогона.

За весельем незаметно подходило последнее воскресенье масленой недели. Оно называлось "заговенье на молоко".

С утра мужики готовили к празднику лошадей: выездная сбруя вся украшена начищенными до блеска металлическими бляшками, на шею лошади надевали "ожерелок", на которм располагались 12 "шершунчиков"(бубенчиков). По величине они все разные: на загровке самые маленькие, а внизу самые большие. И седелка была сегодня не такая, как будничная, рабочая, а гораздо меньше и изящнее. Она обшивалась красным бархатом, и на четырех ее углах висели пушистые кисточки. Вверху на дуге крепился большой колоколец. Вот и везет парень свою невесту кататься в другое село. А если в семье девушка на выданье, а жениха или брата у нее нет, то на гулянье вез ее отец. "Как же, надо было людям показать, а то могла и в девках засидеться", - вспоминают старожилы. И переливчатый звон колоколов и бубенчиков не смолкал в этот день до позднего вечера. Мужики, пожалевшие детвору, выводили лошадей, запряженную в простые рабочие сани, и туда уже набивалась "шелупень" и сидя и вповалочку – сколько лошадей могла увести. Все ехали поглазеть на гулянье.

По дороге парни устраивали "молодым" засаду: останавливали и спрашивали сначала мужа: "Как зовут твою жену?" Потом жену спрашивали: "Как зовут твоего мужа?" После этого "молодые" должны были стоя целоваться. Если те отказывались, их валяли в снегу и "парили веником" (наспех наломанными ветками) и приговаривали: "Еще веник да голик целоваться вам велит".

Затевали по дороге и игры. Валентина Александровна Соколова помнит игру "Шишки": "По краям дороги раскладывали шишки на расстоянии примерно двух метров друг от друга. Катающиеся должны были на ходу подобрать как можно больше шишек. Потом подсчитывали".

В центре села все собирались у разостланной соломы и у качелей. Там и разворачивалось основное действие праздника. Мужики начинали меряться силой, особенно в перетягивании каната. Вставала обычно одна деревня против другой. Были и хороводные масленичные игры. Одна из них – "Жениться иду". На

соломе играющие образовывали круг. В круге ходил парень и пел:

*Хожу я, гуляю вдоль по корогоду,
Розочка алая.
Хожу, выбираю тестя дорогого,
Розочка алая.*

При этих словах парень берет мужчину из круга, и тот ходит и поет вместе с ним:

*Хожу, выбираю тебе дорогу,
Розочка алая.*

Берет из круга женщину, она тоже ходит и поет вместе с ними, а выбор "родных" продолжается.

*Хожу, выбираю дорогого братца,
Розочка алая.*

*Хожу, выбираю дорогу сестрицу,
Розочка алая.*

*Хожу, выбираю шурина веселого,
Розочка алая.*

*Хожу, выбираю дорогу невесту,
Розочка алая.*

После того как "жених" выбрал себе всю семью, он начинает "дурить" и постепенно прогоняет всех "родственников" обратно в круг:

*Наварю я теста –
прямо тесто в рыло.*

Розочка алая.

*Наварю я пирогов –
прямо тебе сквозь зубов.*

Розочка алая.

*Милый братец, не сердись,
поскорее удались.*

Розочка алая.

*Милая сестрица,
ты нам не жилица*

Розочка алая.

*Оседлаю я коня – шурина со двора,
Розочка алая.*

В конце концов "жених", оставшись только с "невестой", поет вместе с ней:

*Милый, милая, радость дорогая,
Сядем во карету,*

которой здесь нету.

Розочка алая.

Еще одна игра была – "Сына женим". Здесь в круг становились трое: жених, мать и сваха. Они выбирали себе невестку:

Уж мы сына женим,

Сноху приведем,

Свою сношечку

На обман приведем.

– Ты живи, живи, невестка,

Не скупись.

У нас жить хорошо.

Работать легко.

У нас жерновки

Сами мелются.

Перелетовы дровы

Сами посятся,

В печку бросаются,

Без лучины, без огня

Разгораются дрова.

Еще веник да голик

Целоваться вам велит.

Выбранные "жених" с "невестой" целуются...

Вообще в последний день масленицы все старались выплеснуть из себя все веселье. Ведь заговлялись сегодня не только на пищу, но и на гуляночки. Подступал вечер, и как только начинало смеркаться, зажигали большую "тепленку". И весь народ стекался на зарево занимающегося костра. Сюда съезжались праздничные повозки, сбегались ребятишки с горки-ледянки. Возле костра и долгие песни поются, и короткие озорные частушки. У молодежи свои забавы: парни стараются девушек измазать сажей, но и девки не отставали: наваятся на самого заводного парня кучей и измажут ему все лицо. А мазали для того, чтобы потом чище отмыться снегом. Ведь завтра уже наступит "чистый понедельник".

Уже поздним вечером, вдоволь набаловавшись, напевшись и накатавшись, все расходились к последнему обильному ужину. Хозяйка уставляла стол пирогами, сметанниками, блинами с творогом, молоком, а главное место на столе занимала громадная пышная яичница. Отужинав, уже за полночь женская половина принималась за мытье посуды. К "чистому понедельнику" сковородки и чугуны должны блестеть, чтобы блинным духом уже не пахло. "Придет Великий пост – принесет редьки хвост"...

Рассказ о том, как в буйском крае справляли широкую масленицу, со слов старожилы: А.Н.Сизовой, Л.А.Шохиной (с.Борок), А.Ф.Лапшиной (с.Елегино), А.А.Тимофеевой (д.Лоходомово), А.П.Груздевой (д.Махрово), Н.В.Пучковой (с.Елегино), А.Н.Зыриной (с.Контеево), Н.А. и А.Д.Храмцовых (д.Новографское), Е.А.Смирновой, Н.М.Громовой (д.Ильино), Н.А.Новожиловой (д.Мыс), А.Ф.Шаровой, О.К.Куковой и Е.Н.Хаповой (д.Глебовское), Т.И.Смирновой (д.Смольница), В.А.Соколовой (д.Федотово), М.С.Пастуховой (д.Борок) – записала методист центра нестационарных форм работы Буйского райотдела культуры ЛИЛИЯ КОВАЛЕВА.

ДЕТРОДНОЕ

ПОСЛОВИЦЫ, ПЕСНИ

ПОСЛОВИЦЫ

Хоть с себя что заложить, да маслену проводить.

Боится масленая горькой редьки да пареной репы.

Душа моя масленица, перепелиные твои косточки, бумажное твоё тело, сахарные уста, сладкая речь, красная краса, руса коса, тридцати братьев сестра, сорока бабушек внучка, трех матерей дочка, ясочка, ты же моя перепелочка.

Без блина не маслена, без пирога не именишник.

Где блины, тут и мы.

Милости просим к нам об масленице с своим добром, с честным животом.

Сваталась Маланья на масленице, думала-гадала замуж пойти, а того Маланья не ведала, что масленица только ставит молодых на показ.

Не жисть, а масленица.

Не все кому масленица, придет и Великий пост.

Пируй и гуляй, баба, на масленице, а про пост вспоминай.

Масленица семь дней гуляет.

Выпили пиво об масленице, а с похмелья ломало после Радуницы.

ПЕСНИ

СНЕЖКИ БЕЛЫЕ

*Снежки белые, белые пушистые
Призакрыли, призакрыли все поля.
А одно полюшко-поле не покрыто —*

*Горя лютого, горя лютого моего.
В этом полюшке и да кусточек
Одинешенек, одинешенек стоит.
И листочков,*

и листочков нет на ем,

И листочков на этом кусточке.

Мелки птишки,

мелки птишки не поют.

Одна птишка,

одна птишка кенарейка

Мне покоя, мне покоя не дает.

День тоскую, ночь горюю,

Беспрестанно,

беспрестанно слезы лью.

Слезка канет, снег растает.

Тут и вырастет,

тут и вырастет трава.

Никто травинку ту не склонит,

Никто ея, никто ея не согнет,

Никто деревцо это не любит,

Никто замуж,

никто замуж не берет.

Пойду выйду в чистое поле,

Сяду я да сяду я на бугорок.

Погляжу я в ту да сторонку,

Где мой милый,

где мой миленький живет.

ОЙ МНОГО ЗВЕЗДОЧЕК НА НЕБЕ

Ой много звездочек на небе,

Одное яснея нет,

Одное яснея нет.

Да много миленьких на свете,

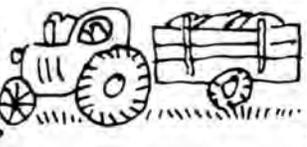
Одного милее нет,

Одного милее нет.

Да вспомни-то мой, мой любезный,

Да нашу прежнюю любовь,

Нашу прежнюю любовь.

КРАСОТЫ СВЕТА

Да мы с тобой мила обещались
Вечно друг друга любить,
Вечно друг друга любить.
Да что же с миленьким случилось —
В один часик изменил,
В один часик изменил.
Да позабыл священну клятву,
Сам женился на другой,
Сам женился на другой.
Да он женился, не спросился
Милой любушки своей.
Да он женился, не спросился,
Не по праву женку взял,
Да не по праву не по мысле
И всему дому не мила,
Да всему дому, всему роду
И всем товарищам-друзьям.
Ой, женись, женись, мой любезный,
Дозволяю я тебе,
Дозволяю я тебе.
Да тебе, милый мой, жениться,
А мне младе помереть,
А мне младе помереть.
Да тебе, милый мой, карету,
Мне тесовый новый гроб,
Мне тесовый новый гроб.
Тебя в церковь — меня в двери
В одно времечко с тобой,
В одно времечко с тобой
Да на тебя венцы наденут,
Надо мной свечи зажгут,
Да надо мной свечи зажгут.
Да тебя, милый, круг проведут,
Мне отходную поют,
Мне отходную поют.
Да настоится, мой хороший
У моих холодных ног.

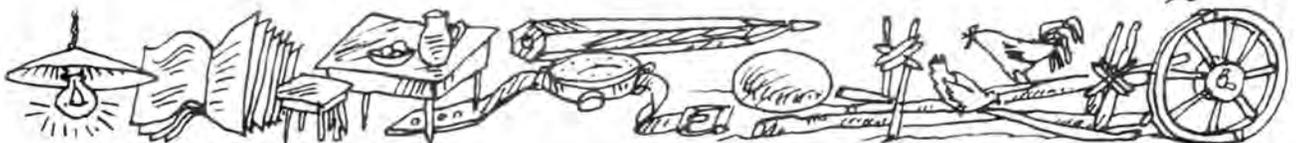
Записано у Н.В.Пучковой,
1912 г.р., с.Елегино.

ВАНЬКА-КЛЮЧНИК

В саду ягодка малинка
Да под кустиком росла.
Да свет княгиня молодая

С князем в тереме жила,
Да свет-княгиня молодая
С князем в тереме жила.
А у князя был слугою
Ванька-ключник молодой,
А у князя был слугою
Ванька-ключник молодой.
Ванька-ключник — злой разлучник
Разлучил князя с женой,
Ванька-ключник — злой разлучник,
Разлучил князя с женой.
Ванька с нянькой разругались,
Нянька князю донесла,
Ванька с нянькой разругались,
Нянька князю донесла.
Князь дознался, догадался,
Посадил Ваньку в тюрьму,
Князь дознался, догадался,
Посадил Ваньку в тюрьму.
Эх, вы слуги, мои слуги,
Слуги верные мои,
Вы сходите приведите
Ваньку-ключника ко мне.
Вот вядут, вядут Ванюшу,
На нем кудри ветер вьет,
На ем белая рубаха
Да к телу белу так и льнет.
— Ты скажи, скажи Ванюша,
Да сколько лет с княгиней жила?
— Я у вас живу три года,
Но с княгиней восемь лет.
Я не даривал княгиню
Не златом и не парчой,
Я задаривал княгиню
Да своим ласковым словцом.
И княгиня ко мне льнула
Да как рубаха ко плечу,
Целовала-миловала,
На постель с собой звала:
— Ты пойдем, пойдем Ванюша,
Спать на князеву кровать.

Записано у Е.Н.Хаповой,
1903 г.р., д.Глубовское.

ПРИБАУТКИ, ПОТЄШКИ, ЧАСТУШКИ

ПРИБАУТКИ, ПОТЄШКИ

Без меня меня женили,
Я на мельнице молот.
Без меня меня венчали,
Я в лесу дрова рубил.
Возвращаюсь я домой,
Поздравляют меня с женой:
Зубы гилы,
Нос толстой,
Сопли тянутся вожжой.

х х х

У меня-то матка рыжа,
Я женился — рыжу взял.
На рыжей лошади катался,
Меня рыжий поп венчал.

х х х

А жил-был бычак,
пестренький бочок,
Хвостик как мочало,
не начать ли нам сначала.

Записано у Е.Н.Хаповой,
1903 г.р., д.Глебовское.

х х х

Во пиру ль была, во беседушке.
Ох, я не мед пила, сладку ль водочку.

Сладку ль водочку, все наливочку
Я пила млада из полуведра.

Я пила млада из полуведра
И от этого не была пьяна.

Темным лесом шла — не шаталася,
Ко двору пришла — пошатилася.

Ко двору пришла — пошатилася,

Эх, за верейошку ухватилася.

Веря моя, верейошечка,
Ты прили меня, бабу пьяную.

Эх, бабу пьяную,
Шельму хмельную.

Записано у Т.И.Смирновой,
1935 г.р., д.Смольница.

Песня вся, песня вся,
Песня кончилася.
Стукнула бабу кулаком,
Баба скорчилася.

Записано у А.Ф.Шаровой, 1917 г.р.

ЧАСТУШКИ

У моей милашечки
Четыре пуда ляшечки,
Полтора пуда хохол —
Поднимается подол.

По деревне срубы рубят,
А меня ребята любят.
Тот тащит, другой тащит,
Только юбочка трещит.

Что ж вы, девушки, стоите,
Что же вы зогочете?
Вы, наверно, как и я,
Трали-вали хотите.

По деревне мы пойдем,
Разговоры заведем,
Чтоб развеять грусть-тоску,
Дайте, девки, по разку.

Краснослове

Позабыл, в какой деревне
Одна девка мне дала...
Коромыслом по затылку —
Затрещала голова.

Не хочу я, девки, замуж,
Ничего я не хочу,
Свою русую кудрявую
Доской заколочу.

Не женитесь, ребята,
Вы годов до сорока.
Я женился взял без титек
И живу без молока.

Полюбила я его,
Думала, учителя,
Вынимает из порток
Своего мучителя.

Гармонист, гармонист,
На тебя не угодишь...
То широка, то мала,
То мохната, то гола.

Старики вы, старики,
Старые вы дьяволы.
Из-за этих дьяволов
Все старухи яловы.

У милого бани нету,
Ходит париться ко мне.
Как залезем оба в печку,
Все смешное на уме.

Я свою корявую
Круглый год корябаю.
Хочу утром, хочу днем,
Хочу вечером с огнем.

У моей милашки ляшки
Сорок восемь десятин.
Без портков в одной рубашке
Обрабатывал один.

Закурю, потом положу
На окошко трубочку.
До свиданья моя совесть —
Я полез под юбочку.

Записано у Н.В.Пучковой,
1912 г.р., с.Елегино.

Ничего что рожь густа,
Густа да умолотиста.
Ничего, что я толста,
Толста да поворотиста.

Мы с залеткой тарь-бары
На сохоте яровой.
Он меня — за шаровары,
Запросилась домой.

Мы девчонки боевые,
Никогда не устаем.
Со работушки приходим —
На гуляночку идем.

Дай милашка подержаться
За твою пуховую.
Не подумайте плохого —
За косянку новую.

Ах, солома, ты солома,
Ты солома белая,
Не рассказывай, солома,
Что я в девках делала.

Сидели юбочку по моде
И сказали: береги.
А мальчишки-хулиганы
Изорвали впереди.

Поиграй повеселее,
Через плечико ремень,
Я твоей игры веселой
Дожидалась целый день.

Записано у Л.А.Шохиной,
1918 г.р., с.Борок.

Материал собран работниками центра нестандартных форм работы Буйского районного отдела культуры.

ВЕСЕННЯЯ ИМПРОВИЗАЦИЯ

В.Я.Игнатьеву

Художник, если он художник,
почти уверен, что и дождик,
крыш завсегда, соглядатай
тайн законных, и хором
владыка, сквознячок, и ветер,
осин и сосен благодетель,
и неба вестник и глашатай,
первоапрельский грозный гром -

все вместе, вчетвером, и каждый
в отдельности и ждут, и жаждут
перенесенья на бумагу,
а заодно на полотно,
и потому любой художник -
пирожник он или сапожник,
не в этом суть - подобен магу,
который помнит лишь одно...

Когда - синь-синь! - звенит синица,
играет грач, скворец резвится,
а чья-то красная девица
поет, шагая за водой, -
какая Русь вокруг! Какая
она - до боли - дорогая!
И как же хочет воплотиться
в тебе, во мне, в девице той!..

Бери мольберт, художник-дока,
и кисть, с которой ты до вздоха
последнего единой связан
веревочкой, и - трогай! в путь!
Скользит весенняя дорога.
Играет грач. Трещит сорока.
А небо... небо - словно ваза
хрустальная, и в этом суть.

Бери его с собой в дорогу.
Садись в небесную пирогу,
в которой солнце выплывает,
как Стенька Разин, на простор,

и - по воздушному потоку!..
Далек твой путь, художник-дока.
Заря-зарница огневая
высоко и высок престол.

А Русь - живая Русь! - трепещет,
о борт ладьи волною плещет,
залпескивает, и волна та
морской, наверное, сродни.
Дрожит раздутый ветром парус,
и никого нет, с кем на пару
струну ослабшего каната
ты мог бы натянуть... А дни

твои день ото дня короче.
Играет грач. Горланит кочет.
И под ударом дружных весел
небесная, морская ль синь
звенит... Так что же ты невесел
и буйну голову повесил,
как будто нет уже ни весен,
ни воскресенья?.. Блудный сын

природы-матери, послушай,
как петуху внимают клуша,
как, все на свете понимая,
резвится озорной скворец.
Играет грач. Звенит синица. -
Синь-синь! - И небо, как страница
звучащая, и лишь - немая -
безмолвствует душа... Творец

всего, что есть в весеннем мире,
забыл ей голос дать, и лирик,
предместье путая с деревней,
с яшницею - Божий дар,
в глухой тоске, в безделье праздном
себя насилует напрасно,
и околдованной царевны
ему не высвободить, стар.

Пока весна-девица пела,
вино души перекипело, -
и пить его, пожалуй, можно,
а петь... а петь нам не дано.
Не тот расклад, не та сноровка,
не та - увь! экипировка
души с ее гордыней ложной,
с ее претензиями... Но...

Играет грач. За перелеском
два раскаленных солнца, блеском
тебя слепящие, - в пространстве
заподнебесном и в волне.
И, красотой поражая,
второе только отражает
то, первое, а ветер странствий
и без вина пьянит вполне.

Не так ли ты, душа немая,
лишь отраженье то, внимая
которой обретаешь голос?
А Русь сияет, словно рай
потерянный!.. Играет грач мой,
смешной трубочкой судьбы незрячей.
Играет грач, и длится соло
трубы ль, судьбы его... Играй!..

МАКАРЬЕВСКИЙ МОНАСТЫРЬ

А.А.Шмелеву

Как Волга-мать, дойдя до устья,
не забывает про исток,
так мы, чей путь порой жесток,
спешим в родное захолустье,
сюда, в российский городок,
к тебе, святитель наш Макарий,
мы верст сто тридцать отмахали,
чтоб поклониться... В полный вздох

здесь дышится... На крутояре
такой немислимый простор,
что близким кажется престол
Творца небес и всякой твари
земной: берез ли, что манят
своею белизной, иль сосен
могучих – вон их, ровно восемь, –
тебя, мой поводырь, меня,

столь суесловного, любого...
И кажется, что белый снег,
запорошивший этот берег,
и тот готов своей любовью
согреть нас, стынущих... Внизу
у покосившейся часовни
бьет ключ, и это безусловней
любого чуда... Как слезу

невинного младенца, воду
ключа того не иссушить
и пить ее, пока нам жить,
пока молиться небосводу
за это право у ключа
стоять и слушать бормотанье
воды, и размышлять о тайне
воды болтливой... У плеча

шагах в пяти звенит синица
и подпевает ей снегирь.
Гонимый веком монастырь,
не пожелавший преклониться
перед жестокостью людей,
разграбленный и разоренный,
но так никем не покоренный,
их слушает. А их удел –

Творца всего привычно славить
за этот снег, за этот день,
за то, что неизвестно где
искать свой хлеб, а каждый вправе
иметь свой хлеб, за то, что нет
гнезда – вороны разорили –
и кроме голоса и крыльев,
нет ничего... А белый снег

так ослепительно сверкает,
а монастырь сей так высок,
такое солнце бьет в висок,
что ни к чему печаль... Веками
не прерывался круг забот,
веками длился поиск хлеба

насущенного, но было небо
у прадедов и дедов, от

которых нам не оторваться
при всем желании... Сюда
в преддверьи Страшного суда
спешим мы, грешные, добраться,
дойти, доехать, добрести –
через снега, через заносы –
чтобы, вступив под эти сосны,
промолвить: "Здравствуй, монастырь

Макарьевский!..." Вдали по Унге
скользит задира-ветерок.
Нахмурившись, в лосиный рог
трубит зима, а ворон ушлый
пытается тот рог стянуть,
но, ухватившись, – "тяжко-тяжко!" –
кричит и падает, бедняжка,
на белый снег... А белый путь

уводит нас все дальше, дальше,
туда, к заснеженным лесам,
и – выше, выше – к небесам,
и белизну, и путь нам давшим.
И кто-то машет нам крылом
белей любого снега, кто-то,
кто выше всякого полета,
зовет нас за собой... Но злом

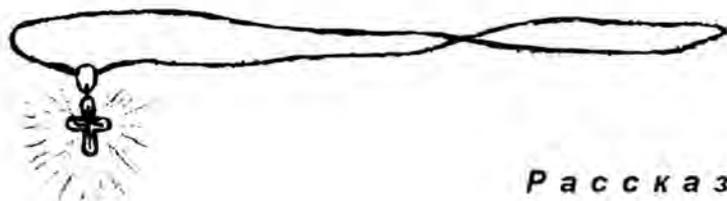
отягощенные, как ворон,
мы падаем на снег – и он
нас всасывает, словно сон,
а все вороны, весь их кворум,
пронзительно орут, когда
мы засыпаем, замерзаем...
Так и замерзнем мы, не зная,
что сердце нам осколком льда

когда-то подменили... Чудо
спасти нас может, и оно,
как ключ Макарьевский, дано
нам, жаждущим, но мы покуда,
былую веру растеряв,
стоим, безверием томимы,
или, спеша, проходим мимо
высоких стен монастыря.

ЭМАЛЕВЫЙ КРЕСТИК

В ПЕТЛИЦЕ

Р а с с к а з

За что я благодарен судьбе — это за хороших людей! Много их встретилось мне — добрых, русских людей. И через них стал я узнавать о старой России. Не знал я в то время, что учебники, по которым мы учились, от корки до корки — ложь. Не знал я ничего ни о храме Христа-Спасителя, ни о мученичестве Церкви Русской, ни об отце Иоанне Кронштадтском, ни о первой мировой войне 1914 года. Не знал я и того, что жили мы во лжи, как в темной ночи...

И постепенно, издалека стала ко мне приближаться та неизвестная, до боли любимая, родная, настоящая Россия, Россия, которой мы не знали.

Любил я ходить к людям "того времени" и засиживался у них до ночи, слушая, затаив дыхание, их рассказы. С пожелтевших, старых фотографий смотрели на меня совсем другие, не похожие на нас люди. И долго я всматривался в их открытые, красивые лица, пытаясь получше разглядеть и запомнить — какие

они, люди той, старой, не знакомой мне России.

И вот однажды, увидел я открытку начала века с изображением солдата и его старой матери. Поначалу не обратил я на нее особого внимания и, осторожно отложив в сторону, принялся рассматривать другое.

Прошло время... и вот я снова смотрю на открытку с солдатом и вижу: солдат-новобранец низко склонил голову, и старая мать одевает ему на шею маленький эмалевый крестик. Под рисунком надпись: "Спаси и Сохрани!"

Долго, неотрывно смотрю я на открытку и вот уже ... будто бы не он, солдат с картинки, а

я ... низко склоняю голову и чуть слышно повторяю: "Спаси и Сохрани!" У Казанской иконы горит лампада, у меня на плече плачет мать, и ее горячие слезы жгут мне щеку. Она до боли сжимает меня в объятиях, и около самого уха я слышу родной материнский шепот: "Спаси и Сохрани! Спаси и Сохрани!..."

Война! Кто думал? Кто ждал? Как скоро миновали те незабвенные дни тринадцатого года. Дни всеобщего ликования и радости, когда Русский Народ с переполненным Любовью сердцем праздновал трехсотлетний юбилей своих Государей.

Какой великий народный подъем! Тысячекратный, оглушительный, несмолкаемый на всю Россию набат "Ура!!!". На всю Россию несмолкаемый золотой колокольный перезвон. И на всю Россию от сердца, искренно, с надеждою молитвенно возносилось: "Боже, Царя храни!" Цветы, улыбки, слезы умиления и снова цветы, цветы...

А сейчас... походная шинель, вещмешок и горячие, сжигающие сердце, материнские слезы. "Я вернусь, мама, я вернусь!"

Война! Прижимаю к груди образок Николая-угодника и трамбую щекой холодную землю под шквальным пулеметным огнем. Леша убит. Царапаю огрызком карандаша: "Вероника!" Здесь на войне понимается все по-иному. Мирное и беззаботное ВЧЕРА стало вдруг дорогим детством, и откуда-то возникло суровое и неизбежное СЕГОДНЯ с настоящей, не игрушечной смертью, болью и страданием.

Ну, вот... одной пулей в этой войне стало меньше — я ранен. Легкая царапина выше колена. Госпиталь. Письмо от Вероники с васильком. Подписываюсь: "Твой Василек!" Ребята подшучивают надо мной, сочинили песню:

*Далек, ты далек, счастливый денек,
Сохнет, дохнет в петлице
синеглазый василек!*

Прозвали меня Васильком. Рана гниет. Я целую твои письма и молю Бога о нашей встрече. Я не умру, потому что есть ты — милая, милая Вероника!

Матери о ноге не пишу. Гангрена... Странно жить без одной ноги. Когда бывают сильные боли, читаю

"Богородицу". Какая ясная, прозрачная осень...
Вспомнились стихи:

*Врубель, надломленный, синий
В криках сиреневых линий.*

Привыкаю к протезу... Внешне почти не заметно, только на улице часто падаю. Да, получается, что я свое уже отвоевал...

Боюсь нашей встречи. Жених без ноги! – Я тебя лю... Твои холодные сжатые губы. Холод. Молчание. Молчание и холод!

Пусто. Тяжело. Одиноко. Царице моя Преблагая! Надеждо моя Богородице!

Теплый, родной свет мелькнул где-то совсем рядом...

– Спаси и Сохрани! – задышал в самое ухо горячий материнский голос. – Спаси и Сохрани!

– Я вернулся, мама!

И прижала меня мать к себе крепко, до боли, и обожгла горячими своими слезами, и застонала, причитая:

– Ах, сыночек, сыночек ты мой родной! Вымолила я тебя у Бога, выпросила! Сохранил тебя Господь, ненаглядного, уберег тебя Бог, моего единственного!

И вот я засыпаю в родном доме. Тепло. У Казанской иконы горит лампада. За окном падает снег и, вникая всем сердцем, слушаю я неторопливый, дорогой материнский голос:

*"А потом, сыночек, была ИЗМЕНА
Великая и неслыханная...
И метался по России одинокий,
Всем преданный
Царский воевод.
И насхально стучали
По Русской Земле вло золотые колеса,
И скорбно смотрел на всю Россию
Всю Россию оставленный Русский Государь.
И имело ЕГО милостивое сердце
Милосердное прощение к обидчикам своим.
И приехал Он всех и просил не мстить –
Ни за Себя, ни за Семью Свою,
И застыли в слезной молитве за Землю Русскую
Пред святым Феодоровским образом
Императрица Всероссийская,
И была эта ночь последняя
Во многострадальной Их Земной Жизни...
И встала Радуга в комнате той,
Где Их честные тела упокоились.
И сам Господь принял Их святые души,
И одел на Их честные главы
Золотые венцы мученические,
И бежали во страхе делатели злодеяния того,
И покарал Господь всех, до единого.
И надвинулася над Россией Ночь Пречерная...
Окропилися Кровию Порфира Царская,
И превратилися Капли эти
В Реки Кровавые,
И затопили эти Реки Кровавые
да всю Россию-Матушку..."*

– Господи, Господи, как страшно время наше!

Я смотрю на Пречистый лик Богоматери и мучительно пытаюсь вспомнить, КОГДА началась эта беда? С чего начался тот день, которого не должно было быть? Кто произнес те слова, которые не должны были звучать? Как могла произойти КАТАСТРОФА сия, когда война уже близилась к концу? Снарядный голод был побежден. Враг отступал. Победа у нас в руках! За Веру, Царя и Отечество! В июне – конец войны... Победа! Как близок был тот миг, которого жаждало сердце каждого русского: Первопрестольная! Царь на белом коне – Российский Георгий – Победитель! На всю Россию несмолкающий ликующий, как на Пасху, колокольный перезвон. И на всю Россию, как на Пасху – "Да воскреснет Бог и расточится врази Его!" Победа! С Богом, Царем и Отечеством! "УРА!!!"

Я смотрю на Пречистый лик Богоматери и пытаюсь мучительно осмыслить: кто эти люди, с такою яростью разрушающие свое, русское, родное?.. И откуда, откуда столько злобы? И только одно слово рождается в сознании, и только оно одно, кажется, вмещает суть происходящего: УМОПОМРАЧЕНИЕ! Всеобщее, никем не понятое умопомрачение!

– Господи, спаси Россию! Спаси Россию и помилуй Ее!

У Казанской иконы горит лампада, я смотрю на потемневшую открытку времен первой мировой войны: старая мать одевает сыну-солдату нательный крестик. Осторожно поворачиваю открытку и на обратной стороне нахожу стихи, записанные чернилами:

*Эмалевый крестик в петлице.
Щинели военной сукно.
Какие любимые лица
И как это было давно...*

*Бог знает, где наши могилы.
Не мстите за Царскую Кровь.
Не даром потрачены силы
И Злобу покроет Любовь! (*)*

Царское Село. 1918 год.

Рисунки автора.

*) Стихотворение Георгия Иванова несколько изменено – ред.

«ЗРИ И ПОМНИ»

КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИСТОЧНИК

Книга памяти, ума и души относится по жанру к запискам, повседневному журналу, мемуаристике, автобиографической прозе, сформировавшейся в России в XVIII веке. Ее автор – Александр Алексеевич Благово (1695-1757) – военный деятель, капитан-лейтенант Семеновского полка – прожил жизнь во второе смутное время: начал служить Петру I с 1711 г., он четверть века оставался верен русскому престолу – Екатерине I, Петру II, Анне Иоановне, Елизавете Петровне. В 1720 г. он 25 лет женился на Ирине Михайловне, урожденной Орловой, – 16 лет. Имел от нее сыновей – Александра, Калину, Иосифа и дочерей – Парашу, Веру. Вторым браком на Марии Онисимовне, урожденной Щукиной, был заключен после смерти Ирины, скончавшейся в 1744 году. Из детей лишь Калина продолжил род Благово.

Александр Алексеевич Благово был гвардейским офицером, хозяйственным помещиком, любящим отцом и истинным христианином. Он любил землю, все времена года, рыбную ловлю, русскую баню с паром и веником, знал толк в лошадях. Привычными были ему и военный плац, и интендантство, и хитрая отчетность. Он видел императорский двор, допускался к императорской руке, наблюдал послов, переписывался с лучшими людьми своего времени. Имена – Рославлев, Ржевский, Шаховской, Голицын, Мусин-Пушкин, Нащокин, Апраксин, Суворов, Кутузов, Лермонтов, Ртищев, Вейков, Чаадаев, Булгаков – как представители дворянских родов были ему и родня, и знакомые, и товарищи.

Для своего времени Александр Алексеевич был грамотным человеком, побывавшим в походах и повидавшим мир. Для нас в "Зри и помни" ценным является как раз умение увидеть и запомнить все, что происходило на его глазах на берегах Невы, в Москве, в его родовом Воронине.

Стремление осмыслить мир в его исторически обозримых границах от "вымышления пороха", "сыскания Америки" до фактов русской истории, где в прочтении истории

существуют только два акцента: зри и помни – свойство русского ума и русской души в активный период перестройки старого уклада жизни.

Как исторический человек он живет по сценарию дворцовых переворотов, где Преображенский и Семеновский полки играли решающую роль – и в то же время – по мужицкому сезонному календарю, когда частная жизнь определяется севом, жатвой, молотьбой, христианскими праздниками. Исторический макромир не сталкивается с хозяйственным, где единицами измерения являются не число выпаленных патронов, а фунты, пуды, алтыны. Они, эти разные ипостаси человеческого бытия, сосуществуют, переходят друг в друга точно так же, как христианское смирение и жизнь во Христе переходит в молитву за мамушку-императрицу, долгую молитву на Новый 1740 год. Этот эмоциональный всплеск знаменует кульминацию драматического сюжета, логически составившего две части – 1739 и 1740 годы, как и в романе И.Лажечникова "Ледяной дом". Но "Зри и помни" – написана не по И.Лажечникову или К.Валишевскому. Сюжет здесь особый и разрешение конфликта свое – Бог услышал молитву – и "Регента Бирона сбросили".

"Зри и помни" – наше заглавие и наши выборки из "Памятной книжки лейб-гвардии Семеновского полка Александра Алексеевича Благово" (за 1739-1740 и 1750 гг.), (Щукинский сб. М., 1903, вып. 2; М., 1904, вып. 3), подготовленной для современного прочтения.

"Зри и помни" – это совершенно оригинальная книга, повторившая традиции русской мемуаристики, бытописательства, которые затем перейдут в пушкинскую прозу ("Повести Белкина") и прозу Толстого ("Война и мир"), потом будут напечатаны "Плоды раздумий" директора пробирной палатки Козьмы Прутков.

Книга только-только вводится в литературный оборот, и ее исследование впереди.

Валерий БЛАГОВО

ПРИМЕЧАНИЕ:

Орфография и пунктуация оставлены авторскими.

ЗРИ И ПОМНИ

Памятная книжка поручика лейб-гвардии Семеновского полка Александра Алексеевича Благово, 1739 и 1740 гг.

1. Присяги были в московском государстве.

Первая 1740-го октября 17 дня Иоанну Антоновичу в Архангельском соборе присутствовал Иван Артемьев сын Раевской.

2. Вторая 1740-го октября 28 дня плуту регенту в Успенском соборе присутствовал Александр Строганов.

3. – 1740-го ноября 25-го дня принцессе Анне матери вышесказанного Ивана Антоновича в Архангельском соборе присутствовал князь Михайла Иванов сын Шаховской.

4. – 1741-го ноября 23 дня Государыне Императрице Елисавете Петровне на площади подле Успенского собора и рота Гвардии полков командированная мною была привезена присутствовал гвардии капитан Петр Чаадаев.

5. – 1742-го ноября 8 дня Ея Императорского Величества племяннику и наследнику Ея великому князю Петру Федоровичу в церкви святых Флора и Лавра которая у Мясницких ворот присутствовал подполковник гвардии господин Апраксин.

Помни в 1741-м году смотри в августе месяце записка о пустоши Черном от Алфимова мне променена в 1703-м году.

28. Воскресенье мороз хороший и погода добрая. Полковой строй был палили по 3 патрона. Обедали во дворце. А день сей рождение государыни императрицы/ Анны Иоановны 46 год в 1693 году. Потеха была и луменация.

От вымышления пороха 539 год.

1739 ФЕВРУАРИЙ ИЛИ ЛЮТЫЙ

От сотворения света 7247 год. Господи помилуй нас во всякое время. Любите враги ваша добро творите ненавидящим вас.

От сискания Америки 248 год.

6. Именным ее императорского величества указом пожалован я поручиком на место Ивана Павлова которой оставлен в 3-ю роту. Григорьевых денег Дербеню 1 ру. дано.

7. Среда мороз великой же. Приказ был по полку быть мне в 3-й роте настоящим поручиком.

8. Четверток мороз сильной же. Благодарили императрицу за перемену рангов и жаловала нас к руке.

От сискания Америки 248 год. 12. Понедельник тепло и снег. Поздравляли Герцугини Курлянской днем рождения ея.

13. Вторник волная погода и дождь. Сего дня приказ был от полку командовать мне 8-ю ротую... Всю ночь дождь и ветер превеликой.

18. Воскресение дождь и слякоть весь день. В Невской монастырь ездили Богу молитва. Молока на 7 де.

ФЕВРАЛЬ 1739 ГОД. ПОМНИ СМЕРТЬ

1. Церковь освящена в Воронеже 728-м году.

2. 1731-м году указ состоялся о недвижимом имении по отеческой воли разделять детям деревни.

3. Дела вотчинные и поместные переведены в Москву ис Петербурга в 1728-м году.

8. В Дацком королевстве в Копенгагене я был в 1716-м году и в Шонии языков доставали в то же время а в протекции оная Шония Свинского короля.

9. В 1734-м году в Москве был большой пожар и для того посланы были писцы во все города той же год понеже в приказах дела и писцовые книги все погорели.

10. В 1737-м году майя 14 дня в Петербурх ис Персии приведена слониха зверь от роду ей 25 лет сказывали те персиане которые привели а живут будто оные слоны и по 100 лет.

11. От начала полков Преображенского и Семеновского 57 лет в 1719-м году и под Азуев поход в том же году был а турком Азуев был отдан в 1711-м году и паки у

турков взят взятием Азуев в 1736 году.

12. В 1704-м году начало поборов с крестьян в рекруты а поборов было по сей 1740 год 32 побора да поголовно браны в сте верстах от Москвы от меня взято 12 человек з 22-х дворов а по переписи 722-го со 150 душ а всех взято 58 человек.

13. Начало поборов подушных денег 1725-м. Секунд мазор Апраксин поехал в армию мы ево провожали в ямскую большую. 14. Парашке пряников 2 де.

МАРТ ИЛИ БЕРЕЗОЗОЛЬ

От сотворения мира 7247 год.

Господи огради нас святыми твоими ангелы.

Аще кто отдаст и тело свое еже сожешие любви же не имать несть спасения.

10. Суббота утренник и сияние. На расход в церкви 6 ал. 4 денги. Бог сподобил причаститься нас сей день в церкви Андрея Первозванного.

14. Среда утренник и погода дивная, Алексашка сапоги 20 ал. Парашке пряничков 2 денги.

22. 3 Григорьем Васильевичем послал Верушке штучку из арбата астраханскава з золотыми травочки лент голубых шелковых 2 аршина.

27. На полковом дворе пробовали заливною трубу и ничего не действовала.

31. В Воронине построены хоромы 1738-м а строили плотники мои Кекешонок с товарищи.

МЕСЯЦ АПРЕЛЬ ИЛИ КВЕТЕНЬ

Господи сохрани нас от всякого вреда. Аще кто и горы преставляет лобве же не имать ничто же есть. Ев. (Лука 18).

2. Понедельник мороз и сияние... Слава Богу все здорово и дети наши живы ж. Дядя Василей Алексеевич болен. Ткач половину красен выткал. Агеевой девке выдано 2 оброка. Плохова и Гольценка женили.

16. Помни сего дня зачали полк наш учить ротами артикула пруссаго я обучал осую роту. Почтальону за письмо 1 алтын.

21. Суббота мороз. 6 роты солдату Шаврову дано взаймы денег 1 ру. Возвращены майа 11 дня.

25. Среда мороз велик же и сияние весь день. Через Неву не ходят и от Московской стороны против церкви с. Исакия поменше половины реки льду пронесло.

28. Суббота мороз велик и сияние весь день изрядное. В строю были палили по 3 патрона. Коронации день в 1730-м году было.

29. Обедал я у принца Беверскаго нашего полку у майора.

(Роспись) коликое число пошло на шляпы галуны белого на обшивки и на банты и на пуговицы также и шнуру нитяного.

МЕСЯЦ МАЙ ИЛИ ТРЕТИЙ

Господи угобзи нивы и вертограды наша. В ню же меру мерите возмерится и вам. Еванг.

6. Государыня императрица изволила перейти в летний дом поутру.

7. Полковой строй был аднакож не учились для того по Неве льду идет очен много и нельзя было... и 4 и 5 ротам переехать на остров Васильев.

12. Суббота ден презрядной безрезка раскинулася и трава просела. Молока на 4 де.

15. Вторник погода изрядная. Полковой строй был учил впервые маэстр принц Беверский. Экзекуция Бровкину была секли ево снутом да шпицрутен гонен Авсяников.

16. На Неве мост навели.

26. Суббота сияние токмо ветер велик. Кренделей на 10 де. говядины 12 фун. 6 алт. 4

де. Полковой строй был палили по 11 патронов я в строю не был рука болела.

27. Воскресенье тепло точно ветрено. Яблони цветут и огурцы зошли.

Для памяти

1. ХОТЯЩЕМУ БЛЮСТИ ЗДРАВНИЕ СВОЕ ВСЕГДА ПОДОБАЕТ ПАМЯТОВАТ СМЕРТЬ.

2. КАЯ СТРАСТЬ ЛУЧШИ, ТА КОТОРАЯ ПОДОБНА ЮНОСТИ.

3. ХРАНЯЩИЕСЯ ИЗМЛАДА ИМУТ СТАРОСТЬ ЛЕГКУЮ И ПОДОБНУ ЮНОСТИ.

4. А КОТОРЫЕ ИЗНУРЯТ ЗДРАВНИЕ СВОЕ ИЗБЫТКАМИ И ПРОЧИМИ СЛУЧАЯМИ ТИИ СТАРОСТЬ СВОЮ ВО СТЕНАНИИ ПРОВОДЯТ ЯКО ИХЪ ХОТЕЛ БЫ ЛУЧШИИ УМЕРЕТИ НЕЖЕЛИ БЫТЬ ПОЛУМЕРТВЫМ.

5. ЧТО ЕСТЬ СЧАСТЬЕ ОТВЕЩАЮ НЕУМЕЮЩИИ ЛЕКАРЬ ПОНЕЖЕ МНОГИХ ОБМАНЫВАЕТ.

ИЮНЬ ИЛИ ЧЕТВЕРТЫЙ ОТ СОЗДАНИЯ МИРА 7247 ГОД. ЧЕРВЕЦ.

Господи Боже низпосли на землю во времена сияние и дождь. Евангелие. Яко же творят вам челоvence и вы им творите такожде.

1. Калинке кафтан выдан новой серой.

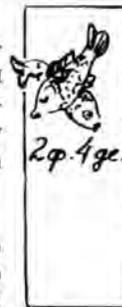
3. Воскресение ден предивной. В Невский монастырь ездил верхом и ногу вывихнул.

5. Вторник тепло. Из деревни писмо з Белкиным писанное майа 12 дня получил а в нем пишут рожь в полях идет слава Богу против прежних лет ероваго хлеба никакова еще не сеяли мельница починена стоялые и стадные лошади слава Богу все здоровы кобылы последние три ожеребились всех 6. От птиц молодые еще не выходили.

Ткач 2 постава толко выткал и лежит болен. Крестьянки 12 холстов выткали и отдали белить. А украинская де крупа вся згнила.

6. Среда хорошо. Рыбы свежей щука 20 окуней 3 ал. луку 2 де. Рожь около Новагорода выколосилас.

11. Понедельник изрядно. Рельки на 2 де. шук свежих 51 фун. 6 ал. говядины на 10 ал.

12. Вторник предивная погода. Полковой строй был палили по 7 патронов. Росады на 8 де. Домов письмо послал (с Колударовым) с Лобковым 6 роты солдатам.

15. Пяток изрядно вечеру дождик. Кренделей на 4 денги. Г.А. был у меня. Полковой строй был палили по 11 патронов штрафовали 3 роты Козлова щипц рутен 9 роты Аничковского перед полком батоги.

16. Суббота дождя довольно весь день. Приказ был от полку отдать из 8 роты алое сукно 4 ар. в 9-ю роту капралу князю Мьшецкому и отдано.

18. Понедельник дождь вес ден временно.

19. Вторник хорош ден. Расады на 10 денег.

20. Среда дождь во весь ден временами.

22. Золота золотник на переделку строевого кафтана 10 алтын. В конфискации лент золотых и серебряных на 2 рубли. Шнурованья Параше на усах 5 ал.

28.29. 23 дня баран на расход. 30 дня баран на расход. 6 дня баран на расход. Все 30 в расходе. Корову убита октября 29 дня сего ж году.

(Реэстр кому роздано крестьянам на семена хлеба какова сей год, кому роздано в Воронине, Плюскове)

ИЮЛЬ ИЛИ ПЯТЫЙ, ИЛИ ЛИПЕЦ

Господи Боже благослови нас собирать плоды земные. Еванг.

Будите мудры яко змия и цели яко голубые.

1. Воскресение дождь до полудни. Посол пришел цесарской и была ему встреча гвардии батальон. Укуса 4 де. на расход 2 де. и пол.

3. Вторник предивной ден. Сей день женился мазор нашего полку принц Брауншвейг Волфенбительский Антон Улрих на дочери царевны Екатерины Ивановны принцессе Анне а отец ее герцок Мекленбургской. Полк в собрании был палили по патрону. (Помни).

4. Среда изрядно. Ездилы поправлять маэра. Рыбы на 10 денег. За мостовое Калинке с лошадыю 10 де. вчера.

8. Воскресение изрядной день в ночи дождь. На карауле был в зимнем дворце. Потеха была. Алексашку причастили Б.Тайн.

13. Зри – Алексею да Мусину Пушкину 2 ру. Пуговиц принцметальных 4 портища на кафтан 28 ал. старой строевой и на камзол алой.

14. Государыня им(ператрица) из(волила) пойтит в Петергоф полудни.

15. Воскресение хороший день. Брат Иван Григорьевич Нащокин был у меня.

18. Среда ден изрядной. Кофе фун. 7 ал, 2 де. Полдюжины чашек фарфоровых послано к сестре А.Алексеевне. На караул пришел в адмиралтейство сменил поручика Нарышкина П(реображенского) полку. Рыбы на 3 ал. 2 де. на расход 3 ал.

19 Парашке башмачки 6 ал.

23. Из деревни письмо получил с Марьей Ан(тоновой) а в нем пишет июля 5 дня еровые хлеба слава Богу идут хороши а ранние лутче. Посылка с Лобковым дошла в целости. Яблок на 15 яблонях и то редко. Пашня попахана навозу навозили пол. 8 десятины. Храму кафтан дан взят у старосты. Брат Алексей пишет о здоровье и дети наши слава Богу в добром здоровье. Еровые хлеба и травы также пишет что хороши только де в барском лугу трава плоха. Новоторской деревни крестьянин Семен Васильев бьет челом на старосту обидит землею и бьет завсегда.

27. Пяток дождик во весь день. Орехов греских 50-10 де. На расход 1 ал. Алексашке граматика русская с немецким 16 ал. 4 де.

28. Суббота ветрено. Полк учил мазор наш герцок Брауншвейнской палили изрядно по 15 патронов. Писма из деревни получил писанные июля 23 дня. а в нем пишет в селе обстоит слава Богу все здорово. Савастьянов домов с товарищи приехали... Брат Алексей П. пишет дети наши живы. Иосиф пишет глагол.

АВГУСТ ИЛИ СЕРПЕНЬ

Господи помози императрице на врагов креста Господня. Скажи ми Господи кончину мою и число дней моих да разумею.

3. Доска аспидная Алексашке 3 ал. 2 де. За мостовое 4 денги. Рыбы на 8 де. Кренделей на 3 денги.

5. Brat P.Rzewskoi poechal domoi otstawlen ot sluzby.

6. Понедельник жар велик. На караул пришел в летней дом сменил П(преображенского) полку поручика Кудрявцева. Калинке 10 де.

10. Пяток приятно. Сменился с караулу сей ден сменил Голицын. Вишен 200 – 2 ал. огурцов 10 – 2 де. Ночью дождь.

13. Полковой строй был на Васильевом острове палили по 15 патронов принц учил палили нарочито дождь мешал из пушек палили в минуту ис каждой пушки по 19 зарядов.

16. В Петергоф поехал поздравлять принца маэра нашего днем рождения его завтрешнего числа. В Петергоф час ночи приехали. Зри зять Мусин Пушкин заплатил 3 ру. денег которые на нем были мои.

19. Воскресение дождь с сиянием. Поздравляли подполковника нашего Ушакова ныне он именинник. Бык убит и посолен сей же день.

20. Был я у брата Ив.Григорье(вича) Нащокина. Грибов на 1 ал. брусницы на 2 де.

21. Вторник изрядно. Полковой строй был палили по 2 патрона с пшшками. На расход 2 де.

27. 8 роты салдат Иван Иванов сын Теглов умре.

30. В 1721 году сего числа принесение святых мощей благоверного князя Александр Невского из Владимира града в Невский монастырь близ Петербурга на реке Неве. Ермоланскому попу за славление 10 де.

31. От сестры Аграфены Петровны

письмо получил с крестьянином ее.

Помни смерть *momento mori*.

Кафиз 16: Начало премудрости страх Господень. Готово сердце мое уповати на Господа. Того ради и пишу даде боящимся Его. Февраля 5 дня я Александр Благого женился 1720-м году от роду моего 25 лет. А жена моя Ирина вышла за меня шестнадцати лет.

СЕНТЯБРЬ ВРЕСЕНЬ СЕДЬМЫЙ

От сотворения света 7248 год с сего дня.

Господи покори борющихся с нами православной императрице.

Псаломник. Покрых постом душу мою и бысть в поношение мне.

2. Подушных недоимки 724-го году 49 ру. 25 ал. заплатил в Клине и квитанция взята... стоячие и езжалые лошади слава Богу все в добром здоровье. Малины орехов рыжиков груздей не родилось а грибов черемхи и брусницы много.

Из украинской деревни пишут Алексей Толстой старой умре июня 4 дня. От воплощения Сына Божия 1739-й год.

3. Понедельник ден изрядной. Мазор Апраксин приехал из армии со объявлением побито турков в полон взято и город взят Хотин и весь лагерь их 100 полаток пушек мортиров. Августа 17 дня баталия была. Поздравляли государьни императрицу) и были у руки.

5. Среда дождь временно во вес ден. Поздравляли государьне царевне днем тезоименитства ея. У мазров обоих был я. Получено денщикам провианта муки 4 чет. круп гар. на сей месяц раздавал 3 роты Баскаков. Репы на 2 де.

6. Четверток нарочито. На карауле был во дворце летнем. Путры 2 фун. 3 ал. Калинке за мостовое 2 де.

9. Воскресение дождь во весь день. временно. У Нащокина был.

10. У Орлова был и у Свечина. Домов письмо послал со Свечиным.

11. Вторник студено. Полковой строй был палили по 25 патронов принц учил изрядно. Коню ногу подковать 2 ал. 1 де. Секунд мазор

Апраксин нашего полку вчерашнего дня пожалован в наш ж полк в пример мазоры и кавалерию красную ленту Св. Ал. Невского и 6000 ру. ему ж.

12. Среда хорошая погода и холодно. Полк наш государьня императрица изволила посмотреть палили хорошо по 29 патронов жаловала к руке и вином. Яблок на 2 ал. рыбы на 9 де 2 сига.

Васин сын умре которой в матрoзах был.

14. Пяток пасмурно и дождь. На караул пришел в зимний дворец сменил Преображенского полку подпоручика Аргамакова.

17. Понедельник изрядно. К портуею петелька 16 де. Арехов свежих на 1 ал.

18. Вторник дождь пополудни. Сменился с караула сменил Измайловской прапорщик Лев Измайлов.

20. Четверток дождик и студено. Из двора письмо получил 10 дня сен(тября) а в нем пишут дети слава Богу живы. Лошади все слава Богу в добром здоровье. Гнедого жеребца положили. В рекруты ково де отдать. Мельница состоит в добром состоянии. Рож купят в Клину по 5 копеек чет(верть) и на ягоды брусницу меняют и то не берут овес купят также в 5 копеек чет(верть).

21. Пяток дождик временно и холодно очень. Рыжкову салдату темнозеленого сукна на кафтан 4 аршина каразей пол. 3 ар. выдано.

23. Воскресение дождь поутру маленько. У Нащокина был и обедал.

24. Понедельник невесело и холодно и дождь ночью. Полковой строй был гоняли шпиц рутен 12 роты салдата Иону Пономарева или Федорова дмитровской помещик.

25. Вторник хорошо ночью дождь. Квитанцию получил за рукою камисара Комьнина о вычете за первой мундир и за протчее 28 ру. 58 к... а оная квитанция вместо денежнаго жалованья майской трети 739-го года а денег за онаю треть ни копейки не дано служил без жалованья.

26. Указ состоялся брать рекрут сего года августа 20 дня со 120 душ и с ямщиков в 32 побор.

28. Пяток преизрядной день. На карауле во дворце. В 708-м году сей день была баталия с шведы под Лесным з генералом Левенгонтом. Лошадь подковать ногу переднюю 2 ал. За мостовое Калинке. Получена ведомость от фельдмаршала Миниха взять турецкой протекции город Ясы и мир заключен. В ночи получена ведомость от него ж Миниха состоялся мир с турки.

29. Суббота хороший день. Семен Тыртов умре. Алексаша зачал учитца по немецки маиа 17 дня 1739 году.

30. Турецкой портовый город Очаков взят в 1737-м разорен в 738-м году. Морского флота поручика Никиту Михайлова сына Желябовского пожалован в прокуроры в адмиралтейство сего года. Турецкой город Хатин взят сего 1739 года августа 18 дня и турков побито много.

Сего месяца сентября 3 дня у царя турки взяли Бел город и помирились. А наш фельд маршал Миних взял город Ясы сентября 20 дня в котором живал государь Волосской в турецкой державе.

ПРЕОБРАЖЕННИЕ СВЕДЕТЕЛ...

ВЪ ВРЕМЯ ПОУТЬЕ ЧАСЪ

Легенда охота на Русь

на Русь

исторический очерк
Николай Лутова

XVII вѣкъ

ремя, протекшее от смерти царя Бориса Годунова до вступления на престол Михаила Феодоровича, было совершенно неблагоприятно для развития и процветания царских и частных охот. В истории царских охот это самый глухой период. Правда, при первом самозванце охота на время

оживает, устраивается отчасти на европейский образец и, по-видимому, имеет довольно данных для пышного расцвета в будущем, но смерть самозванца положила конец начинаниям в области охоты, и самая память о них как бы развеялась вместе с его прахом.

Царь Михаил Феодорович вступил на престол при самых печальных обстоятельствах. Извне была война с Польшей и Швецией. Внутри государства многие города были сожжены дотла, и сама Москва лежала в развалинах. Повсюду бродили шайки под названием "казаки", которые грабили, сжигали жилища, убивали и мучили жителей. Внутренние области сильно обезлюдели. Поселяне умирали от голода. Повсюду господствовала нищета; в казне не было денег, и трудно было собрать их с разоренных жителей. Одна беда вела

за собою другие, но самая великая беда была в том, что русские люди, по меткому выражению матери малолетнего царя Михаила, "измалодушествовались". Смутное время, равно как и предшествовавшие ему эпохи Грозного и Годунова, выработали поколение людей мелких по чувствам, их одушевлявшим, и по характеру слабых. Неудивительно, что в таком поколении значительно ослабел, наряду с другими жизненными свойствами, и здоровый инстинкт охоты. В этом отношении молодому царю предстояла задача разбудить в своих современниках заснув-

шую охотничью удаль, но эта задача в первое время должна была отодвинуться на задний план в виду других более существенных и неотложных забот. Нужно было уладить внешние отношения с враждебными государствами, скрепить расшатавшиеся устои государственной жизни, усмирить разбойничьи шайки, капризной и грозной волною перебрасывавшиеся из конца в конец и от города к городу; наконец, молодому царю приходилось подумать даже об устройстве собственного жилища, потому что "прежние царские хоромы и палаты были без кровель, без полов и без лавок,

без окончин и без дверей".

Первые годы царствования Михаила Феодоровича прошли в этих трудах и заботах. Устраивая и успокаивая расшатавшееся и разоренное царство, молодой царь только спустя пять-шесть лет мог серьезно позаботиться о восстановлении былых охот и потех. И можно думать, что охоты и потехи приходилось не столько восстанавливать, сколько устраивать заново, хотя и по старым порядкам. Для псовых охот не было хороших собак, позивелись также и медведи для дворцовых потех. Нужно было вновь завести псарный двор и зверинцы, какие были в старину. С этой целью в 1619 году

Царь Михаил Феодорович.

Михаил Феодорович послал в северную медвежью сторону – в Галич, Чухлому, Солигалич, Судай, Парфеньев, Кологрив и на Унжу – двух охотников и трех конных псарей с поручением брать в тех местах у всяких людей собак борзых, гончих, меделянских и медведей. Успех этого поручения обеспечивался царской грамотой, посланной на имя Галичского старосты, а через него и во все другие указанные пункты. Этою грамотою царь приказывал местным властям оказывать всякое содействие посланным охотникам и псарям: давать под них собак и медведей, подводы и

проводящих от города и до города, снабжать кормом для собак и медведей, "чем им мочно сытим быть", наконец, давать им стрельцов, пушкарей и рассыльчиков в помощь против ослушников, т.е. против тех бояр, дворян и прочих местных жителей, которые не захотели бы добровольно расстаться с любимыми псами и медведями. Приказ этот распространялся одинаково на села дворцовые и княжеские, боярские, дворянские и "всяких людей" поместья, на волости царской матери, инокини Марфы Ивановны, на вотчины патриархии, митрополичьи, владычные и монастырские. Недостаток в хороших собаках и медведях был, как видно, слишком чувствителен и велик, если

принята была столь решительная мера: принудительное, почти военное отчуждение живого охотничьего инвентаря частных людей. Нет, однако, оснований думать, что Михаил Феодорович решился на эту меру для удовлетворения личной его страсти к охоте. Напротив, этого требовали обиход двора и уважение к исконным порядкам царского быта: с давних времен охоты и потехи сделались необходимою принадлежностью царской жизни, и молодому царю, воспитанному на преданиях старины, не приходилось останавливаться даже перед крутыми мерами, когда дело касалось восстановления былых порядков царской жизни, стариной завещанных.

Этим фактом открывается история царских охот при дворе дома Романовых. Отобранные таким путем медведи и собаки составили ядро охоты, возобновленной Михаилом Феодоровичем, постепенно с течением времени развивавшейся и достигшей пышности и великолепия при Алексее Михайловиче.

Мстиславского, за что и были награждены из царской казны.

...В 1617 году осочили (обкладывали) медведицу с

медведем, в 1618 году были большие царские охоты на лосей, устроенные ловчим Тверского пути Григорием Григорьевичем Маматовым, при участии псовника Василия Усова и 10 охотников ловчего пути, в 1619 году Маматов вновь тешил царя лосиными ловлями.

...В следующем 1621 году вновь производились лосиные осеки и медвежьи ловли под руководством тверского ловчего Григория Маматова. Это была также большая царская охота, так как в ней участвовало 54 конных и 20 пеших псарей и 16 охотников. По большей части охоты соединялись с поездками царя на богомолье в Троице-Сергиеву лавру, в Николо-Угрешский и Симонов монастыри и производились обыкновенно на обратном пути в Москву. В таких случаях государя обыкновенно со-

проводжали на богомолье чины царских охот, псовой и соколиной, псаря и охотники ловчего пути. Иногда царь делал поездки исключительно для охоты и с этой целью отправлялся преимущественно в недалекие подмосковные села, удобные для охот.

ГРАМОТА 1619 ГОДА

"От Царя и Великого Князя Михаила Феодоровича всеа России в Талич губному старосте Петру Перелешину. По нашему указу посланы с Москвы в Талич и в Талицкие пригороды на Чухлому, в Судай, к Солигалицкой, на Унжу, в Кологрив, в Парфеньев, и тех городов в уезды ловчего пути охотники Богдан Опочинин да Чаум Усов, да конные псаря Петр Молчанов, Олфер Вараксин, Константин Олтурьев в наши дворцовые села и в княжецкие, и в дворянские и детей боярских и всяких людей в поместья и в вотчины и в их волости которые ведают на обиход, Матери Нашеи Государыни Великие Старицы Инокини Марфы Ивановны а велено им в Таличе и в Талицких на Чухломе и у Солигалицкой в Парфеньеве, на Судай, и в Кологриве на посаде и в уезде и у всяких людей имать на Нашу псарню собаки борзые и гончие и медвежьи и медведи, и как к вам ся Наша грамота придет, а ловчего пути охотники Богдан Опочинин с товарищи в Талич и в Талицкие пригороды приедут и вы б им дали на ослушников стрельцов и пушкарей и рассыльчиков сколько человек пригож и корм тем собакам и медведем и провожатым и под медведи и под медвежьи собаки подводы велели давати от города до города и корм собакам и медведям велели давати челм им мочно сытим быть им городаж до Города а подводчиков за медведи где возьмут медведи велели давати до Москвы. Прочтет сю Нашу Грамоту и списав с нее противу слово в слово оставляли б у себя, а сю Нашу Грамоту отсылали есте в Талицкие пригороды к Приказным людям..."

чаще всего в Покровское-Рубцово. Отдельных эпизодов и интересных подробностей относительно этих охот не имеется. Впрочем, в двух случаях охота может быть, заканчивалась своеобразным развлечением: государя тешили стрельбой в шапки. В первом случае (1630 г.) были расстреляны шапки стольника князя Пронского, окольничего князя Львова и князя Одоевского, а во втором (1634 г.) этой чести удостоилась простая шапка задворного конюха Степана Карпова: "Государевы комнатные государя тешили, по его (конюха) шапке стреляли из луков и из пистолей и шапку истреляли". За испорченные шапки бояре и простой конюх получили из казны материал для новых шапок, причем первым был отпущен бархат-кармазин и на опушку соболь, а последнему – сукно вишневого цвета и для опушки лисьи лапы.

Любимой охотой Михаила Феодоровича была охота на медведей, по крайней мере, чаще всего он охотился за ними. Государю случилось однажды обмолвиться фразой, которая показывает, что он хорошо знал медвежий нрав и повадки. Один голландец рассказывает, что когда молодому царю доложили о каком-то лице, которое следовало наказать за важный учиненный им проступок, то Михаил Феодорович, между прочим, ответил: "Вы разве не знаете, что наши московские медведи в первый год на зверя не нападают, а начинают охотиться только с летами".

Соколиной охотой царь тешился вместе с сыном, царевичем Алексеем Михайловичем. В течение лета 1632 года отец и сын хаживали на охоту с ловчими птицами весьма часто. В 1635 году дядькою царевича Алексея была устроена соколиная охота в присутствии иностранных послов. Это была веселая и занимательная охота и, как кажется, устроена она была для сравнения искусства и ловкости русских соколиных охотников с охотниками иноземными, так как незадолго перед этой охотой некоторые из чинов голштинского посольства показывали в Рубцове, в присутствии царя и царевича, свое умение и приемы в соколиной охоте.

В том же Рубцове-Покровском состоялась и последняя известная нам охота царя Михаила Феодоровича: 10 сентября 1643 г. государь тешился здесь соколами царевича Алексея Михайловича.

ряду русских царей-охотников Алексей Михайлович занимает совершенно особое положение: это был самый замечательный, единственный в своем роде царь-охотник. Он напоминает собою отчасти двух других замечательных охотников древней Руси – Владимира Мономаха и Василия III Ивановича: первого –

своим серьезным и вдумчивым отношением к охоте, второго – страстным наслаждением ее художественными сторонами. Сливая эти черты ума и сердца в своем характере, Алексей Михайлович прежде всего, однако, искал в охоте удовлетворения эстетических

наклонностей своей художественной натуры. Он жил охотой и отдавался ей весь безраздельно, как поэт – своему вдохновению. По своей натуре, благодушной, глубоко спокойной и порою созерцательной. Тишайший Царь не мог любить волнений резких и сильных, но лишь такие, которые растут, усиливаясь постепенно, не внося с собой смуты и бури в душевную жизнь; а такие волнения, легкие и приятные, дает только один род охоты – охота соколиная. Вот почему Алексей Михайлович отдавался столь беззаветно потехе с ловчими птицами.

К птицам и к птичьей охоте Алексей Михайлович привязался душой еще с самого раннего детства. Когда он был ребенком, ему покупали разных потешных птичек: живых воробьев, чечеток и всяких других. Инстинктивная привязанность царевича к птицам не могла ускользнуть от умного и наблюдательного воспитателя его – или, по тогдашнему названию, "дядьки" – боярина Морозова, и едва ли можно сомневаться, что именно он и пристрастил маленького царевича к соколиной охоте.

...Поэтическую сторону соколиной охоты Алексей Михайлович прекрасно изобразил в своем предисловии к "Уряднику Соколичья пути". Особый тон этого предисловия, отдельные обороты речи, витиеватой, но очень выразительной, показывают, что предмет, о котором писал царь – соколиная охота – слишком волнует его, затрагивает всю его душу и заставляет ее вылиться в массу звучных словесных оборотов. В самом деле, вчитываясь в это предисловие, почти слышишь, как в нем бьется обаятая восторгом душа охотника-поэта:

"Зило потиха сия утишает сердца печальные и забавляет веселием радостным и веселит охотников сия птичьа добыча...

Будите охочи, забавляйтеся, утишайтеся сею доброю потихою, зило потишно и угодно и весело, да не одолют вас кручины и печали всякия. Избирайте дни, издите часто, напускайте, добывайте, нелиново и безскучно, да не забудут птицы премудрую и красную свою добычу".

...Исключительная привязанность Алексея Михайловича к соколиной охоте составляла главную основу его охотничьей деятельности, но рядом с нею в душе царя-охотника сильна была одно время и склонность к зверовой охоте. В первые годы царствования Алексей Михайлович едва не поплатился жизнью за удовольствие поохотиться на медведя. В Звенигородском уезде Московской г. существует Саввин-Сторожевский монастырь, основанный Св.Саввою еще в 1377 году. Из этой обители, в одно из своих посещений, Алексей Михайлович отправился раз на охоту в окрестные леса. Случилось, что сопровождавшие его лица разбрелись по лесу, и царь, оставшись один, увидел шедшего прямо на него медведя. Убежать и спастись не было никакой возможности, и царь ждал уже неминуемой смерти, как вдруг перед ним явился благолепный старец-инок, и медведь тотчас же ушел. Царь спросил старца об его имени, и старец сказал, что он один из иноков Сторо-

жевского монастыря, именем Савва; и, сказав это, старец скрылся в лесу. В монастыре царь спросил об этом иноке Савве, но в обители не оказалось ни одного инока с таким именем. Но, увидав здесь икону Преподобного Саввы, написанную еще при жизни Святого (и доньше хранящуюся в монастыре), царь понял, что его спас от смерти сам Преподобный Савва, и в благодарность тогда же положил открыть его мощи. В январе 1652 г. гроб Преподобного был открыт патриархом Иосифом, и обретенные нетленные мощи были поставлены у южных дверей соборного монастырского храма Рождества Богородицы, где находятся и ныне.

...После этого, в продолжение всей своей жизни, движимый чувством признательности к Преподобному Савве, Алексей Михайлович не переставал благотворить этой обители, богато украшал ее, делал крупные вклады, построил при ней дворец для себя, другие здания и ограду с башнями. Часто посещал эту обитель и подолгу жила в ней, посещая в дни памяти Преподобного решительно все богослужения; сам заведовал делами и денежными счетами обители, входил во все подробности ее хозяйства, знал поименно всех ее иноков — словом, был как бы настоятелем этой царской обители своей.

Чудесное спасение от неминуемой смерти произвело на царя, как видно, глубокое впечатление, и воспоминание об этом случае всю жизнь не покидало его. Ужасные минуты, пережитые при этой встрече с глазу на глаз с разъяренным медведем, не прошли бесследно и для охотничьих склонностей царя, но несколько поохладили его молодое увлечение рискованными охотами на медведей.

...Весьма характерно, что увлечение Алексея Михайловича зверовыми охотами относится к его юным годам. В этом увлечении отразились не сложившиеся

охотничьи вкусы царя, но избыток молодых сил и свойственная молодости жажда сильных ощущений. Действительные охотничьи вкусы царя сложились позже, в возрасте около 25 лет, когда он уже бесповоротно весь отдается соколиной охоте и знает и ценит только ее одну. В течение последних 25 лет своего царствования Алексей Михайлович почти исключительно тешился охотой с ловчими птицами, но пора наибольшего увлечения, пора наиболее частых ради нее поездок, относится к десятилетью между 1657-1667 гг.

...В годы, следовавшие за этим десятилетием, вплоть до самой своей смерти, Алексей Михайлович не переставал любить соколиную охоту, но пошатнувшееся здоровье не всегда позволяло ему отдаваться любимой забаве с беззаветностью прежних лет. В последние десятилетия царствования Алексея Михайловича случались перерывы в его охотах на полгода, на девять месяцев и на целый год, когда он не покидал Москвы для соколиных охот. Его последняя, известная по документам, поездка на соколиную охоту в окрестностях сел Семеновского и Измайловского была 16 августа 1675 г. В январе следующего 1676 г. Алексей Михайлович тихо скончался.

Царь Алексей Михайлович.

После его смерти соколиная охота постепенно приходит в упадок и отходит в область преданий былых невозвратных времен.

В таком виде представляется охотничья деятельность двух первых царей из дома Романовых. Благодаря их заботам и трудам, охотничье дело, совершенно забытое в эпоху смут, вновь возродилось, и в веселых окрестностях Москвы по-прежнему закипела шумная охотничья жизнь. Большая часть этих охот происходила вблизи Москвы, в окрестностях сел, со всех сторон опоясывавших Первопрестольную.

хота в местностях, более отдаленных от Москвы, производилась царями по большей части во время их походов на богомолье в чтимые монастыри: Троицкую лавру, Саввин-Сторожевский монастырь, или во время их поездок "для своего государева и земского дела" в разные города, напр., в Смоленск, Можайск, Боровск и т.п.

Отправляясь из Москвы "в поход" в дальние или ближние монастыри или в подмосковные села для охот и летнего пребывания, государи, по заведенному порядку, поручали оберегать Москву двум боярам, одному или двум окольным и двум думным дьякам, и эти лица в отсутствии царя вели все текущие дела правления. Самый выезд царей из Москвы совершался с большою торжественностью. Вперед обыкновенно отправлялся кто-нибудь из окольных "пути строить и для дворовых заимки станов". Царя сопровождали бояре, окольные, думные и ближние люди, стряпчие, дворяне, жильцы, все по особой росписи, и значительный конвой из воинских чинов. Насколько была величественна общая картина царского выезда, можно судить по следующему описанию. В апреле 1651 г. Алексей Михайлович делал выезд в село Покровское. Наперед был отправлен в Покровское с постельным возком постельничий и с ним стряпчий с ключом – Григорий Ртишев, которых сопровождали жильцы, в количестве 300 человек, в цветном платье, ехавшие на аргамаках и жеребцах, убранных ратною сбруей; жильцы были выстроены в колонну по три в ряд. За ними ехал стрелецкий голова Михайло Зыбин с сотниками стрелецкого приказа и стрельцами на конях; 300 стрельцов, также в цветном платье и с карабинами, ехали по пяти человек в ряд. За стрельцами ехало 500 рейтар, построенных рейтарским строем, имея во главе полковников и иных начальных людей. За ними 12 человек стрелков с долгими пищалями. Далее следовал дьяк конюшенного приказа Дмитрий Булгаков, а за ним конюха вели государева седла простых жеребцов, аргамаков, коней и иноходцев, всего 40 лошадей в великолепных седлах и полном "большом" наряде; за верховыми лошадьми следовали две перемены возников, т.е. упряжных лошадей, в бархатных и цветных суконных расшитых чехлах: 6 возников были темносерые, другие шесть буланые. Далее ехал сам царь в английской карете, запряженной шестериком темнокарих возников, с крашеным немецким перьем в начелках; кучера были одеты в черчатые бархатные кафтаны и собольи шапки с немецкими перьями. С государем в карете ехали: против государя боярин Морозов, по правую сторону у дверцы – князь Трубецкой, по левую – князь Одоевский. Впереди кареты ехал боярин Стрешнев, подле кареты справа – окольный князь Хворостинин. За каретой следовал рында стольник князь Григорий Сунчалеев сын Черкасской с 12 жильцами в цветном платье, далее – ясельничий, за которым 8 пеших конюхов вели двух лошадей государева седла, в большом конском наряде и под нарядными

большими седлами, а в руках те же конюхи несли нарядные седельные покрывцы. По обе стороны дороги шли 300 пеших стрельцов, в цветных зипунах, при шпагах и кованых батагах. Вблизи самой кареты шли стрелецкие головы и сотники в шитых золотом бархатных ферязях и чогах, с саблями и оправными топорами. В хвосте этого кортежа ехали стольники, стряпчие, дворяне и всяких чинов люди, по 3 в ряд, в цветном, расшитом золотом, платье, на аргамаках и других пород хороших конях, в великолепной сбруе. Шествие замыкал стряпчий с государевым запасным возком, имея позади себя простых стряпчих, в цветном платье, по 3 в ряд, на конях.

В тех случаях, когда государь совершал выезд со всей своей семьей, сопровождавший их кортеж был еще значительнее, причем в нем участвовало немало особ женского пола, состоявших при царице и царевнах. Во время похода в с. Преображенское, в октябре 1674 г., Алексея Михайловича сопровождали царица, царевичи и царевны. Царь ехал в карете с царевичем Феодором Алексеевичем, далее, в своей карете ехал царевич Иван Алексеевич с дядькой и стольниками, в следующей колымаге, также запряженной 12 цветными возниками, сидели большие царевны и при них боярыни дворовые, позади в особых колымагах следовали верховые боярыни, казначеи, карлицы и постельницы. Во время этих походов особые лица везли за государем его гардероб, столовые принадлежности, шары, платки. На пути, при "слазках", т.е. кратких остановках, государь иногда переодевался, конечно, не столько ради необходимости, сколько ради "чина", заведенного порядка. Обычное ездовое платье государя во время таких выездов отличалось блеском и роскошью: для летних поездок белый атласный зипун с обнизью из драгоценных камней, червчатая бархатная чога с канительной нашивкой и жемчугом, шитый золотом по лазоревому фону кушак, ездовая ферязь из малиновой зурфи с жемчужным украшением, горлатная шапка с колпаком и посох, зимою теплый ездовой собольи кафтан, суконная ферязь на собольем меху и зипун из белой тафты, шапка бархатная ярких цветов.

Во время поездок на охоты или дачной жизни государь приказывал иногда раскинуть шатры. Палатками и шатрами заведовал особый шатерничий, сопровождавший царя в поездках со всем шатерным скарбом. Царские шатры отличались большою роскошью, которая поражала даже выдавших виды иноземцев. Англичанин Коллинс, проживший 9 лет при дворе Алексея Михайловича в качестве врача, рассказывает, что у царя были 3 великолепные палатки: для себя, царицы и детей. Государева палатка была сделана из золотой парчи и украшена собольями, царицына – из серебряной и украшена горностаями, палатка князей была несколько проще и скромнее. Царские палатки располагались кругом, в центре которых помещалась палатка для походной церкви. "Вид на них так величественен, – говорит Коллинс, – что я не видывал ничего подобного в этом роде. Вме-

реди поставлены рогатки и стражи на ружейный выстрел от палаток, и никто не может пройти эту ограду без повеления, потому что царь не хочет, чтобы простой народ видел, как он забавляется". Кроме этих, виденных Коллинсом, царских шатров, у Алексея Михайловича много было и других, не менее роскошных, палаток, и в том числе одна, подаренная ему бухарским царем, а другая, поднесенная турецким послом.

Обыкновенные поездки царей на действительную охоту совершались с большой простотой и без ненужной толпы. Государя сопровождали только люди, необходимые при псовой и соколиной охоте. В тех случаях, когда охота устраивалась для развлечения царской семьи, поездки опять были пышные, многолюдные и шумные. На охоту ехали в каретах и с большими церемониями; в толпе сопровождавших царскую семью бояр, окольных, думных дворян, ближних людей, стольников и иных чинов действительные охотники стесывались; в поездке, ради "чина", конечно, участвовали мамы, боярыни, казначеи, кормилицы и другие женщины, служившие при царице и царевнах. При столь многолюдном и не совсем подходящем для охот составе участников, эти охоты едва ли были особенно удачны, но шуму, забав и потехи бывало не мало, что, конечно, главным образом и имелось в виду при устройстве подобных поездок...

ы уже говорили в начале очерка, в каком запущении или, вернее, разорении находилась царская псарня в начале царствования Михаила Феодоровича. Собаки, отобранные по царскому приказу у бояр, дворян и всякого чина людей, составили ядро новой псарни, которая, затем, пополнялась приплодом, покупкою новых собак, присылкою их в подарок от иностранных государей или от рус-

Выезд из Москвы.

ских бояр, имевших собственные охоты. В 1647 г. посланник английского короля Карла I, Нейтингаль, привез Алексею Михайловичу в подарок собак в медных ошейниках, на которых было вырезано "Карлус-Король", а в 1665 г. боярин Благово ударил царю челом двумя охотниками и десятью лошадьми собаками, за что и получил ценный царский подарок — 100 рублей денег. В царской псарне имелись разные породы охотничьих собак: гончие, борзые, меделянские, ищейные кобели, особые лошаи (лосинные) собаки, британы (английские доги) и "других страшных пород", вероятно, восточных и кавказских. О численном составе царской псарни, равно как и о тогдашних способах натаскивания и приучения

собак к полю, сведений не сохранилось. Царская псарня до 1636 г. помещалась в Белом Царевом городе, а затем была переведена на Старое Ваганьково, где для нее построены были новые помещения. При этом переводе всем псарям приказано было свозить на Старое Ваганьково и их "дворишки"; но это распоряжение очень их затруднило, и они коллективно, "всем чином", подали государю челобитную, что им "не мочно" перевозить свои дворишки, потому что "хоромишки их стары и погнили"; и, ссылаясь на свою верную службу, псари просили позволения – дворишки и места продавать "безпенно", что и было им дозволено.

Наряду с псарней существовали особые зверинцы, в которых содержались охотничьи звери для устройства садов и пригравливания молодых собак, еще не ходивших в поле. Зверинцы эти назывались волчьими дворами, потому что в них всего больше содержалось волков, но были также медведи и лисицы. Таких волчьих дворов в XVII в. было много и помещались они в селах, близ которых в те времена часто производились царские зверовые охоты. Это наводит на догадку, что, при неудачных облавах и осеках находящихся на свободе зверей, устраивалась, в виде утешения, травля зверей, выпускаемых из зверинца. Известны следующие волчьи дворы: Измайловский, Хорошевский, Чертановский, Осеевский, в селах Ермолине, Дмитровском и Балобанове. Ими заведовали конные псаря или стремянные конюха, иногда даже сокольники.

Для зверовой охоты, как и для соколиной, имелись особые охотничьи лошади, как для личного царского обихода, так и для большинства чинов охоты. Как и в XVI в., охотничьи лошади добывались из ногайских степей, от ногаев и татар. Пригон лошадей из Ногаи составлял в Москве в XVII в. в некотором роде событие и носил название Орда-Базарной станции. Табунно пригонялись кочевниками, при непосредственном наблюдении заблаговременно посылаемых из Москвы в степи чиновников, называвшихся табунными воеводами. Каждый воевода наблюдал за одним своим табунном и не мог вмешиваться в распоряжения других табунных воевод. Общее число пригонявшихся лошадей достигало 30, 40, 50 и более тысяч ежегодно, но из этого числа еще в Казани и Астрахани табунные воеводы отбирали лучших лошадей про государев обиход, тысяч 5, 6-8, и клали "пятно" (тавро), и делали им опись. Но это еще не считалось окончательным приемом отобранных лошадей в казну; в Москве из "запятнанных" лошадей производился ясельничим новый отбор самых лучших из них – в количестве по царскому указанию – для самого государя, для патриарха и для Троице-Сергиева монастыря. Остальные лошади поступали в общую продажу. Татары и ногаи, пригонявшие табунны в Москву, – их иногда приезжало до 200 человек, – при отъезде бывали на приеме у государя, после которого им предлагался "стол на царском дворе довольный"; на приеме у государя в отношении их соблюдался этикет такой же, что с крымскими

и калмыцкими послами, да и подарки делались им того же достоинства.

Цены на лошадей ногайских в XVII в. стояли следующие: при Михаиле Феодоровиче за жеребца платили 8 руб., за мерина – половину, за кобылу – 6 руб., за простую табунную – 3 руб., за жеребенка ногайского – 3 руб. и простого – 1 1/2 руб.; при Алексее Михайловиче – татарский конь стоил от 5 до 15 рублей, а боярские лошади, аргамаки, – значительно дороже; грузинские аргамаки в начале XVII в. стоили от 30 до 65 руб., а боярские меринны – от 12 до 16 руб.

Не обходилось дело без злоупотреблений и в торговле ногайскими лошадьми. В подрыв царским конюшням действовали воеводы и служилые люди казанские и астраханские, а равно московские бояре, окольные дворяне и торговые люди. Тайком, без проезжих грамот, они посылали с толмачами своих людей к мурам и по улусам, скупали по дешевой цене самых лучших аргамаков и жеребят и контрабандой переправляли их из Понизовья в вотчины и поместья, отчасти для личного употребления, но больше для корыстного торга.

Что касается вооружения охотников при Михаиле Феодоровиче и Алексее Михайловиче, то в этом отношении XVII в. не представляет большой разницы в сравнении с XVI веком. Техника оружейного дела к этому времени не успела еще настолько развиться и усовершенствоваться, чтобы изобрести для охоты особое оружие, отличное от воинского. В XVII в. охотник шел на зверя с таким же оружием, с каким воин выступал на битву с неприятелем. Для охоты употреблялось как холодное (преимущественно колющее), так и огнестрельное оружие. Лук и стрелы по-прежнему были в большом ходу, предпочтительно восточного производства: бухарские, едринские, крымские, мешетецкие (грузинские), турецкие и черкасские, но были и местные, московские. Части лука носили следующие названия: все древо лука – кибит; каждая половина кибиты – рогъ; нижняя сторона рога – подзоръ; верхние накладные концы рогов – мадяны; две костяные вставки с низу рогов – кости; через последние проходила тетива.

Кроме лука со стрелами, охотники вооружались копьями, протозанами, вилами и рогатинами. Протозаном называлось оружие, состоявшее из длинного древка, с широким глухим или прорезным копьём на конце, украшенное кистью. Это было обыкновенное оружие сокольников, наряжавшихся в парад при встречах или проходах иностранных послов, вряд ли удобное для самой охоты. Вилы были железные и деревянные и обыкновенно употреблялись для медвежьего боя на домашней царской потехе. Из огнестрельного оружия употреблялись пищали, самопалы, карабины и пистолы. Некоторые части их изготовлялись в самой России; так, замки и станки были иногда "русского дела" или "новгородского дела", другие части, а иногда и все оно, были польского дела, датского, курляндского. Царское оружие изготовлялось в Оружейной палате, или, точнее, здесь производилась сборка частей, выписанных из-за

моря (Шотландии), частью сделанных дома, в России. Оно отличалось высоким достоинством материала, богатством и роскошью украшений. Царский лук был расписан одним золотом по красному фону или золотом и серебром; к луку присоединялось несколько гнезд томаров и срезней. Кроме того, к царскому оружию принадлежали ножевые ставики, на 6 ножей каждый, и большой рог.

Из принадлежностей зверовой охоты царей Михаила Феодоровича и Алексея Михайловича упоминаются своры, ошейники собак, трещотки и фурмы. Парадные своры были роскошны: они делались из шелка, плетеного с золотыми или серебряными нитя-

ми; кисти к ним также были из золотых или серебряных нитей; "ворворки" или подвижные шарики над кистями обшивались золотой и серебряной канителью и украшались иногда жемчугом.

К числу охотничьих принадлежностей должно отнести также уборы охотничьих лошадей. Царские охотники в парадных случаях выезжали на богато убранных конях. Еще большего роскошью и богатством, конечно, отличались уборы коней государевых. Охотничья сбруя царских коней хранилась конными псарями. Деревянный седельный прибор назывался арчаком. Седла были обыкновенно высокие с короткими стременами, нередко окованные золотом и серебром и украшенные драгоценными камнями. Сохранилось описание одного такого царского седла: оно было расшито волоченым золотом, подпруги — пряченым золотом и серебром, стремена железные, высеребренные, войлок опущен по краям бархатом, а по всей поверхности обшит дорогим алым сукном, с плетеными кружевами.

Переходя к вопросу о способах тогдашней зверовой охоты, мы испытываем большое затруднение вследствие скудости сохранившихся на этот счет сведений. Впрочем, можно утверждать, что основным способом охоты на зверя в XVII в. была травля его собаками разных пород. Она, однако, не устраняла собою и других способов, вроде ловли тенетами и разными снарядами, а также и охоты с огнестрельным оружием. "Главное удовольствие русских состоит в охоте, — говорит один современный иностранец, — зверей следят в лесах по тропе и травят выученными собаками; впрочем, иногда стреляют и из самопалов".

Зверовая охота велась главным образом на медведей, волков, лисиц и лосей.

Медведей отыскивали по лесам, окладывали в осоку, а затем ловили их тенетами или травили собаками, преимущественно бульдогами. Царские охоты на медведей, известные по современным документам, производились в окрестностях дорог Звенигородской, Можайской и Боровской, близ Саввина-Сторожевского монастыря, в окрестностях сел: Пушкина, Крылатского, Мытищей, Сукова и Озарецкого.

Волков объезжали, сочили или окладывали, устраивали на них облавы и травили собаками, иногда устраивали привады, прикармливали, для чего покупалось мясо. Известные царские охоты на волков происходили в окрестностях дорог Звенигородской, Можайской и Боровской, близ сел: Хорошева, Рождественского, Острова, Белого, Дмитровского, Павловского, по реке Выхонке и в Домодедовской волости.

Лисиц окладывали в осоки; известны лисьи осоки царей под селами Коломенским и Голенищевым. Охота за лосями, которую особенно жаловал Михаил Феодорович, состояла в том, что их выслеживали, осочили, травили особыми лосиными собаками или ловили живьем, или стреляли, вероятно, вдогонку, когда лосям удавалось прорваться сквозь цепь охотников.

Царский сокольничий.

документах этого времени мы не находим прямых указаний на то, устраивалась ли для царей медвежья "потеха" в собственном смысле, т.е. представление, дававшееся поводчиками с учеными медведями и сопровождавшееся шутками, прибаутками и притчами, по большей части, нескромного, а иногда и прямо непристойного содержания. Быть может, к этому времени вкус к подобным представлениям успел пройти и исчезнуть, по крайней мере, у самих государей. Зато другие виды медвежьей потехи – борьба, бой с дикими медведями и травля их собаками – были очень любимы обоими первыми царями из дома Романовых. Борьба устраивалась обыкновенно с медведями "дворовыми"; устраивалась с ними и иная потеха: их "дразнили", бегая пред их глазами и беспокоя их барабанным боем; раздраженный медведь старался настигнуть и, так сказать, проучить тревожащего его охотника, а тот ловко от него увертывался. Впрочем, исход борьбы и указанной потехи часто был не в пользу охотников побороться с медведем; медведи частенько драли смельчакам зипуны, кафтаны и штаны; нередко изъян был и еще существенней: медведи "ломали" и "мяли" смельчаков, "изъедали" им руки и головы, "выламывали зубы", порти-

ли глаза, словом, наносили им нешуточные повреждения; но нужно сказать, что в документах этого времени мы не встречаем ни одного случая медвежьей потехи со смертельным исходом борьбы для участвовавших в ней лиц. Еще опаснее были, по возможным последствиям, бои с медведями. Они устраивались почти исключительно с дикими медведями или с мало обжившимися на потешных дворах, или же со взятыми прямо из леса. Бойцы выступали против медведей с одними вилами, как и прежде, и нужно было много иметь силы, самообладания и ловкости, чтобы не упустить лучшего момента, посадить зверя на вилы. Это была борьба прямо-таки страшная, это было зрелище, которое могли выносить только надежные нервы людей XVII века.

Травили диких медведей собаками крупных пород – волкодавами и "британами", т.е. бульдогами. Каждый год на масляной неделе устраивалась травля и медвежья потеха для всенародного увеселения на Москве-реке, на льду. Впрочем, в этом случае травили и других зверей: волков и лисич.

Сколько можно судить по документам, – постоянных, так сказать, штатных бойцов и борцов с медведями при потешных дворах государевых не было. Боролись и бились с ними добровольцы, большею частью, правда, принадлежавшие к чинам охоты. Кто чувствовал в себе силу, удаль и задор, тот и шел померяться с медведем, снискать себе царское внимание

Медвежья охота.

и лестную молву в народе. Одних манило на борьбу корыстное желание получить обычную награду, других влекло к ней желание славы и успеха, а третьих – просто богатырская сила и молодецкая удаль, не ведающая страха, не боящаяся смерти, потому что на миру – на глазах царя и народа – иному смельчаку и смерть красна. Вот почему в ряду бойцов и борцов мы встречаем в этот период людей различного положения. Бились и боролись с медведями: князья (Гундуров), боярские сыны, жильцы; чины охот царских – зверовичики, псовники, пешие и конные псаря, охотники ловчего пути, птичьи стрелки; царская прислуга – конюхи, постельные, истопники и сторожа, подключники; выходили на бой стрельцы; частные и, может быть, случайно попавшие в Москву люди.

Бойцы и борцы с медведями получали из казны обычную награду в виде английских сукон и других материй на платье. Размер и ценность этих наград оставались прежние и колебались от 2 до 3 рублей, и лишь в редких случаях стоимость подарков достигала 8-11 рублей. Если смельчаков не устрашала опасность и не смущала ничтожность награды, то нужно согласиться, что эти, дикие по нашим понятиям, забавы были во вкусе своего времени и отвечали уровню умственного и эстетического развития тогдашнего общества. За это говорит и тот факт, что существовала особая профессия медвежьих поводчиков, ходивших по городам и забавлявших простой народ медвежьей выучкой и прибаутками, без сомнения, скабрзного содержания, так как от 1657 г. дошла до нас грамота Ростовского митрополита Ионы, в которой он, под страхом отлучения от церкви, запрещает своей пастве принимать в свои дома поводчиков с медведями.

Помимо медвежьей потехи, для государей устраивалась также потеха львиная. Львы впервые появились при дворе русских государей при Феодоре Иоанновиче, и, вероятно, тогда же был устроен для них особый львиный двор, находившийся, как говорит Забелин, у Китай-Городской стены, где теперь губернские присутственные места. Известны за этот период два случая львиной потехи: в 1618 г. тешил государя Михаила Феодоровича дрессированным львом, вывезенным из Кизильбаш (т.е. Персии), рязанец Гришка Иванов, а в 1648 г. при Алексее Михайловиче со львом выходил на медвежьей потехе зверовщик Сила Зерцалов.

При Михаиле Феодоровиче появилась и другая редкая потеха: приведены были слоны, которыми и тешил государя в 1625 и 1626 гг. арап Тчан Ивраимов. Дальнейшая судьба этих слонов неизвестна.

Кроме того, иногда устраивались для царского удовольствия бега северных оленей, на которых ездили самоеды, пригонявшие их в Москву, как кажется, в виде обычной дани царю от самоедского населения. Бега происходили на царском дворе, там же, где и медвежьей потехи.

Зверовичики, медведчики, зверовые охотники и конные и пешие псаря, помимо настоящих охот, принимали самое деятельное участие в медвежьих поте-

хах, травлях и боях, и некоторые из них на этом поприще составили себе имя и славу. При царе Михаиле особенно знаменит был псарь Кондратий Корчмин. В 1616 году, в ноябре, на большой потехе на дворце вместе с семью товарищами, такими же псарями, Корчмин бился с медведями, и они на нем зипун изодрали; а в декабре на потехе его медведь измял и платье на нем ободрал. Через год, 1618 г. в январе, он опять потешал царя медвежьим боем; в феврале 1620 г. опять на потехе бился с медведем. В том же году, сентября 11-го, вместе с товарищем, тоже псарем, тешил государя на старом цареве боровском дворе дворными медведями-гонцами. На этой потехе медведь ему изъел руку, а товарищу его – голову. В январе 1621 г. он снова на потехе с четырьмя товарищами-псарями: все они бились с дикими медведями вилами. В феврале того же года, на мясной неделе в среду, как государь тешился гончими и дикими медведями, был на потехе и Корчмин девятером с товарищами; медведи драли на них кафтаны. В 1622 году, февраля 28-го, на масляной неделе в четверг, Корчмин опять с братом Иваном и тремя товарищами-псарями был на потехе, бился с медведями вилами. В июне 1625 г. он тешил царя тою же потехою в селе Рубцове. В ноябре 1628 года бился с диким медведем вилами и медведя вилами поставил, да он же в селе Рубцове пред государем на потехе убил медведя рогатиною, за что и получил награду с прибавкою: 5 аршин тафты и 4 аршина сукна. Таким образом, Корчмин увеселял государя, т.е. ходил на медведя в течение десяти лет, а может быть и больше, так как не сохранилось полных погодных записок об этой потехе.

Другой герой этой потехи, конный псарь Алексей Меркульев, ходил на медведя в течение двадцати лет слишком, с 1630 г до 1651 г. Третий псарь Петр Молчанов стаивал на потехе более тридцати лет, с 1620 по 1651 г.; четвертый – Осип Молчанов около 25 лет. Многие другие конные и пешие псаря также не по разу, а много раз тешили государей медвежьими боями. Подвиг медвежьего поля становился иногда достоянием целого рода: таковы были указанные выше псаря царя Михаила: Петр и Осип Молчановы, может быть, отец и сын или братья; при царе Алексее отличались на медвежьих боях сыновья Осипа Молчанова: Матвей и Иван, а также их родственники – Михаил, Любим и Фадей Молчановы. Славна была также и семья Озорных: отец Богдан Озорной потешал царя Михаила, а сыновья его, Никифор и Яков, – царя Алексея Михайловича.

Печатается по книге "Царская охота на Руси Царей Михаила Феодоровича и Алексея Михайловича. XVII век. Исторический очерк Николая Кутелова". Санкт-Петербург. Экспедиция заготовления государственных бумаг. 1898 г. Ценный фонд областной научной библиотеки.

САМАЯ ДРЕВНЯЯ ЛОДКА

Самый древний в мире челн найден на берегу Дона около села Щучье. Его длина 7,55 метра. Челн выдолблен из целого ствола дуба.

Исследователи установили, что челн построен примерно 4 тысячи лет назад. Сейчас он хранится в Государственном Историческом музее в Москве.

САМЫЙ СТАРЫЙ ПОРТ

Самый древний морской порт России – Архангельский. Первоначальные его постройки относятся к XVI веку. Свое название порт получил в 1613 году по имени находившегося рядом монастыря.

Отсюда, из устья Северной Двины, уже в XII веке Русь вела торговлю со Скандинавскими странами, а затем и с другими государствами Западной Европы. До основания Петербурга Архангельский порт был единственным морским в Русском государстве.

ПЕРВЫЙ КОРАБЛЬ

Принято считать, что первый корабль русского флота был построен на Архангельской судовой верфи, принадлежавшей купцам Бажениковым. Он был спущен на воду 20 мая 1694 года. Назывался корабль "Святой Павел". Однако, еще прежде, в 1669 году, под Москвой, в селе Дединове, был построен самый первый русский военный трехмачтовый корабль "Орел". Там же была построена яхта,

которая вместе с "Орлом" и двумя "вооруженными шлюпами" прошла по Оке и Волге в Каспийское море для "охраны торговли с Персией". В 1670 году "Орел" был сожжен в Астрахани повстанцами Степана Разина.

САМЫЙ БОЛЬШОЙ ЯКОРЬ

У входа в краеведческий музей в городе Николаевске-на-Амуре демонстрируется якорь из кованого железа, относящийся ко времени зарождения российского флота. Высота якоря – 4,8 метра, а вес – 6,1 тонны.

ПЕРВЫЙ МАЯК

Огонь, зажженный 4 апреля 1704 года на Петропавловской крепости в Санкт-Петербурге, считается первым русским маяком. С ростом города он за ненадобностью был упразднен.

ПЕРВЫЙ РУССКИЙ ПАРОХОД

3 ноября 1815 года от пристаней Петербурга отошел первый русский пароход "Елизавета". Через 2 часа 45 минут он прибыл в Кронштадт. Пароход шел со скоростью 8,75 версты в час. Мощность его двигателя была всего 4 лошадиные силы.

ГУБЕРНСКИЙ

2/96

ИСТОРИКА
КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
КУЛЬТУРНО-
ПРОВЕДТЕЛЕСКИЙ
НАУЧНО-
ПЕЧАТНЫЙ
ЖУРНАЛ

ДОМ

Время Общество Знание

Традиции. Предпринимательство и просвещение.

Город мастеров. Символика древних славян.

В гостях. Жизнь рядом с книгой.

Свидетельства Архивы Документы

О Костроме и костромичах.

Воспоминания Александра Лаговского.

Зри и помни.

Записки поручика лейб-гвардии Семеновского полка.

Первая типография в Костроме.

Литература Искусство Культура

Издано в губернии. Литературные новинки 1995 года.

Народное творчество. Костромские сказки.

Новая рубрика: «Бранделясь».

Редактор Николай Муренин
Художественное оформление Юрия Бекишева, Василия Чистова
Фото Георгия Белякова
Исторические снимки из фондов областного государственного архива
и областного музея-заповедника
Компьютерная верстка — Дмитрий Кротков

Адрес редакции: 156000, г.Кострома, пр.Мира, 7, тел. 51-67-38.

Извините, рецензировать и возвращать рукописи не имеем возможности.

Сдано в набор 20.12.95 г. Подписано к печати 05.02.96 г.

Печать офсетная. Объем 10 п. л. Тираж 1000 экз. Цена свободная.

Набрано и сверстано в редакции журнала "Губернский дом",
отпечатано в областной типографии им.М.Горького
управления по делам печати и массовой информации администрации
Костромской области, г.Кострома, ул.Щербины, 2.

Великий князь Константин Николаевич Романов (1827-1892),
генерал-адмирал Российского флота.